

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ, С.С. ЛАЗАРЯН

**ПОЛЬСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КРИЗИС
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ**

(ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

Пятигорск
2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ, С.С. ЛАЗАРЯН

**ПОЛЬСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КРИЗИС
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)**

МОНОГРАФИЯ

Пятигорск
2023

УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 52
К 51

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «ПГУ»

Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Польско-северокавказский кризис первой половины XIX века как вызов российской государственности и пути его преодоления (исторические очерки): монография / Под редакцией проф. Ю.Ю. Гранкина. Пятигорск: ПГУ, 2023. – 242 с.

В процессе формирования российского многонационального государства имели место как мирные, так и насильственные способы интеграции. Отдельные регионы в течение продолжительного периода были очагами военно-политической дестабилизации. В первой половине XIX века к их числу относились территория Царства Польского и отдельные районы Кавказа. Часть населения здесь выступала против имперской власти, в том числе участвуя в вооружённой борьбе. Однако были и те, кто готов был поддерживать российские порядки и противостоял своим «непримиримым» соотечественникам. Власти стремились расширить социальную базу своих сторонников и проводили политику, направленную на органичное включение и адаптацию подданных, проживавших на конфликтных территориях, в социокультурное, правовое и экономическое общеимперское пространство. Данный исторический опыт не потерял своей актуальности, поскольку является важным фактором в процессе формирования стратегии устойчивого развития российской государственности.

Издание рассчитано на всех интересующихся политикой России на национальных окраинах, причинами и обстоятельствами формирования здесь «очагов нестабильности» и социально-политическим инструментарием по их преодолению.

ISBN 978-5-4220-1367-8

© ФГБОУ ВО «ПГУ», 2023

© Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Destruam et aedificābo (разрушу и построю): интересы России в Польше и на Северном Кавказе....	4
Северокавказские рубежи российской государственности: ретроспектива совместничества..	19
Обстоятельства появления поляков на Северном Кавказе и военно-политическая ситуация в регионе в первой половине XIX века.....	44
Полицейские меры в отношении участников восстаний 1830 – 1831 гг. и 1863 – 1864 гг. в Царстве Польском и их кавказское отражение.....	57
«Тёплая Сибирь»: поляки в составе кавказской пенитенциарной системы.....	76
Горцы Северного Кавказа и «польская справа».....	87
«Дабы они восстали вместе с польским восстанием...»: пребывание польских инсургентов среди «немирных» горцев.....	117
«Пользующийся весьма справедливо общим уважением»: поляки на службе русского царя.....	139
«Одну половину бедолаг продали, а другую заковали в цепи»: поляки в плену у горцев Северного Кавказа.	192
Список источников и литературы.....	216
Summary.....	239

DESTRUAM ET AEDIFICĀBO (РАЗРУШУ И ПОСТРОЮ): ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ПОЛЬШЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Расширение территорий российского государства приводило к появлению в его составе новых территорий. Их населяли народы, чей хозяйственный и социокультурный облик не всегда вписывался в существующие принципы и правила жизненного уклада державы. В этом случае приходилось предпринимать затратные усилия по реформатированию таких обществ, меняя, по возможности, их архетипы, и, в свою очередь, испытывая культурное воздействие со стороны новых соотечественников.

Изначально формируясь как полиэтничное пространство, Россия за свою многовековую историю накопила немалый опыт примирения даже недавних антагонистов, в силу специфики своего образа жизни «иммунных» к внешнему воздействию и враждебно воспринимающих любые попытки повлиять на существующее у них мироустройство.

Необходимость присоединения столь проблемных земель зачастую имела вынужденный характер, связанный с задачей обеспечения внешнеполитической безопасности. Отсюда и упорство, а порой и бескомпромиссность в освоении новых владений, целесообразность в обладании которыми не раз ставилась под сомнение как современниками, так и потомками.

В этом отношении польский и кавказский вопросы, надолго сделавшиеся очагами нестабильности для империи, весьма примечательны, т.к. служат наглядным примером преодоления изначального отторжения, демонстрируемого сторонами межкультурного диалога.

Отношение к полякам и Польше в русском обществе вместе с тем никогда не было однозначным. Многие оппозиционно настроенные к власти подданные императора видели в них пример самоотверженной борьбы «во имя Бога, за нашу и вашу вольность». Им соперничали не только маргиналы

из несистемной оппозиции, но даже члены императорской фамилии, готовые прощать строптивым подданным их «измены», а то и откровенную русофобию.

История России и Польши может быть рассмотрена с позиции многовекового соперничества, и вслед за А.С. Пушкиным остаётся повторить:

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?¹

Оценка в русской литературе была и куда более резкой, вплоть до оскорбительных образов, как у Д.В. Давыдова:

Поляки, с Русскими вы не вступайте в схватку:
Мы вас глотнем в Литве, а вы...м в Камчатку².

На заре становления своей государственности Русь и Польша оказались в равных стартовых условиях. Вызовы, которые им приходилось преодолевать, не давали никому из них существенных преимуществ в развитии. Но уже с XVI в. «начинается дивергентное расхождение, постепенно приведшее одну славянскую державу к статусу империи и сверхдержавы, а другую – к исчезновению с карты»³. В результате активной внешнеполитической экспансии Польше, значительно усилившей свой потенциал благодаря унии с Литвой, удалось подчинить богатейшие земли Украины. Она

¹Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. С. 499.

² Давыдов Д. Полное собрание стихотворений / Редакция, вступительная статья и примечания Вл. Орлова. Ленинград: Советский писатель, 1941. С. 105.

³Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 60.

получила аграрную базу, с помощью которой могла содержать многочисленный слой военной аристократии, занимавшей весьма существенную нишу в польском социуме. Если в России служилое дворянство оценивалось в три процента от общего числа населения, то шляхтичей было не менее десяти. Обладавшие политической автономией, они не зависели от короля и, будучи самостоятельными вотчинниками, «чьи земли и привилегии унаследованы от воинственных праотцев», могли воспользоваться *liberum veto*, заблокировав любое начинание сейма¹. Дворянские вольности Речи Посполитой в итоге приводили к тому, что для управления страной часто «избирались посредственности, которыми легче было манипулировать»². Но зато можно было не опасаться покушений на права элиты, первое время успешно демонстрировавшей свою способность справляться с историческими вызовами как во внутренней, так и внешней политике. Уверенно продвигаясь на восток, Польша постепенно сделалась житницей Европы. Если испанские идалго обрушили на Старый свет драгоценные металлы, то шляхтичи снабжали его своим продовольствием и сельскохозяйственным сырьём. Эксплуатация украинских и белорусских холопов обеспечивала даже небольшим усадбам значительный экспортный доход, позволявший содержать знаменитую польскую кавалерию, заслуженно пользовавшуюся славой сильнейшей на континенте. Владельцу-пану даже не нужно было вникать в особенности организации хозяйственной жизни своего экспортно-ориентированного аграрного предприятия, т.к. за него это делал наёмный еврей-управляющий.

В такой ситуации ожидать развития передовых производств не приходилось. Необходимые товары всегда можно было приобрести у тех, кто закупал у поляков их сырьё. Расширить же собственные возможности для их приобретения удавалось за счёт усилившейся крепостной эксплуатации, когда крестьян переводили на месячину.

¹ Там же. С. 63.

² Там же. С. 64.

За витриной внешнего благополучия скрывался будущей системный кризис Речи Посполитой. Лишь «выход из зоны комфорта» мог дать ей шанс на спасение, но внутренних предпосылок для этого не было¹.

Между тем ситуация в мире претерпела кардинальные изменения. Произошедшая «пороховая революция» вернула прежней статус «царице полей» пехоте, сбросившей вместе с артиллерией кавалерию с её пьедестала. Это полякам весьма наглядно продемонстрировали шведы, война с которыми в середине XVII в. стоила им трети населения. А «пасынки судьбы» русские, чуть было не ставшие подданными польской короны, преодолев Смуту, создали в итоге империю. Их многонародная страна «с её централизацией, уральскими заводами и колоссальными землями, загодя приобретёнными и освоенными на юге и востоке, быстро превращалась в военную державу мирового класса. При таком балансе сил Речь Посполитая была обречена на поглощение, которое логически завершило периферийное ослабление её экономики и политической организации»².

Сформировавшийся и закрепившийся архетип сознания польской элиты не позволил ей консолидироваться даже в обстоятельствах, грозивших потерей суверенитета их отечеству³. Последовавшие три раздела страны более чем на столетие прервали самостоятельность государства, некогда являвшегося одним из европейских лидеров, претендовавшего на «Польша от можа до можа». Примечательно, что Россия не вынашивала замысла по ликвидации её государственности и вынужденно пошла на этот шаг. Перед Екатериной II стояли

¹ Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 445.

² Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. С. 69.

³ Липатов А.В. Шляхетская демократия эпохи Просвещения: национальная ментальность, культурно-государственная традиция и историческая необходимость // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 215.

совсем другие задачи, а польское направление считалось второстепенным, и в качестве противника Польша не рассматривалась.

Не вызывают возражений выводы П.В. Стегния о том, что «Речь Посполитая в условиях, когда во второй половине XVIII века потенциальная угроза со стороны центрального и северного звеньев «Восточного барьера» была уже значительно ослаблена, являясь для Екатерины II, в отличие, скажем, от короля Пруссии, не столько главным объектом, сколько плацдармом для проведения политики, основной вектор и функции которой имели юго-западное, черноморско-балканское направление и были связаны как со стратегическими замыслами императрицы, так и с её стремлением стимулировать торговлю южных районов России»¹. Но опасение, что аморфная и лишённая витальности Польша станет трофеем «вероятных противников» в лице Пруссии и Австрии заставила императрицу пойти на этот шаг. Вынужденное приобретение, ставшее источником затянувшегося, теперь уже внутреннего противостояния на неопределённый срок выдвигало на повестку дня решение задачи по превращению не склонной к конструктиву польской вольницы в законопослушных подданных империи.

Стремясь вернуть прежний статус, польские патриоты готовы были жертвовать своими жизнями, но оказались неспособны к объединению. Социальные, конфессиональные и этнические противоречия продолжали раздирать их общество. Русофобия становилась важным элементом консолидирующей идеологии, позволявшим несколько смягчать имеющиеся разногласия². Расчёт на иноземного благодетеля, готового вернуть им контроль над собственной страной, делал

¹Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 409.

²Карнаухов Д.В. Средневековая Русь в историческом образовании Польши: истоки формирования стереотипов // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 60 – 65.

Польшу плацдармом для антироссийской агрессии, порождая ответную жёсткую реакцию со стороны Петербурга¹.

Тем не менее поляки-инсургенты, исходя из принципа «враг моего врага – мой друг», искали малейшую возможность навредить России, среди прочего рассматривая горцев Кавказа как силу, способную спровоцировать беспорядки и в конечном итоге обеспечить крушение ненавистного государства-конкурента.

Значение Кавказа для интересов Российской империи в исследуемый период нуждается в пояснении, т.к. зачастую сведение всей проблемы к исключительно колониально-экономическим приоритетам не выдерживает критики. Как раз хозяйственное освоение региона представлялось при ближайшем рассмотрении малопродуктивной задачей, в силу отсутствия информации об имеющихся здесь природных богатствах. Подтверждённые в наличии полезные ископаемые были сложны в разработке, а самое главное – отсутствовали развитые транспортные коммуникации, которые позволили бы вывозить их за пределы края.

Гипотетический вариант, связанный со строительством здесь соответствующей промышленной базы, воплотить в жизнь было невозможно. Сил и средств в казне для этого не было, а привлечь частный капитал у правительства не получалось, т.к. повышенные военно-политические риски отпугивали от Кавказа потенциальных инвесторов. В империи и без того было немало привлекательных источников финансовых вложений, суливших выгоду без чрезмерной опасности разорения.

Представляют интерес те пояснения, которые дал министру финансов графу Е.Ф. Канкрину один из наиболее осведомлённых в местных реалиях российский генерал А.А. Вельяминов: «Вами известно, что до сих пор в Кавказской области мануфактурная промышленность, можно сказать, не существует. Главные этому причины состоят, кажется, в недостатке капиталов, в недостатке людей образованных, имеющих хотя

¹Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815 – 1830. М.: «Индрик», 2010. С. 18 – 19.

порядочные сведения в механике и химии, в недостатке сообщений. Всякое мануфактурное заведение требует капитала более или менее значительного»¹. Но таких людей в Кавказской области не было. Местное купечество, охарактеризованное как «малочисленное», не имело серьёзных капиталов и предпочитало зарабатывать на торговле, обеспечивающей быстрый оборот вложенных средств. Вкладываться в мануфактуру в этой связи желающих не было.

Этим круг проблем не ограничивался: «Недостаток образования и сведений, необходимых для производства мануфактурных работ, есть вторая причина, препятствующая до сих пор введению мануфактурной промышленности в Кавказской области»². Дефицит таких профессионалов ощущался во всей империи, а уж найти их на беспокойной окраине было тем более непосильной задачей. Расчёт на то, что предприниматель, сам не обладая должной компетенцией, сумеет найти грамотного управляющего, имел значительные риски, на которые указывал автор этой аналитической работы: «Каким образом человек, не подозревающий, что такое механика, может судить о способностях того, кто будет управлять в заведении его по части механической? Как может он судить, что предполагаемая механиком его машина наиболее соответствует той степени совершенства в произведениях его, которая нужна для успешнейшего сбыта товаров?»³.

Продолжая разбор тех препятствий, которые не позволяли надеяться на успешное развитие промышленного потенциала края, А.А. Вельяминов вновь поднимал тему недостатка путей сообщений. По его словам, это «одна из главных причин, препятствующих введению в Кавказской области мануфактурной промышленности. Удобные сообщения нужны не только для вывоза мануфактурных произведений, которые не могут быть проданы в области, но и для привоза различных

¹Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (в дальнейшем – АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 817.

²Там же.

³Там же.

мануфактурных потребностей»¹. И здесь сама природа выступала противником человеческих усилий. При существующем тогда уровне технического прогресса единственным выходом было использование водных коммуникаций. Однако «область отделена от внутренних губерний не только большими расстояниями, но и степями. Волга и Дон облегчают сообщения её, но мало. Берег каспийского моря от Астрахани до Баку нигде не представляет удобной пристани. Исключая Кизляра, который лежит недалеко от моря, прочие города Кавказской области отделены значительными расстояниями...», как от морей, так и от судоходных рек².

Наконец ощущался дефицит рабочих рук, что приводило к значительному удорожанию их найма. Примечательно, что привлечение на мануфактуры работников из числа горцев даже не рассматривалось. И дело было, как представляется, не в предвзятости к ним генерала, а в мотивации и готовности самих кавказских аборигенов. Архаичные общественные отношения, иммунность к предлагаемым извне новациям, доминирование маскулинных ценностей с присущим им увлечением «престижной экономикой» в виде набегового промысла – всё это осложняло привлечение и использование местных трудовых ресурсов, к тому же не обладавших необходимыми навыками, в промышленном производстве³.

Таким образом, внутренний потенциал края не позволял рассчитывать на развитие здесь новых отраслей, а потому предложения А.А. Вельяминова были связаны с тем, «чтобы обратить на эту землю внимание капиталистов, торгующих в столицах и во внутренних губерниях»⁴. Привлекать их предполагалось за счёт всевозможных преференций со стороны правительства, но даже щедрые посулы в итоге не убедили

¹Там же. С. 818.

² Там же.

³ Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 84.

⁴АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 818.

владельцев крупного капитала рисковать им в «стреляющем» регионе.

Кавказ явно не походил на территорию колониального грабежа, а являлся скорее «бездонной бочкой» для российской казны¹. Хронический дефицит местного бюджета покрывался за счёт других, преимущественно «славянских» губерний империи².

Достаточно быстро развеялись мечты о несметных богатствах кладовых кавказских недр. Даже в Закавказских владениях, казавшихся источником наполнения внутреннего рынка страны колониальными товарами, доходы не покрывали затратную часть бюджета³. Значительная часть полезных ископаемых была попросту не нужна промышленности в доиндустриальную эпоху.

У Н.И. Покровского встречается категоричное утверждение, что «самодержавие пришло на Кавказ с двумя задачами: захватить для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями»⁴. Но даже если согласиться с подобным выводом, следует разобраться, насколько это нужно было самим представителям указанных сословий, ради которых всё это, по мнению исследователя, и затевалось. Сам автор писал, что «помещики жадно бросались на Северо-Кавказскую степь, расхватывали её»⁵. Но одновременно он цитировал источник, датированный 1860 г., гласивший, что застой в развитии местной промышленности «должно считать отсутствие в крае помещиков»⁶. Щедрые раздачи земли, как оказалось, не являлись

¹Лалин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2008. С. 39 – 40.

²Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801 – 1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 112.

³АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 9.

⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 103.

⁵Там же. С. 104.

⁶Там же.

показателем колониальной эксплуатации и выглядели подобно экономическим «веригам», вкладываться в которые землевладельцы не спешили. Н.И. Покровский обращал внимание, что наиболее крупные раздачи земель практиковались во второй половине XVIII в. – «в эпоху, предшествующую началу мюридизма»¹.

Видимо, это должно было объяснить причину вооружённого противостояния между частью горского общества и российской властью. Но приводимые им примеры были связаны преимущественно со степной частью края, которая не была охвачена упомянутым протестным движением, а народы, наиболее активно проявившие себя в газавате, никогда на этих землях не проживали². Чтобы заселить новое пограничье, власти вынуждены были идти на весьма затратные шаги, обеспечивая переселенцев необходимыми ресурсами и предоставляя всевозможные финансовые преференции. Но даже это не спасало их от всевозможных тягот и высокой смертности, а Кавказ приобретал сомнительную славу «погибельного» даже без учёта не прекращающихся здесь военных действий³. Неслучайно рождались песни, в которых здешние места никак не напоминали «подрайскую землицу»:

Ты зачем, мой друг, стремишься
На тот погибельный Кавказ,
Ты отголь не возвратишься, –
Говорит мне томный глас⁴.

¹Там же. С. 105.

²Лапин В.В. Указ. соч. С. 37.

³Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827). Ессентуки, 1999. С. 100 – 111; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. С. 187 – 210; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844 – 1854 гг.). М.: Проспект, 2022. С. 439 – 456.

⁴Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1914 год. Екатеринодар, 1914. Т. XIX. С. 473.

Такой незаурядный отечественный мыслитель, как Н.Я. Данилевский, вообще считал южный вектор колонизации наименее привлекательным для российского крестьянства, крайне тяжело адаптировавшегося к местным условиям. Он утверждал, что «Юг для народов севера имеет в себе что-то убийственное. Возьмите для примера хоть поселение русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленной к своей собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности»¹. Можно найти примеры, не соответствующие такому выводу, но многочисленные жертвы среди колонистов не позволяют отказать автору в справедливости его точки зрения. Тем не менее власти настойчиво продолжали осуществлять колонизационную экспансию, осознавая, что без неё не смогут рассчитывать на быстрое экономическое развитие стратегически важного региона².

И даже когда было сломлено сопротивление «немирных» горцев, а значительная часть наиболее непримиримых противников русской власти предпочла эмигрировать в Турцию, процесс освоения новых земель славянским элементом шёл с большим трудом. Волею правительства эти люди попали в совершенно чуждую для их хозяйственного уклада обстановку: «Кругом – горы, дремучий лес и море, все незнакомые картины для степняков. Что им делать? Стали они «робить» хаты и балаганы по низменностям около речек, где никогда не селились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности над низинами, в которых они разводили сады и разрабатывали поля. Русские, напротив, поставили хаты в самых низких местах, ниже даже уровня моря, и, разумеется, enmasse

¹Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. Издание пятое с посмертными примечаниями, статьёю К.Н. Бестужева-Рюмина, и указателями предметов и имён. СПб., 1895. С. 52.

²Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 85.

заболели лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, действительно, очень скоро: одни лечили, другие хоронили, ибо лихорадки при таких условиях выражались осложнениями, которые вели в могилу»¹.

Иллюстрацией происходившего могут выступить впечатления одного из путешественников, посетившего Черноморское побережье Кавказа и испытавшего на себе все сомнительные «удобства», встретившиеся ему в пути. Отсутствие сухопутных дорог заставило его воспользоваться морским транспортом, но тот далеко не везде мог пристать к суше. Он стал свидетелем того, как пассажиры не смогли высадиться в Сочи, о чём поведал, что такие «приключения» являются обычным делом, и порой неделями люди вынуждены дожидаться благоприятных обстоятельств, бесцельно бороздя прибрежные воды, прежде чем судно приставало в нужном порту².

Не менее пессимистичны его впечатления о Сухум-кале: «Говорят, что Сухум-кале – рай земной. Может быть, по климату и окрестностям, для больных грудными болезнями это и справедливо, но самый городок произвёл на нас впечатление грязного местечка. Восточный город сказался сразу с того момента, как мы вступили на его землю. Нас окружила толпа носильщиков, едва понимавших по-русски, и между ними не было ни одного русского. Рабочий люд, ищущий заработка, состоит здесь из турок, мингрельцев, имеретин, греков, грузин, армян. Вся эта разношерстная толпа, довольно обтрёпанная, высыпала на берег. Заселение русским элементом этого города, взятого нами у турок, под владычеством которых он находился до 1856 года, подвигается весьма медленно. Впрочем, это явление сказывается повсеместно

¹Васюков С.И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 562 – 563.

²Соколов (Костромской) П. По Чёрному морю и его побережью (Воспоминания о поездке в 1898 г.) // Русское судоходство. 1904. № 12. С. 145.

в наших окраинах, отвоёванных у восточных и азиатских народов...»¹.

Ещё хуже дело обстояло в горных районах Северо-Восточного Кавказа, которые так и не смогли колонизовать русскими людьми. Так, полной неудачей закончилась попытка Великого князя Михаила Николаевича организовать слободы на Гунибе и в Карадахе. Наместник добился щедрого финансирования переселенцев, но найти необходимого количества желающих обосноваться в непривычных ландшафтно-климатических условиях, да ещё в окружении народов, совсем недавно с оружием в руках выступавших против властей, оказалось затруднительно. Из запланированных 250 семейств удалось склонить к переезду лишь 46. Задуманный в 1868 г. проект был свёрнут уже в 1874 г. Поселяне стали не поддержкой гарнизонов расположенных здесь укреплений, а дополнительной обузой, от которой предпочли избавиться.

Социально-экономические интересы в присоединении новых территорий никак не оправдывали тех затрат и издержек, которые несла империя на своём новоприобретённом фронтире. Если бы проблема заключалась исключительно в получении хозяйственной выгоды, то истраченные на Кавказе людские и материальные ресурсы принесли бы куда большую пользу в Южной Сибири, Поволжье и Новороссии².

Но когда вопрос шёл об обеспечении безопасности южных рубежей, подобные рассуждения уходили на второй план. В приоритете была военно-политическая стабильность, обеспечить которую можно было, лишь надёжно закрепившись на Кавказе. Одновременно это был плацдарм, опираясь на который Россия становилась влиятельным игроком в Азии, чьё значение постоянно возрастало³. «Для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена

¹Там же. С. 147.

²Лапин В.В. Указ. соч. С. 37.

³Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552 – 1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2000. С. 33.

средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Чёрное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью», – писал Р.А. Фадеев¹.

Поэтому, несмотря на колебания правительственного курса, выражавшиеся в присоединении и оставлении кавказских территорий, окончательный результат был предопределён геополитическими раскладами, игнорировать которые империя не могла². Купируя внешнеполитические вызовы, российская государственность приступила к обустройству присоединённых территорий, в очередной раз за свою многовековую историю формируя из проживавших здесь народов органичную часть великодержавного социума.

Логика развития российской государственности привела к тому, что польский и кавказский очаги нестабильности оказались взаимосвязаны, хотя и казались, на первый взгляд, порождением совершенно различных обстоятельств. Задумывавшийся над этой исторической коллизией Р.А. Фадеев отмечал, что «имена Польши и Кавказа проставлены рядом не случайно. Наружной связи между ними нет; материально эти страны составляют два совершенно отдельные центра действия; однако же внутренняя связь не только существует, но даже обнаруживается довольно явственно. Недавно один из значительных европейских дипломатов в Константинополе говорил: «Европа не может видеть с равнодушием покорение Кавказа. Независимый Кавказ для неё так же желателен, как была бы желательна независимая Польша. Независимость Кавказа могла бы даже сильно содействовать в удобную минуту независимости Польши». Действительно, дело шло для России об одном и том же вопросе на Кавказе,

¹Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 40.

²Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735). М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. С. 360 – 367; Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722 – 1735). Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. С. 180.

как и в Польше; тот же момент нашей истории выразился одинаково на двух окраинах империи. Почти одновременно русский народ встретил в своём естественном росте два препятствия, перед которыми он не мог остановиться, не отказываясь от половины уже совершённого пути: одно на европейском, другое на азиатском рубеже. <...> И там, и здесь покорение противников было не целью, а только средством навсегда обезопасить от вражеских покушений, прочно укрепить за собой своё родное, несомненно нам принадлежащее»¹.

Если для Великобритании или Франции их колонии представляли, прежде всего, материальную ценность, источник получения доходов, то для России мотивация в удержании окраинных территорий определялась иными значимыми категориями. Будучи заложником геополитических реалий, она, в иных обстоятельствах избавляясь от непосильной ноши разросшихся владений (пример тому Аляска), здесь вынуждена была применять все имеющиеся средства, чтобы удержать проблемные рубежи. К моменту поглощения польско-северокавказского фронта надежды на то, что на их месте возникнет дееспособное политическое образование, у российского правительства не было. А потому выбор был невелик: либо они становились частью собственного имперского пространства, либо отходили к чужому. Гипотетическое сохранение их независимости не гарантировало лояльного, или хотя бы нейтрального соседства и лишь сужало возможность воздействия на эти очаги дестабилизации. Следовало разрушить сформировавшуюся здесь агрессивную вольницу и выстроить предсказуемую модель общественно-политических отношений в рамках уже российской государственности. *Destruametae difiçabo* (разрушу и построю).

¹Фадеев Р.А. Кавказская война. С. 112.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ РУБЕЖИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВА СОВМЕСТНИЧЕСТВА

Весьма популярная в последнее время и неоднозначно трактуемая идея «русского мира», возможно, никогда не будет иметь чётко артикулируемой формулировки, т.к. вынуждена учитывать самые разные, порой конфликтующие факторы¹. Представляется, что эта социокультурная общность давно переросла, а скорее всего и никогда не была «собственностью» лишь русского этноса. В силу объективных причин она формировалась как многонародная симфония, в которой находили свою нишу представители разных этнических групп со своими языками, конфессиональными особенностями, ментальными установками.

В этой связи весьма показательно выглядят взаимоотношения русских и автохтонных народов Северного Кавказа, которые, пожалуй, лучше всего охарактеризовать термином «совместничество». В толковом словаре В.И. Даля это слово трактуется как соперничество, состязание, соревнование². Но в контексте русско-северокавказских отношений речь идёт скорее о «сотрудничестве-соперничестве», своеобразном партнёрстве, которое возникло в далёком прошлом³. Оно в итоге значительно усиливало все стороны такого межкультурного симбиоза, позволяло успешно противостоять общим угрозам.

¹Заместитель председателя ОВЦС: «Русский мир – это цивилизационная общность, образованная общими ценностями и общим опытом общественного строительства» / URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/26208.html> (дата обращения 16.03.2017).

²Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. М.: Рус. Яз., 1989 – 1991. Т. 4: Р – V. 1991. С. 255.

³Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Современные аспекты российского кавказоведения (мозаика новейших публикаций). Москва – Армавир, 2007. С. 8.

Этот исторический феномен сейчас получил название «российскость», которая и становится парадигмой в изучении данного явления¹.

Формирование русско-северокавказской общности явилось длительным процессом, который растянулся на тысячелетие и за это время переживал как взлёты, так и падения. Достаточно уверенно мы можем говорить о первых контактах начиная с IX в., когда русы начали проявлять военно-политическую активность в регионе, контактируя с местными племенами. Это были как вооружённые столкновения, так и, по всей видимости, вполне мирные союзы, в которых были заинтересованы обе стороны налаживающегося диалога.

Имеющиеся противоречия с Хазарским каганатом, который являлся преградой на пути установления торговых отношений с Востоком, заставляли русов предпринимать широкомасштабные вторжения в район Прикаспия, позиционируя себя в качестве силы, заручиться поддержкой которой были не прочь туземные народы. Заметным событием в местной истории стало взятие в 945 г. русами в союзе с аланами и лезгами расположенного в междуречье Куры и Аракса города Бердаа (или Партава). Судя по всему, они хотели закрепиться в этих местах, но были вытеснены войсками здешнего правителя Мохаммеда Ибн-Мусафита. Многочисленные упоминания об осаде Бердаа свидетельствуют о том впечатлении, которое она оказала на современников и участников этого события².

Началом нового этапа в русско-северокавказских отношениях стал поход князя Святослава против хазар в 965 г.

¹ Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок / Под ред. С.Л. Дударева. Москва – Армавир, 2006. С. 4 – 12; Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 17. Армавир, 2011. С. 125 – 126.

² Северный Кавказ с древних времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 65 – 66

В настоящий момент существует неоднозначная трактовка маршрута князя и тех военных успехов, которые им были достигнуты. Одни авторы ограничивают глубину вторжения районом Подонья, другие включают сюда и территорию Северного Кавказа, но, как представляется, важным были политические последствия усилий князя. Нанесённый им удар был во многом роковым для Хазарии и создал предпосылки для появления в регионе форпоста Руси в виде Тмутараканского княжества¹.

Первое упоминание о нём относится к 988 г. В этом году князь Владимир Святославич отправил сюда своего сына Мстислава, который со временем расширил и укрепил своё влияние не только на Таманском полуострове, но и на сопредельных территориях. Знаменитый поединок Мстислава с касожским предводителем Редедей был одним из шагов князя на этом пути². Стремление не допустить большой крови говорит об отсутствии серьёзной вражды между сторонами противостояния, а готовность дружины и подданных подчиниться новому предводителю свидетельствует о наличии сформировавшейся политической, а возможно, и культурной близости между русами и касогами.

Тмутаракань была местом, где проживали представители самых разных народов. Уникальность её заключалась в том, что здесь человек, в силу самых разных жизненных обстоятельств вырванный из собственной этнической среды, мог найти свою нишу среди таких же, как он сам, людей. И это касалось не только рядовых ремесленников, купцов, земледельцев. С историей Тмутаракани связана судьба и многих князей-изгоев, находивших здесь приют и возможность вновь

¹ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 118; Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 432.

² Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Краснодар, 1988. С. 96.

начать борьбу за власть со своими соперниками. Это был прообраз будущего многонародного и разноязыкого российского Кавказа, в котором будут причудливо сочетаться культурные особенности и традиции Востока и Запада.

К концу XI в. политическое доминирование Руси в Тмутаракани слабеет, и эта земля переходит к Византийской империи. Усилившиеся половцы фактически отрезают этот анклав от других русских земель, и постепенно его территория становится *terra incognita*.

Но полностью связи между Русью и народами Северного Кавказа не прекращаются даже в трагичный период золотоордынского господства. По всей видимости, здесь оказалось немало русских полоняников, угнанных в неволю завоевателями. К этому времени относится мученический подвиг князя Михаила Ярославича Тверского, вызванного в ставку к хану под страхом разорения его владений и принявшего смерть «за други своя»¹. Весьма примечательно, что князю предлагали скрыться в горах, где, очевидно, были люди, готовые рискнуть жизнью и спасти своего русского друга. Следы присутствия русского населения в регионе подтверждаются и археологическими находками, датируемыми ордынским периодом².

Новый этап русско-северокавказского сближения начинается по мере усиления Московского царства. Держава Ивана IV демонстрировала успехи в отстаивании своих внешнеполитических интересов и начинала выглядеть в глазах окружающих как привлекательный покровитель, способный оказать поддержку в нейтрализации крымского фактора.

¹Виноградов В.Б. Ещё раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде яском Деякове» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина) // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир, 2008. С. 132.

²Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. С. 132.

В свою очередь, Москва была заинтересована в усилении своего военно-политического потенциала, а потому достаточно благосклонно относилась к просьбам о подданстве. Итогом переговоров с прибывшими в 1552 г. посланниками от западноадыгских обществ стала поездка на Северный Кавказ Андрея Щепотьева, который должен был на месте разобраться в готовности черкесских племён присягнуть русскому царю. Вернувшийся летом 1555 г., посол привёз известия об их присяге «всей землёй» великому государю¹.

И хотя в тех исторических обстоятельствах речь шла скорее о военном покровительстве Москвы части местных обществ, это событие можно трактовать как важный шаг в формировании российского Кавказа. По крайней мере, он подтверждал наличие с обеих сторон взаимного интереса к сближению, хотя и не снимал тех противоречий, которые почти сразу возникли между участниками налаживающегося диалога. Каждая сторона стремилась к отстаиванию собственных интересов, и это нередко перевешивало ценность выстраиваемого сюзеренитета. Даваемая местными владельцами шерть (присяга) довольно легко нарушалась, тем более что и сам покровитель далеко не всегда мог выполнять взятые на себя обязательства по защите подданных.

Северокавказское этнополитическое пространство отличалось простотой и значительным внутренним конфликтным потенциалом. Региональные лидеры весьма ревниво следили за успехами друг друга и были готовы стать на сторону той силы, которая была враждебна их конкуренту. Альтернативой пророссийскому выбору был турецко-крымский вариант вассалитета, которым можно было шантажировать Москву. Этот устойчивый фактор будет определять причудли-

¹Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI – XVIII веках / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2008. С. 13.

вые коллизии русско-горского совместничества, делая вчерашних друзей врагами, а непримиримых противников – верными подданными¹.

Достаточно устойчивый альянс сложился у Москвы с кабардинским князем Темрюком Идаровым. Помимо участия в совместных походах, он стал ещё и тестем Ивана IV, выдав за него свою дочь Марию². Сам факт женитьбы говорит о достаточно высоком авторитете местных владельцев в глазах царя, который весьма щепетильно относился к своему статусу и не стал бы связывать судьбу с недостаточно престижной фамилией. Кроме того, Россия получала формальное право своего присутствия в крае, тем более что и сам Темрюк просил прислать к нему отряд с «огненным боем» на постоянной основе. В 1567 г. в устье Сунжи был возведён Терский городок, с которого началась практика фортификационного закрепления за Россией нового пограничья³. В дальнейшем это получило логическое продолжение в строительстве Кавказской линии. Подобная практика сохранялась вплоть до середины XIX столетия, став неотъемлемой частью российской политики в регионе.

Присутствие русских вооружённых сил открывало значительные перспективы для тех обществ, которые до этого были оттеснены на периферию местной жизни, фактически заперты в горах. Примечательно, что под защитой терского гарнизона достаточно быстро начинает формироваться полиэтничная слобода, а всё новые владельцы выражают готовность присягать Москве⁴. Их верность подтверждалась как на поле

¹Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сборник документов. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 1997. С. 55, 63 – 65.

²Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. I. С. 8 – 10.

³Виноградов В.Б., Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). Армавир – Майкоп, 2003. С. 70.

⁴Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI – XVIII веках. С. 27.

брани, так и в помощи российским дипломатическим миссиям, которые периодически посещали Кавказ¹.

Такая политическая активность сохранится вплоть до начала Смутного времени, когда поставленная на грань выживания Россия будет вынуждена ограничить своё присутствие в крае. Но даже в этот непростой период на Северном Кавказе сохранялись силы, которые продолжали придерживаться пророссийской ориентации².

Постепенно восстанавливаясь после затяжного социального кризиса, осложнённого иностранным вмешательством, Московское царство со второй половины XVI в. вновь начинает уделять внимание далёким северокавказским рубежам. Убедившись, что здесь не приходится ожидать консолидированной позиции со стороны местных центров силы, Москва выстраивает диалог с теми представителями элиты, которые демонстрируют свою состоятельность и готовность к сотрудничеству. То, что это ведёт к охлаждению, а то и к откровенному разрыву с другими претендентами на её покровительство, отдаётся в жертву целесообразности.

Весьма наглядным в этом случае видится ситуация с кабардинским князем Сунчалеем Янгличевым, который был участником подавления мятежа Ивана Заруцкого в Астрахани в 1613 г. За свою верную службу он фактически возглавил Терский городок, что привело к конфликту с горцами-ококами (одним из вайнахских племён), которые не желали признавать его власти³. Внутрорегиональное соперничество продолжало сохраняться даже при наличии общего сюзерена, власть кото-

¹Виноградов В.Б. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир, 2008. С. 190.

²Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. М.: Издательство НОРМА, 1998. С. 126 – 140.

³Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. I. С. 94 – 96.

рого не снимала имеющихся противоречий. Предпринимаемые дипломатические усилия далеко не всегда способствовали примирению конфликтующих сторон, а потому рассчитывать на стабильность и предсказуемость ситуации в крае без наращивания здесь своих военных ресурсов не приходилось, тем более что Кавказ постоянно находился в поле зрения геополитических конкурентов России в лице Персии и Оттоманской Порты.

Новый этап в русско-северокавказском сближении был связан со временем правления Петра I, когда российский император, рассчитывавший на создание нового транзитного маршрута на Восток, организовал в 1722 г. поход на Каспий¹. И хотя первоначальный замысел оказался неосуществим, важность укрепления позиций империи на кавказском рубеже не оспаривалась. Даже уступив значительную часть завоеваний Петра Великого, его преемники продолжали увеличивать здесь военное присутствие. Знаковым событием стало основание в 1735 г. города-крепости Кизляра – форпоста империи на Северо-Восточном Кавказе². Создавались условия для экономического и культурного освоения региона Россией.

Действовать приходилось в условиях достаточно жёсткого и энергичного противодействия со стороны Турции и Персии. Они также имели немало сторонников среди населения Северного Кавказа. В такой ситуации у местных племён было немало возможностей играть на противоречиях между крупными игроками «кавказского треугольника», не останавливаясь перед шантажом для отстаивания собственных интересов. На умонастроения влияли военные победы и демонстрация силы со стороны потенциального покровителя. Успехи России привели к тому, что в Петербурге в XVIII столетии нередко можно было увидеть делегации от различных северокавказских обществ, которые выражали

¹Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. С. 265.

²Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735 – 1800 гг.). Махачкала: ДГУ, 2011. С. 60 – 63.

желание присягнуть на верность империи. Как правило, встречали их весьма благожелательно, но далеко не всегда шли на удовлетворение высказываемых просьб. Будучи заинтересованным в лояльности местных племён, российское правительство прекрасно осознавало те немалые издержки, которые могли последовать за таким шагом¹. И далеко не всегда ожидаемые результаты казались оправданными, тем более что горцы, охотно пользуясь покровительством столь могучей силы, далеко не всегда желали брать на себя неминуемые обязательства перед государством.

В 1777 г. начинается масштабное строительство крепостей, предназначенных для пресечения возможных прорывов из Закубанья турок и их союзников². Стремление османского руководства вернуть потерянное влияние на Кавказе и в Причерноморье в Петербурге секретом не являлось, а потому новая война была более чем ожидаема. Следовало потопиться с возведением фортеций, которые должны были армировать российское пограничье, постепенно заселяемое подданными Екатерины II.

Этот замысел имел серьёзные издержки, т.к. неминуемо должен был встретить недовольство со стороны части местной элиты. Достаточно вспомнить болезненную реакцию кабардинской феодальной верхушки на строительство крепости Моздок в 1763 г. И это несмотря на то, что она скорее демонстрировала присутствие российского государства в крае, нежели реально ущемляла хозяйственные интересы местных племён³.

¹Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге 1749 – 1752: присоединение Осетии к России. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010. С. 130 – 131.

²Наш край. (Документы и материалы. 1777 – 1917 гг.). Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1977. – С. 19-20; Дебу И.В. О Кавказской линии. СПб., 1829. С. 66.

³Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начале XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. С. 27 – 28, 32 – 33; Клычников Ю.Ю. Исследование А.А. Епифанцева и размышления

Кабардинские владельцы не без оснований опасались, что наличие российских военных сил поставит крест на их амбициозных замыслах позиционировать себя в качестве региональных лидеров, которые брали на себя заманчивую роль ретранслятора между империей и местными народами со всеми присущими такому статусу преференциями и финансово-политическими выгодами.

Начавшаяся в 1787 г. новая война с Турцией продемонстрировала своевременность и оправданность шагов российского правительства. И в дальнейшем эта практика была продолжена, став частью стратегии России по распространению своей власти на весь регион Северного Кавказа.

Процесс модернизационного преобразования Северного Кавказа, начатый Российской империей по мере освоения новых южных территорий, имел разноплановый характер. Среди предпринимаемых усилий большое значение придавалось урбанизации региона, что в перспективе должно было обеспечить создание новой модели этносоциокультурных отношений, потеснить присущую местным горским сообществам архаичную локальность.

Действовать приходилось буквально «с чистого листа». Утверждения о наличии в прошлом на Северном Кавказе городских центров следует считать преувеличением. Крупные поселения не имели всех необходимых городу черт, т.е. не аккумулировали хозяйственные, политические, культовые и административные функции, которые и делают населённый пункт городом. Соответственно, городская культура с присущим ей приоритетом надплеменных ценностей отсутствовала¹.

о проблемах современной кавказоведческой историографии // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 17. С. 104.

¹ Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 6 – 7.

Привнося городской образ жизни, империя наносила удар по местному традиционализму, готовила почву для появления людей, готовых к активной межкультурной коммуникации, на которых в дальнейшем можно было опираться в выстраивании диалога с новыми подданными. В тогдашних реалиях Северного Кавказа урбанизация могла происходить лишь в форме военно-политической колонизации, когда целая цепь фортификационных сооружений протянулась от Каспийского до Азовского морей, заложив основу будущим городским центрам региона. Укрепления сделались стержнем масштабной казачье-крестьянской колонизации. Частная инициатива и государственная воля совместно приступили к формированию фронта (пространства неопределённости) в российской истории. Они породили новую социальную идентичность, для которой стали присущи черты русского державного сознания и кавказско-горского кланового патриотизма – культурно-исторического феномена, специфика которого ещё долго будет оставаться среди перспективных направлений отечественного кавказоведения¹.

Возведённая кордонная линия позволила обеспечить относительную безопасность для масштабных хозяйственных и социокультурных новаций, которые стали внедряться в местную практику. Постепенно укрепления начали терять свою военную функцию, на смену которой приходили экономические приоритеты. Даже сторонние наблюдатели отмечали тот факт, что российские укрепления притягивали к себе горцев, которые стремились укрыться «за гранью дружеских штыков»². Очень скоро «по всей линии племени, угнетаемые

¹Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016.

²Кер-Портер Р. Путешествия по Грузии, Персии, Армении и т.д. в 1817 – 1820 годы // Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 195.

другими, а также отдельные лица, стремящиеся избегнуть мести, пришли под защиту русских и образовали ядро колонии...», – писал французский путешественник-натуралист Ш. Беланже в 1825 г.¹. Всё это предопределило специфические русско-европейские и восточные черты местных городских центров, ставших, помимо прочего, очагами христианско-мусульманской полифонии².

Российские социетальные ценности постепенно перемалывали прежнюю замкнутость и гомогенность, которые были присущи горской ментальности. Способствуя появлению и закреплению состояния фронтирности, Азово-Моздокская линия и возникшие на её основании новые пограничные рубежи в итоге привели если не к полному изживанию, то к значительному ослаблению этого явления на Северном Кавказе.

В выстраивании своей северокавказской политики империя в немалой степени оказалась заложницей внешнеполитических факторов. Включение в состав России в 1801 г. Картли-Кахетинского царства фактически не оставляло другого выбора, кроме как начать распространение державных порядков на территории Северного Кавказа. Делалось это в достаточно сжатые по меркам истории сроки, а реакция местных народов на столь радикальные изменения в своей жизни была нередко враждебной.

Среди факторов, которые болезненно сказывались на выстраиваемой модели совместничества, выделялся подход в оценке работорговли, получившей распространение в крае. Определить время, когда на Кавказе зародилась практика торговли рабами, однозначно не представляется возможным. Уже

¹Беланже Ш. Путешествие в Восточную Индию в 1825 – 1829 годы // Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 212 – 213.

²Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. С. 16.

в античный период регион являлся поставщиком «живого товара»¹. В дальнейшем эта деятельность не только не прекратилась, но и получила широкий размах, т.к. существовавший устойчивый рынок сбыта в Османской Порте подстёгивал интерес к такому занятию². Внутренние потребности в использовании рабов были невелики, а потому те шли преимущественно на продажу за пределы Кавказа. Российская империя, вплотную занявшись освоением края, должна была предпринять весьма затратные и обременительные шаги, чтобы пресечь такого рода деятельность, не соответствующую духу и букве закона³.

Для горских обществ набеги и связанная с этим практика работорговли являлись эффективным средством накопления собственности. Не имея возможности закреплять и поддерживать свой статус только за счёт местных ресурсов, горская элита направила вектор набеговой экспансии на сопредельные территории, тем более что участие в такой практике было ещё и институтом социализации юношей. Набеги являлись частью «престижной экономики», которая всячески поощрялась и прославлялась. Сюжет об удачливом воине, который может не только вернуться с добычей, но и щедро распределить её между соплеменниками, был невероятно популярен в горском фольклоре. Оправдание подобной деятельности находили и в религиозных канонах, объявляя набег священной обязанностью верующего.

¹Страбон. География в 17 книгах / перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского, под общей редакцией С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964. С. 469 – 471.

²Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 54, 66, 71, 81.

³Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827). С.66.

В своих интересах такие особенности местного уклада использовали и державы, которые боролись за доминирование на Кавказе¹.

Одним из объектов нападения была Грузия, где горская экспансия в XVIII в. была одной из причин серьёзного кризиса, что поставило её народ на грань физического выживания. По мере освоения Россией территории Предкавказья острей горских набегов всё чаще стало направляться на её поселения. Попытки пресечь такую практику с помощью переговоров успехом не увенчались. Местные общества охотно использовали плоды побед империи, которая обеспечила геополитическую стабильность в регионе, ликвидировав их давнего конкурента в набеговом промысле – Крымское ханство. Но при этом никаких обязательств перед Россией горцы брать не желали, да и не могли, т.к. их уровень договороспособности оставлял желать лучшего. На Северном Кавказе просто не было силы, которая оказалась бы в состоянии обеспечить лояльность местного социума.

Стремление нейтрализовать этот фактор в российско-горских отношениях вызвало затяжной кризис, преодолеть который удалось лишь ценой немалых жертв всех сторон конфликта. Имперские власти готовы были минимизировать своё вмешательство в налаженный быт местных племён и не стремились навязывать своим новым подданным единую модель общественных отношений².

Однако смириться с наличием набегов и «пленопродавства» (плен был одним из главных источников рабов) они

¹Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дис... док. ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 29 – 32.

²Великая Н.Н. Об особенностях политического взаимодействия Российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. С. 22 – 30.

не могли¹. Борьба с такой чертой северокавказского традиционализма приходилось в том числе и силовыми методами.

В исторической науке развернувшееся противостояние часто обозначают термином «Кавказская война», который лишь отчасти соответствует этому многогранному и неоднозначному историческому феномену². Не останавливаясь на всех особенностях этого явления, подчеркнём, что работорговля была одним из главных раздражителей в отношениях между российской властью и автохтонами, и взаимные уступки здесь были неприемлемы ни для одной из сторон.

Неприятие такой особенности горской жизни мы находим не только в официальных документах, но и в частных свидетельствах людей, которые находились на Кавказе. Невероятно популярен сюжет горского плена и в русской литературе. Примечательно, что осуждение подобной «буйной вольности» есть даже у тех авторов, которые с симпатией относились к образу жизни местных народов, зачастую идеализируя его и придавая ему ореол романтизма³.

Существовала отработанная «технология» по захвату «живого товара» и его последующей реализации. Как правило, жертвой «людокрадов» становились неосторожные путники или те, кто беспечно удалялся от охраны во время полевых работ. Их стремились увести вглубь неконтролируемой российской властью территории: чтобы избежать возможного побега, похищенным завязывали глаза, а по пути всячески меняли направление движения, чтобы пленник переставал ориентироваться на местности. Людей состоятельных принуждали связываться с родственниками, чтобы получить от тех

¹ Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. С. 52.

²Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2016. С. 43 – 65.

³Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. С. 29 – 30.

выкуп. Для этого пленных мучили голодом и бессонницей, заковывали в цепи. Не имевших возможности расплатиться за свободу ждала участь раба, которого либо старались продать, либо использовали как работника в хозяйстве¹.

Бывая в казачьих станицах, горцы-людокрады старались разузнать благосостояние той или иной семьи, чтобы при похищении установить размеры выкупа. В него включалась и стоимость содержания невольника, причём не только пища, но и «амортизация» кандалов, в которые он был закован².

К пленнику относились как к ценному товару. Добившись от него согласия связаться с родственниками и просить их о требуемой сумме, горцы старались сохранить такому человеку жизнь и здоровье, чтобы не лишиться барыша. Но в случае попытки побега предпринимались самые жестокие меры, чтобы подавить волю к сопротивлению³. Такой человек месяцами мог находиться в яме, быть прикованным к столбу. Подобному испытанию подвергся майор Грузинского гренадерского полка Павел Шевцов, на выкуп которого собирали деньги всем миром. Он пробыл в земляной тюрьме год и четыре месяца, на время потерял рассудок и до конца дней своих сохранил следы оков на ногах⁴. Доходило до нанесения увечий строптивцу, чтобы лишить его возможности быстро передвигаться⁵. Известны случаи, когда горские невольники предпочитали покончить с собой, чтобы не терпеть

¹Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М.: Типография С. Селивановскаго, 1823. С. 179 – 181.

²Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. С. 230.

³Там же. С. 159.

⁴Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т. 2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С. 52 – 57.

⁵Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: SPSL – «Русская панорама», 2001. С. 227.

мук, на которые они были обречены¹. В немалой степени отношение к пленнику-рабу зависело от того, были ли основания испытывать личную неприязнь к «русскому миру» у людей, в руках которых оказался ясырь².

Некоторые пленники, особенно обладавшие ремесленными навыками, оказывались полезны своим владельцам. Как писал живший некоторое время среди черкесов Теофил Лапинский, захваченного раба «держат в доме, особенно если он хороший ремесленник, например, кузнец или шорник. В таком случае хозяин покупает ему необходимые инструменты, устраивает мастерскую и получает прибыль от его работы. Если он ничего не умеет, его употребляют для полевых работ, ухода за скотом и всяких хозяйственных работ»³.

У чеченцев этих людей могли оставить у себя, приравняв к младшему члену семьи⁴. Аналогичный подход мы видим и на примере Дагестана⁵. Фактически речь шла о патриархальном рабстве, дававшем возможность невольнику получить большую самостоятельность и даже завести семью.

Брак был лучшим средством привязать человека к хозяину и заставить его отказаться от мысли о побеге⁶. Степень личной свободы зависела от уровня архаизации общества. Например, у черкесов рождённых в подобном браке детей вла-

¹Тебу де Мариньи. Поездки в Черкесию / Перевод с французского К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. С. 96.

²Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей русского общества первой половины XIX в. / Дис... канд. ист. наук. Армавир, 2016. С. 156 – 157.

³Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Перевод В.К. Гарданова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. С. 144.

⁴Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Т. VI. С. 52.

⁵Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 107.

⁶Тебу де Мариньи. Указ. соч. С. 54.

делец мог в любой момент забрать и продать, а роль раба сводилась к роли «производителя» такого выгодного «товара»¹. Учитывая ограниченную потребность в труде невольников для собственных нужд, их старались побыстрее продать персам или туркам².

Источником пополнения рабов были не только набеги и захват ясырей, но и добровольный переход в это состояние, что было связано с угрозой голодной смерти, например, во время частых неурожаев. Для спасения всей семьи могли продать одного из её членов³. У таких людей сохранялся шанс вновь обрести свободу, если удавалось собрать средства на выкуп из неволи⁴.

Крупнейшие невольничьи рынки располагались в селении Эндери (Андреевская деревня), в «Кара базаре» (сейчас это пос. Кочубей Тарумовского района Дагестана) и в Анапе. По мере усиления российского присутствия в крае с этими рынками было покончено. Посетивший в 1818 г. Эндери А.С. Грибоедов отмечал, что там, где некогда «выводили на продажу захваченных людей, – ныне самих продавцов вешают»⁵. Инициатором таких мер был российский генерал А.П. Ермолов, весьма жёстко пресекавший работорговлю в крае. Он требовал этого от местных владельцев, которые таким образом должны были демонстрировать лояльность престолу. Благодаря предприняемым усилиям удалось сократить число невольников, вывозившихся в Порту. Среди них

¹ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму / Пер. В.М. Аталикова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2002. С. 150 – 151.

² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию / Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. С. 124.

³ Лаудаев У. Указ. соч. С. 52.

⁴ Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 110.

⁵ Грибоедов А.С. Горе от ума; Письма и записки. Баку: «Маариф», 1989. С. 208.

преобладали жители Грузии, но встречались и русские солдаты¹. Неудивительно, что, проводя свои военные операции, генерал требовал от горцев выдать ему всех пленных и беглых, а в случае неповиновения грозил наказать и наказывал виновников².

Вместе с тем, когда он считал для себя выгодным использовать эту практику для оказания давления на «немирных» горцев, он отдавал приказы продавать их в неволю, фактически придерживаясь местных реалий, которые должен был изменять³.

Законы империи нередко оказывались невыполнимы в условиях господства архаики, и российские властные структуры вынуждены были принимать это как данность, порой используя те же методы в своих целях. Но такие случаи были исключением, и государство целенаправленно вытесняло торговлю людьми из жизни местных народов. Да и захват горцев был вызван в немалой степени необходимостью использовать их как «обменный фонд» для вызволения собственных соотечественников⁴.

Сами горцы отнюдь не однозначно оценивали перспективу быть проданным на чужбину. Для многих это был шанс сделать неплохую карьеру или повысить свой статус, особенно если речь шла о женщинах, предназначенных для гаремов знатных турок. Об этой особенности местных реалий не раз писали современники, отмечавшие, что «...женщина, которая провела свою молодость в гареме богатого перса или турка, возвратясь в свою родную страну, одетая во все свои

¹АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 9.

²Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Тифлис, 1888. Т. VI. С. 297, 300.

³Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М.: В Университетской типографии (Катков и Ко), 1864. С. 333.

⁴Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение, Екатеринбург, 1913.). Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1992. С. 518.

наряды, никогда не перестаёт возбуждать в памяти её оных подруг желание последовать её примеру...»¹.

Стоит ли удивляться, что меры, вызванные российской политикой, направленной на пресечение работорговли, порождали у части населения резкое неприятие и враждебность. Из-за действий России «вследствие ограниченной торговли между жителями Кавказа и их старыми друзьями, турками и персами, цена женщин значительно упала; те родители, у которых полный дом девочек, оплакивают это с таким отчаянием, как купец грустит об оптовом магазине, полном непроданных товаров»². Поэтому, когда происходило освобождение невольников из рук контрабандистов, часть горянок, отвезимых на продажу, вместо слов благодарности набрасывались на русских моряков с кулаками и даже готовы были покончить с собой.

Вот один из эпизодов, который хорошо демонстрирует такую реакцию: «Вдруг я услышал неистовые, душу раздирающие крики, а вслед за этим увидел порывисто выскакивающих, дико озирающихся по сторонам, с рассыпавшимися по плечам волосами, точно обезумевших женщин. В эту минуту, угадав мой жест, гребцы мои, одним прыжком очутившись на кочерме, схватили трёх черкешенок, на этот раз помещав им броситься в море, как это уже и было на одной пойманной нашим судном кочерме. Матросы, хотя с большим трудом и с исцарапанными до крови лицами, но бережно приподнявшись по трапу с своею дорогой ношей, вступили на борт транспорта»³.

Российские власти освобождали рабов не только во время проведения военных операций. Широко практиковался обмен и выкуп несчастных, причём нередко шли на неэквивалентный обмен, лишь бы добиться результата. Впрочем, усилия чиновников были не столь эффективны, как част-

¹Спенсер Э. Указ. соч. С. 98.

²Там же. С. 99.

³ Гунаропуло С.А. Встреча с абреками // Исторический вестник. 1902. Август. С. 450.

ная инициатива. Как правило, действовать старались через посредников, которые пользовались доверием обеих сторон. Очень часто к этой деятельности подключали армянских купцов, которые имели обширные связи по обе стороны Линии¹. За такую деятельность они нередко награждались медалями, которые весьма ценились в обществе².

Помощь и защиту беглецам, которые смогли сами вырваться из плена, оказывали независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Об этом знали и стремились укрыться в российских пределах невольники, захваченные не только на территории самой империи, но и в сопредельных странах. Ещё до присоединения Грузии, которая немало претерпела от горских набегов, её подданные, оказавшиеся в рабстве, пробирались к русским станицам и укреплениям. Так нашёл спасение будущий автор поэмы «Бедствия Грузии» Давид Гурамишвили, захваченный примерно в 1728 г. партией горских «хищников», но сумевший бежать и после тяжелейших испытаний вышедший к Тереку. О перенесённых злоключениях он позднее расскажет в стихах, посвящённых нелёгкой судьбе своей Отчизны³.

Судьбы большинства пленников были неизвестны широкой общественности. О них знали лишь близкие и те, кто по долгу службы обязан был заниматься данной проблемой. Но в ряде случаев похищения получали широкий резонанс. Так стало известно о захвате в плен княгинь А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани, которые стали жертвой вторжения отрядов Шамиля в Грузию. Вопрос об их освобождении обсуждался на самом высоком уровне. Чтобы освободить знатных неволь-

¹Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. С. 177.

²Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 129 – 134.

³Клычникова Н.Н., Клычников Ю.Ю. Исторические реалии событий, отражённых в поэме Д.Г. Гурамишвили «Бедствия Грузии» // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18-20 ноября 2011 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 173 – 175.

ников их обменяли на сына Шамиля – Джамалуддина, который в своё время был выдан российским властям в качестве заложника-аманата. Другим жертвам набега горцев повезло меньше, и они остались в плену¹.

После формального присоединения Кавказа к Российской империи практика работорговли хотя и была ограничена, но полностью изжить её так и не удавалось. На неподконтрольных территориях по-прежнему томились сотни пленных, которых горцы, пользуясь услугами контрабандистов, пытались переправить в Турцию². Для пресечения этой деятельности была организована крейсерская служба, а на побережье возведена цепь укреплений, гарнизоны которых занимались поиском и уничтожением «людокрадов»³.

Зная об этом, контрабандисты стремились всячески скрывать информацию о том, какой товар они вывозят с кавказского побережья. Нередко, видя, что не успевают скрыться от преследования, они избавлялись от пленников и топили их в море⁴. Ни военные меры, ни дипломатические усилия России не могли пресечь эту деятельность, которая имела немало покровителей и тайных помощников среди знатных османских сановников⁵. Некоторые из них сами организовывали каналы по доставке контрабандного товара и занимались продажей людей.

Активно торговали рабами выходцы с Северного Кавказа, которые перебрались в Порту, но сохранили обширные связи среди соплеменников. Они готовы были нести любые

¹Мерлио Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2005.

²Лавров Л.И. Убыхи: историко-этнографическая монография. СПб.: Изд-во «Наука», 2009. С. 54.

³Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). С. 459 – 489.

⁴Архив Раевских: в 5 томах. Т. III: Письма 1839 – 1841 гг./ Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Санкт-Петербург: тип. М.А. Александрова, 1910. С. 53.

⁵Лазарев М.П. Сборник документов. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1955. Т. II. С. 233.

издержки, вызванные русской блокадой, т.к. получаемые барыши с лихвой перекрывали возможные потери груза. Если на кавказском побережье можно было приобрести женщину за 200 – 800 рублей, то на рынках Турции она уже стоила до полутора тысяч. По данным российских источников на 1837 г., «из Черкессии вывозят ежегодно до 4000 невольников и невольниц в разные места Турции»¹. Вплоть до завершения военно-политического покорения региона и массового исхода горцев за пределы империи справиться с этой проблемой власти так и не сумели.

Можно говорить об определенном кризисе, который переживали русско-северокавказские отношения в первой половине XIX в.² Закономерная экспансия империи на юг, обусловленная геополитической необходимостью, столкнулась с не менее мотивированной горской экспансией, выражавшейся в набеговой традиции, присущей местной социокультурной практике³. Учитывая далеко не всегда благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, вмешательство в этот процесс как традиционных игроков на кавказском поле, так и новых соперников России (прежде всего, Великобритании), не стоит удивляться тому, что преодоление этого противостояния стоило немалых жертв всем сторонам.

В силу устоявшейся историографической традиции это явление принято называть «Кавказской войной». Но сведение многогранной палитры отношений между народами региона и Россией трудно втиснуть в «прокрустово ложе» такого определения. Неудивительно, что до сих пор ведутся споры о хронологических рамках, составе участников, их мотивации и т.п. обстоятельствах данного события⁴.

¹Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Гос. изд-во Груз. ССР, 1953. С. 127.

²Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века. С. 6 – 10.

³Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 10 – 12.

⁴Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки). С. 43 – 65.

Представляется, что данное явление следует понимать как сложный процесс модернизации, переживаемый народами региона и сопровождавшийся социальной ломкой, экономическими трансформациями, военно-политическими столкновениями – как с империей, так и внутри самого «горского мира». В немалой степени эти процессы были инициированы влиянием России, т.е. имели экзогенный характер.

К началу 60-х гг. XIX в. кризис в русско-северокавказских отношениях в немалой степени удалось преодолеть, хотя его рецидивы и продолжали оказывать влияние на ситуацию в крае. Это стоило всем сторонам противостояния значительных демографических и экономических потерь, но – как ни парадоксально – стимулировало процесс межкультурной коммуникации, разрушало локальную замкнутость, в целом характерную для местных обществ. Последовавшая вслед за прекращением боевых действий череда реформ стимулировала быстрое социально-экономическое развитие Северного Кавказа. Обратной стороной впечатляющих успехов стал «культурный шок», который испытали местные народы, вырванные из привычного, традиционного мироустройства с его архаичным эгалитаризмом. Схожие трудности переживала вся страна, но в условиях региона, где ещё недавно велись активные боевые действия, они вылились в рост насилия, которое по мере дестабилизации государства приобретало всё большие масштабы¹.

Сложившимися обстоятельствами пытались воспользоваться и давние соперники России, также боровшиеся за влияние на народы края. Не будь поддержки и щедрых посулов со стороны турецких властей, возможно, кровавые эксцессы мятежа в Чечне и Дагестане 1877 – 1878 гг. не приобрели бы столь драматичного накала.

¹Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. С. 80; Гагагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860 – 1917. М.: Новый хронограф, 2016. С. 136 – 146.

Часть «горского мира» впоследствии оказалась вовлечена и в революционные процессы, постепенно охватывавшие различные социальные слои империи. Появившаяся под российским влиянием горская интеллигенция всё активнее включалась в борьбу за отстаивание прав и свобод своих земляков, но при этом не отделяла себя от общего Отечества.

Эти конфликтные стороны бытия не исчерпывают всю многогранную палитру выстраивающегося партнёрства. Экономический бум, который демонстрировал Северный Кавказ в пореформенный период, был результатом совместного созидательного труда, этнопрофессиональной кооперации, в которую были вовлечены жители региона. Совместное участие во внешних войнах также демонстрировало наличие общих ценностных ориентиров, которые были связаны со служением одной большой родине – России¹.

И даже драматические события новой Смуты, которую пережила российская государственность в первые десятилетия наступившего XX века, не привели к выходу народов Северного Кавказа из сложившегося державного пространства.

¹Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914 – 1917: Возвращение из забвения... Нальчик: Эльбрус, 1999; Опрышко О.Л. Кабардинский конный полк в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18 – 19 сентября 2014 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 133 – 139; Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (Вторая половина XIX века – начало XX века). М.: РепроЦентр М, 2005; Мальсагов А.У. Ингуши: краткая история, их участие в войнах России. Пятигорск: РИА КМВ, 2005; Мамсиров Х.Б. Феномен Кавказской туземной конной дивизии в российской армии в период Первой мировой войны // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18 – 19 сентября 2014 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 126 – 132.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЯВЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Российско-польские отношения в XIX в. были далеки от идиллии. Имели место неоднократные конфронтации, заложниками и жертвами которых становились рядовые обыватели. Через их судьбы можно взглянуть на происходившие процессы глазами непосредственных участников. И здесь перипетии жизни поляков, которые оказались на Кавказе и были захвачены в плен горцами, весьма наглядны. Обстоятельства их появления в крае связаны сразу с несколькими эпохальными событиями. Речь идёт о наполеоновских войнах, социально-политических потрясениях, вызванных стремлением поляков восстановить свой суверенитет, и вооружённом противостоянии на Северном Кавказе, имевшем место в ходе присоединения этих земель к Российской империи.

Чтобы уяснить обстоятельства появления польских войск в составе армии Наполеона в России, необходимо вспомнить предысторию этих событий. В 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Российской империей часть польской элиты эмигрировала во Францию, рассчитывая с её помощью вернуть себе потерянный суверенитет. Париж, воевавший с австрийцами, мог в дальнейшем вступить в схватку с немцами и русскими, что давало шанс для претворения этого замысла в жизнь. Но ситуация на полях сражений складывалась для французов далеко не безоблачно. Они вынуждены были осенью 1796 г. отступить из Германии, и тогда один из польских лидеров генерал Ян Генрик Домбровский предложил сформировать польские части, чтобы совместно бороться против Австро-Венгерской империи. В итоге из числа перебежчиков и плененных австрийской армии были сформированы два легиона, которым предстояло действовать в составе армии генерала Бонапарта. Поляки надеялись пробиться в Галицию, чтобы там спровоцировать выступление своих сородичей и восстановить Речь Посполитую. Но поддерживавший их на словах Бонапарт тем

временем готовился к переговорам с Веной. Когда в апреле 1797 г. было заключено Леобенское прелиминарное соглашение, а в октябре 1797 г. – Кампо-Формийский мир, оказалось, что обе стороны проигнорировали польские интересы.

Не оставляя надежды сыграть на противоречиях ведущих европейских держав, руководители польской эмиграции попытались заручиться поддержкой Габсбургов, предлагая свою помощь в борьбе против Пруссии и России. Но и эти проекты практической реализации не получили.

Вновь к замыслу о вторжении в Галицию вернулись после оформления в 1798 г. второй антифранцузской коалиции. Тогда был сформирован третий легион, символично названный «Дунайским», но так и не использовавшийся ради цели, из-за которой его создавали. Неудивительно, что после подписания в 1801 г. между Австрией и Францией Люневильского мира разочаровавшиеся поляки начали дезертировать из своих подразделений. Утративший к ним интерес Наполеон распорядился переформировать их и превратить в обычные французские войска. Разница была лишь в том, что они комплектовались этническими поляками, но никакой самостоятельной политической силы не имели. Два соединения Бонапарт передал Италии, а третьё оставил в составе своей армии. Примечательно, что бывшие польские легионы активно использовали в колониальных захватах, в частности, в 1802 г. их отправили на подавление восстания на острове Гаити¹.

Французский император и в дальнейшем прибегал к практике использования патриотических настроений в польском обществе в своих целях. Готовясь воевать с Пруссией, он озаботился тем, чтобы за счёт поляков обеспечить снабжение своего войска и пополнить его ряды их добровольцами. Для этого в ноябре 1806 г. была опубликована прокламация, призывающая поляков содействовать его войскам, а в беседе с депутацией из Познани он обещал провозгласить независи-

¹ История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991. С. 151.

мость Польши, если будет организована 30 – 40 тысячная армия. В январе 1807 г. им была образована «Правительственная комиссия», символизовавшая возрождение польской государственности, но фактически реальных полномочий не имевшая. Неслучайно на переговорах с Пруссией и Россией он использовал польский вопрос лишь как средство для торга с этими государствами, не собираясь предоставлять полякам реального суверенитета¹.

В результате Тильзитского мира 1807 г. появилось вассальное от Франции Варшавское княжество, которое стало плацдармом для будущей войны. Для многих поляков оно ассоциировалось с началом восстановления их государственности, а потому они в первое время готовы были помогать Наполеону в его дальнейшей экспансии. Но очень скоро население столкнулось со всеми трудностями и издержками, которые претерпевал установившийся режим. Бонапарт вынужден был преодолевать скрытый саботаж и нежелание поляков участвовать в формировании 40-тысячной армии, которую он потребовал создать. Большинство польских солдат воевало за чуждые интересы, в частности, сражаясь с народом Испании, боровшимся с французской оккупацией².

На территории самой Польши находилось около 15 тыс. солдат, что имело роковые последствия, после того как началась война с Австрией. Вторгшаяся в апреле 1809 г. армия эрцгерцога Фердинанда сумела занять Варшаву, но дальше продвинуться не смогла. Польские войска тем временем успешно начали наступление в Галиции, сумели взять Львов и Краков. В результате в Вене 14 октября 1809 г. был заключён мир, и Варшавское княжество вернуло себе часть территорий, потерянных в результате разделов Польши. Но оно по-прежнему действовало от имени французского императора, не являясь суверенным государством. Тем не менее иллюзии относительно будущего восстановления своей страны с помощью

¹История Польши в трёх томах. Т. I. / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 394.

²Вилар П. История Испании / Пер. с фр. И. Борисовой. М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 86 – 89.

французов часть польской элиты не утратила, а потому приняла активное участие в подготовке к войне с Россией, задуманной Наполеоном. Император требовал создать 60-тысячную армию, а военный бюджет непрерывно увеличивался, достигнув в 1811 г. 50 млн. злотых, тогда как в 1807 г. он был лишь 11 млн. Кроме того, население нередко привлекалось для выполнения различных фортификационных работ, обременялось поборами и реквизициями в интересах армии¹. Всё это приводило к обнищанию населения и росту протестных настроений. Далекое не все горели желанием участвовать в предстоящей кампании против России, что наглядно демонстрировали участвовавшие случаи дезертирства. В свою очередь, русское правительство старалось привлечь шляхту на свою сторону, используя для этого различные дипломатические усилия.

Однако пока Наполеон одерживал победы, число его сторонников преобладало. Весной 1812 г. в герцогстве провели очередную мобилизацию и вернули польские части из Испании. Общая численность их войск оценивалась в 90 тыс. человек, но все они были рассеяны между французскими частями.

Начавшееся 24 июня 1812 г. вторжение в Россию вызвало бурный ажиотаж среди части населения герцогства Варшавского. К полякам, проживающим в Литве, Белоруссии и Украине, обратились с призывом поддерживать армию Наполеона, но ожидаемой реакции не последовало. Население устало от тягот и поборов, а когда французы стали нести серьёзные потери и терпеть неудачи в России, то число их приверженцев быстро сократилось. В качестве иллюстрации приведём слова известного офицера-партизана Д.В. Давыдова, с которыми он обратился к жителям города Гродно, когда туда вошли русские войска: «...По приему, сделанному русскому войску польскими жителями Гродны, я вижу, что до них ещё не дошел слух о событиях; вот они: Россия свободна, все наши силы вступили в Вильну 1-го декабря, теперь они за Неманом. Из полумиллионной неприятельской армии и тысячи орудий,

¹История Польши в трёх томах. Т. I. С. 401.

при ней находившихся, только пятнадцать тысяч солдат и четыре пушки перешли обратно за Неман. Господа поляки! В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе: из 80 тысяч ваших войск, дерзнувших вступить в пределы наши, пятьсот только бегут восвояси; прочие – валяются на большой дороге, морозом окостенелые и засыпанные снегом русским. Я вошел сюда по средству мирного договора: мог то же сделать силою оружия, но я пожертвовал славою отряда моего для спасения города, принадлежащего России, ибо вам известно, что битва на улицах кончается грабежами в домах, а грабеж — пожарами...»¹.

В действующих польских частях было немало тех, кто предпочитал сдаваться в плен, а не умирать за чуждые интересы. Часть этих людей в дальнейшем и оказалась на Кавказе. Примечательно, что из планируемого в конце 1812 г. призыва в посполитое рушение (ополчение) 30 тыс. человек удалось собрать лишь около четырёхсот. В итоге победили сторонники мира с Александром I, который к тому же объявил амнистию участникам войны против России².

За время войны в плен по официальным данным попало около 211 000 солдат и офицеров «Великой армии»³. Это создало существенные проблемы для российской казны, которая и без того была опустошена огромными расходами, уходившими на вооружённое противостояние с Бонапартом. Предполагалось затрачивать на содержание генерала 3 руб., полковника и подполковника 1 руб. 50 коп., майора 1 руб., обер-офицера 53 коп., унтер-офицера и рядового 5 коп. в сутки. Известны случаи, когда сумма на содержание пленных увеличивалась. Помимо этого, выдавался ещё и провиант⁴.

¹Цит. по: Госцэў А.П., Швед В.В. Кронан. Летапіс горада на Нёмане (1116 – 1990 гг.). Гродна: НВК «Пергамент», 1993. С. 57.

²История Польши в трёх томах. Т. I. С. 404 – 405.

³Цит. по: Пантелеев А.Н. Пленные 1812 г. в России и обращение с ними царского правительства // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. Вып. 10 (102). С. 249.

⁴Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812 – 1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники.

Уже в сентябре 1812 г. главнокомандующий Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов обратился к Военному министру князю Алексею Ивановичу Горчакову со следующим предложением: «Число пленных столь значительно, что, во избежание скопления оных в большом количестве, не разсудители, Ваше С-ство, доложить Государю Императору, чтобы пленных поляков отсылать на Кавказскую линию, где и можно-бы употребить их в полки на службу... Если на сие последует Высочайшее соизволение, то следовало бы из Петербурга предписать г.г. губернаторам тех губерний, где пленные ныне находятся, для отсылки их в означенные места...»¹.

Озабоченность главнокомандующего была с пониманием встречена в столице, и 16 октября 1812 г. он был уведомлен о высочайшем утверждении своих предложений². Командующий отдельным Грузинским корпусом генерал-лейтенант Николай Фёдорович Ртищев и командующий на Кавказской линии генерал-майор Семён Андреевич Портнягин получили предписание о распределении поляков между 19-й и 20-й пехотными дивизиями, которые дислоцировались в крае³.

Комитет министров, занимающийся этим вопросом, своей главной целью счёл «сократить казённые издержки

Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995 – 1996 гг.). Бородино, 1997. С. 190.

¹Труды Московского Отдела императорского русского военно-исторического общества. Т. II. Материалы по отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего Соединёнными Армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году / Под редакцией В.П. Никольского. С толкованиями и приложениями, составленными В.П. Никольским и Н.П. Поликарповым. М., 1912. С. 359.

²Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. II (октябрь – декабрь 1812 г.) / Под ред. полковника Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство МО СССР, 1955. С. 236.

³Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812 – 1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 290.

на содержание пленных и доставить им более удобностей жизни»¹. Поляки, прибывшие на Кавказ, первоначально собирались в Георгиевске, а уже оттуда направлялись непосредственно к месту службы. Это были не только рядовые и офицеры, но даже генералы, которым предстояло уже под новыми знамёнами заниматься своей профессиональной деятельностью². Благодаря этому пополнению можно было использовать собственных рекрутов для компенсации потерь армии, действовавшей против французов³.

Несмотря на сложность ситуации, отправка военнопленных постоянно откладывалась. Власти опасались, что они не выдержат зимнего перехода, и это может привести к массовой гибели людей. В декабре 1812 г. и январе 1813 г. правительственными распоряжениями продвижение всех партий было приостановлено. Довести до сведения этот приказ успели не везде, а потому первая партия из 19 человек прибыла в Георгиевск в конце января 1813 г. Офицеров разместили на жительство под надзором, а нижних чинов определили в военнорабочие. Следующие группы военнопленных добрались до Георгиевска в начале марта 1813 г. Всего ожидалось прибытие 6409 рядовых, которые были направлены из Витебской, Черниговской, Московской, Костромской, Саратовской, Киевской, Тамбовской, Минской, Тверской, Курской, Полтавской, Лифляндской, Курляндской, Новгородской, Орловской и Смоленской губерний⁴. Фактически число поляков оказалось ещё больше, и по официальным данным на май 1814 г. на Северном Кавказе и в Грузии их было 8963 человека⁵. Предполагалось, что среди прибывших могут оказаться и женщины (жёны, вдовы, незамужние), а потому обсуждался вопрос, за счёт каких средств обеспечивать им продовольствие.

¹Пантелеев А.Н. Указ. соч. С. 250.

²Там же. С. 251.

³Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Указ. соч. С. 290.

⁴Там же. С. 293 – 294.

⁵Там же. С. 300.

Поляков активно привлекали на различные строительные работы, они участвовали в укреплении берегов Терека. Помимо выделяемого провианта, такие работники получали за свой труд по 15 копеек в сутки. Тех, кого не удавалось пристроить на казённые объекты, власти были не прочь передавать партикулярным людям и за счёт этого экономить на их содержании.

В 1914 г. были опубликованы материалы Г.Н. Прозритева, который зафиксировал весьма необычную находку, связанную с поляками. Будучи в селении Ореховка, расположенном «от г. Ставрополя в 80 верстах на восток», он сфотографировал выбитые на скальном выступе на польском языке шестнадцать фамилий и надпись «Для отчизны мила смерть, зарубцевавшиеся раны и кандалы. – Поляки в 1813 году». Столь горькие слова свидетельствовали о достаточно мрачном психологическом состоянии людей, которые их оставили потомкам. Исследователь предположил, что авторство надписи принадлежит тем пленным, которые работали здесь на каменоломне. Он попытался установить судьбу этих людей, но сумел узнать лишь о некоем подпоручике В. Милодовском, который, видимо, вернулся на родину, т.к. упоминался среди лиц, переданных представителем Кавказской администрации «партионным начальником Мироновым» властям в Минской губернии в 1814 г.¹

Кавказское командование было не в восторге от пополнения. Оно не без оснований сомневалось в надёжности поляков, которые то и дело дезертировали по пути следования к новому месту службы, отказывались принимать присягу. Дошло до того, что Александр I отдал распоряжение отправлять наиболее непримиримых в Сибирь². Но полностью отказаться от польского контингента было невозможно. В трудные

¹Прозритев Г.Н. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года. Надпись на скале близ сёл Ореховки и Высоцкого Ставропольской губернии // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества / Под ред. Н.И. Веселовского. Петроград, 1914. Т. III. С. 11 – 14.

²Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Указ. соч. С. 294.

для России времена они составили до четверти личного состава войск, прикрывающих Кавказскую линию¹. Когда стал вопрос об освобождении военнопленных, власти даже решили задержать их до прибытия пополнения, т.к. заменить этих людей было попросту нечем, а оголять беспокойное пограничье было нельзя.

Репатриация военнопленных началась уже с 1813 г., а завершилась она в мае 1814 г.² Это позволило многим полякам вернуться домой, но к тому времени некоторые из них оказались в горской неволе, и для них путь на родину стал невозможен. Кроме того, отношение к полякам, по мнению ряда исследователей, у властей было двойственным. На них смотрели не только как на пленников, но и как на мятежников и преступников, а потому их возвращение домой затягивалось³.

Ещё одним событием, спровоцировавшим ссылку поляков на Кавказ, были массовые волнения 1830 – 1831 гг., сопровождавшиеся вооруженными столкновениями инсургентов с правительственными войсками. Хотя власти и объявили амнистию участникам этих выступлений и не применяли казни, но наиболее активных повстанцев отправляли на каторгу, записывали в солдаты, переселяли в глубинные губернии империи⁴.

Достаточно жёсткая позиция российского правительства была обусловлена теми угрозами, с которыми пришлось столкнуться в результате выхода из-под контроля этой части империи. Учитывая, что ядром мятежа стали регулярные формирования польской армии, речь шла о войне между Россией и Польшей⁵. Выступление началось 29 ноября 1830 г., когда сторонники тайной организации Патриотическое общество

¹Там же. С. 301.

²Прохоров М.Ф., Шубин Н.А. Современная отечественная историография о положении военнопленных французской армии в России в 1812 г. // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 4 (31). С. 156.

³Там же. С. 158.

⁴История Польши в трёх томах. Т. I. С. 464.

⁵Краткая история Польши. М.: Наука, 1993. С. 128.

попытались захватить резиденцию русского наместника в Варшаве великого князя Константина – Белведер. В то же время были атакованы казармы русской армии, и к концу дня город оказался в руках восставших.

Попытки решить возникший кризис с помощью переговоров успехом не увенчались. В Польшу были направлены дополнительные войска, которые возглавил И.И. Дибич, впоследствии заменённый на И.Ф. Паскевича. С боями они вышли к Варшаве, и в сентябре 1831 г. польская столица капитулировала. Наиболее непримиримая часть повстанцев эмигрировала за границу. Рассчитывая продолжить сопротивление, они присылали в Польшу своих эмиссаров с призывом вновь взяться за оружие.

В 1833 г. с целью организации нового восстания была устроена экспедиция полковника Юзефа Заливского, которая, впрочем, успеха не имела¹. Но сам факт такой угрозы заставлял Петербург идти на изоляцию наиболее проблемных, с его точки зрения, людей, высылая их подальше от исторической родины. И Кавказ, где не прекращались вооружённые столкновения с «немирными» горцами, оказался подходящим для них местом.

Установить численность поляков, которые были отправлены служить на Кавказ, затруднительно. Фигурируют разные цифры, но наиболее достоверными представляются следующие: 8901 человек в 1832 г. и около 20000 человек за период с 1834 по 1855 г. Опасаясь бунтов, власти старались не допускать, чтобы их количество в конкретном подразделении превышало 20% от общего числа личного состава².

По мере возможности поляков возвращали на родину, особенно если речь шла о подданных других государств (Австрия и Пруссия). Для этого казна готова была покрывать необходимые издержки для их переезда³.

¹Там же. С. 130.

²Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар: КубГУ, 2008. С. 39 – 40.

³Государственный архив Ставропольского края (в дальнейшем – ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 1531. Л. 143 – 143 об.

Ранее власти также брали на себя заботу о снабжении всех «польских пленными мятежниками» тёплыми вещами – «полушубками, галицами, варегами и суконными портянками на счет Казенных Палат»¹.

Согласно императорскому указу от 15 июня 1832 г. вышла амнистия «всех вообще чинов бывшей Польской армии, кои суть уроженцы Губерний от Польши к России возвращенных, и кои, находясь в службе Царства Польского до возмущения, продолжали оную и во время мятежа»². Это открывало возможность для ссыльных вернуться к родным очагам, но к тому времени часть из них оказалась захвачена горцами Кавказа.

Северный Кавказ в рассматриваемый период относился, пожалуй, к одной из наиболее беспокойных окраин Российской державы. Немалая часть местных сообществ не желала принимать те правила жизни, которые несла империя, и упорно держалась за привычный уклад, неприемлемой стороной которого была набеговая традиция. Её появление и устойчивость были связаны с целым комплексом факторов, среди которых выделяют экономическую целесообразность и социальную необходимость. Скудость местных ресурсов заставляла горцев искать дополнительный источник доходов в добыче, которую они получали в результате успешного грабежа. Кроме того, местное юношество получало необходимый военный опыт, могло продемонстрировать свою удаль и таким образом зарабатывать авторитет среди соплеменников³.

В воспоминаниях Хуана Ван-Галена, испанца на русской службе, по этому поводу говорилось: «...сыновья с двенадцатилетнего возраста принимают участие в грабительских

¹ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1058. Л. 4 об.

²ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1206. Л. 1.

³Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 276 – 283.

набегах вместе со своими отцами, деля с ними все опасности...»¹. Набеги явились важной частью «престижной экономики» и институтом социализации, найти альтернативу которым в сложившихся обстоятельствах было весьма затруднительно.

Российская армия принимала самое активное участие в пресечении нападений отрядов горских «хищников». Таким термином обозначались набегчики, то и дело совершавшие нападения на подданных русского императора – не только русских поселян, но и жителей закавказских владений, да и самих горцев Северного Кавказа, которые предпочитали мирный труд, а не набеговую удаль.

Весьма жёсткие шаги военного командования, строившего укрепление, совершавшего репрессалии (это слово происходит от старолатинского *repressaliae* – сдерживать, останавливать – Авт.) и превентивные удары против скоплений неприятеля, не приводили к долгожданному умиротворению в крае. Узел вооружённого противостояния затягивался всё туже, и горцы на усилившуюся эффективность обороны отвечали повышением эффективности своих набегов.

Они объединились вокруг идей мюридизма, которые призывали всех верующих мусульман искать рай «под сенью сабель», т.е. воевать со всеми, кто не разделял их взглядов. К числу последних причисляли всех противников имамата – теократического государственного образования, возникшего в горных районах Чечни и Дагестана и возглавляемого духовными лидерами – имамами, среди которых выделился Шамиль, сумевший сплотить вокруг себя множество сторонников. Он стремился распространить своё влияние и за пределы Северо-Восточного Кавказа, отправляя эмиссаров к различным горским сообществам.

¹ Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 352.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что в регионе действовали эмиссары других государств (прежде всего, Османской империи и Великобритании), которые старались подтолкнуть горцев к продолжению военных действий против своего геополитического конкурента. Фактически речь шла о *proxu war* (пер. с англ.: опосредованная война, или война чужими руками), расплачиваться за которую приходилось проживавшим на Кавказе народам. В этой борьбе поляки оказывались по разные стороны фронта, будучи заложниками соперничества великих держав.

Кровавое противостояние затянулось до 60-х гг. XIX в. и стоило немалых жертв всем участникам конфликта. Лишь в 1859 г. удалось пленить имама Шамиля, а в 1864 г. закончилось вооружённое противоборство на Северо-Западном Кавказе. Край постепенно начал приобщаться к мирной жизни, пользуясь теми возможностями, которые предоставляло его народам Российское государство¹. По мере прекращения вооружённого противостояния появлялась надежда обрести свободу и у тех поляков, которые в силу разных жизненных обстоятельств оказались пленниками у горцев.

¹Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). С. 82 – 134.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЙ 1830-1831 ГГ. И 1863-1864 ГГ. В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ИХ КАВКАЗСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

События 29 ноября 1830 г. в Польше стали большой неожиданностью для имперских властей в России, несмотря на доносы тайных агентов и рапорты полиции о существовавших настроениях среди поляков. В придворных кругах Петербурга восстание в Варшаве на манер июльских событий во Франции, стали называть революцией. В то же время в России совершенно непонятной оставлялась сущность этой революции. В Петербурге не предполагали, что все «благодения», которые Россия сделала для Польши, воспринимали там как зло, как «московское иго»¹. Официальные круги беспокоили энтузиазм, даже «патриотическое неистовство», которые, казалось, не имели границ среди поляков². Особенно пугала партия, во главе которой стоял Иоахим Лелевель, который, по мнению многих петербургских аристократов, «в любом государстве считался бы опасен»³.

Глава Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А.Х. Бенкендорф был потрясен, когда польский сейм объявил династию Романовых низложенной. Он говорил: «Я решительно не могу понять, каким образом поляки пришли к мысли о революции; как они не рассчитали, не предвидели тех опасностей и тех бедствий, которые угрожают их родине. Я не сомневаюсь, что причины к недовольству были, но это всё-таки не давало права начинать

¹Кицкая Н. Главы из «Воспоминаний» // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 170.

²Голицына Н.И. Воспоминания // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 91.

³Там же. С. 92.

революцию, особенно если вы сравните другие завоеванные области Польши с положением поляков в царстве ... вся Польша представляла завидный образец благоустройства и культуры»¹. В российских правительственных кругах многие были уверены в том, что поляки «... все более или менее страдают рассудком»².

Это были эмоции, которых не умели сдерживать. На самом деле обстоятельства и причины польской «неблагодарности» произрастали не только в самих поляках, мечтавших о свободе и стремившихся восстановить свое былое историческое величие и место в европейской всемирности, из которой они были вырваны, сделавшись частью российско-византийской империи, которая для Европы всегда оставалась внешним смыслом инобытия, постоянной военной угрозой, «русской опасностью» с её варварским «скифским прошлым»³.

Многое произрастало в самих русских, которые не умели понять, что, сохраняя в том или ином виде польское государство и предоставляя полякам те или иные возможности вне привычных для них исторических образов и ценностных ориентиров, сами провоцировали польские мечты и желание за них бороться. Там, где поляки оставались погруженными в европейскую парадигму повседневного существования (Австрия и Пруссия), даже девальвация права национального самоопределения и государственного суверенитета в рамках Великого Княжества Познаньского, не вызывала столь болезненного ощущения культурного сиротства и оторванности от исторического назначения, поскольку их политическая подчиненность не отрицала признания за поляками

¹ Император Николай I и Польша в 1830 г. (воспоминания подполковника Фаддея Вылежинского) // Исторический Вестник. 1903. № 6. С. 646.

² Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: Эксмо, 2010. С. 390.

³ Дэвис Н. Сердце Европы. М. – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2010. С. 363.

их места в европейской всемирности. Запад оставался для поляков «... землёй обетованной, потерянном раем»¹.

Польша в составе Российской империи оказалась не только подчинённой иностранному государю, но «насильно связанной с народами, которые отличались от неё религией, происхождением и интересами»². Россия в польском шляхетском сознании представлялась как историческое зло, в котором даже добро служило злу, ибо зло добром пользовалось для утверждения своего господства и доминирования³. Дарование Александром I Конституции в 1815 г. и соби́рание польских земель в Царстве Польском (Królestwo Polskie) для большинства нации не могли сделаться точкой соединения. Для этого необходимо было осуществление общей мечты – восстановление прежнего Польского Королевства⁴.

Кроме того, зримым поводом, толкавшим поляков к возмущению, сделалось безрассудство самовластного правления вел. князя Константина Павловича. Он «при малейшем проявлении независимости со стороны польских органов управления не сдерживал своего негодования и проявлял его в весьма резких формах»⁵. Наместник вызывал к себе и распекал войтов и бургомистров, некоторых из них сажал под арест, наказывал битьём палками мещан за незначительные проступки⁶, «внёс много путаницы в русско-польские отношения,

¹Дэвис Н. Указ. соч. С. 363.

²История XIX века / Под ред. профессоров Лависа и Рамбо. Пер. с фр. В 8 т. М.: ОГИЗ, 1938. Т. 3. С. 64.

³Идея взята у Яна Кухажевского в интерпретации Анджея Менцвеля. См.: Менцвель А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. – М.: «ИНДРИК», 2000. С. 45.

⁴Смит Ф. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов / Пер. с нем. гвардии штабс-капитана Квитницкого. СПб.: Тип. В. Свиридова, 1863. Т.1. С. 97.

⁵Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. С. 125.

⁶История XIX века... С. 289.

а своим необузданным характером и своими выходками создал для самого себя крайне обостренные отношения с высшим польским обществом»¹.

Наместник, бесцеремонно вмешиваясь в действия польских властей, навязывая свою волю, совершенно не замечал прав, данных полякам конституцией. По свидетельству А. Млоцкого, наместник смеялся над самой конституцией, а в частных разговорах называл её «неразберихой». Многих возмущали выходки вел. князя Константина Павловича, когда людей, не снимавших шляпу во время его проезда по улицам Варшавы, арестовывали и по многу часов держали на гауптвахте².

О растущем напряжении в Варшаве свидетельствовал даже граф А.Х. Бенкендорф, отмечавший, что «ещё больше выросло недовольство выходками великого князя Константина... Все иллюзии поляков об ограничении власти великого князя и его влияния на внутренние дела королевства развеялись. Не было видно конца тому стесненному положению и той его высшей власти, с которым его могущество давило на страну. Недовольства больше не скрывали. Все поляки и даже русские, кто окружал великого князя, высказывали свое неодобрение в жалобах и ропоте, которые они мне сообщали»³.

Однако в России среди дворянства обеих столиц (Москвы и Петербурга), а также в гвардии и армейских кругах были возмущены и оскорблены, считали поляков «гнусными изменниками» и рвались наказать вероломство. С этого вре-

¹Полиевктов М.А. Указ. соч. С. 125.

²Цит. по: Бокова В.М., Филатова Н.М. Польское восстание 1830 – 1831 гг.: взгляд с двух сторон // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 23.

³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802 – 1837 / Публикация М.В. Сидоровой и А.А. Литвина. Пер. с фр. О.В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 446.

мени само слово «поляк» в русском обществе сделалось синонимом слова «революционер», наполненное всеми связанными с ним негативными коннотациями¹.

Негодовал на «неблагодарную» Польшу сам император Николай I. Он писал брату Константину: «... пока я жив, я не могу терпеть ни малейшей попытки сверх этого, направленной ко вреду империи...»². Иной позиции трудно было ожидать от самодержца, воспитанного на суровых принципах политической школы *Raison d'Etat*.

Антипольские настроения захватили даже часть либерального дворянства в России. Разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ декабрист А.А. Бестужев-Марлинский писал 5 января 1831 года в письме к матери из Дербента, что «был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придется променять пуль с панами добродзеями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских..., хольте их, они оперятся опять нашими перьями и опять забушуют... Я знаю Польшу может быть лучше нежели многие из поляков, и предвижу много в ней смятений. Энтузиазм женщин и легкомыслие мужчин суть вечно тлеющие головни раздора»³.

Объясняя впоследствии сложившуюся в 1830 – 1831 гг. атмосферу в российском общественном мнении, выявляя реакцию русских на события в Царстве Польском, Станислав Пигонь писал: «Пучина оскорбленной национальной гордости, раздраженного шовинизма поглотила и значительную часть русской интеллигенции, включая её элиту. Поли-

¹Олейников Д.И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 325.

²Цит. по: Полиевктов М.А. Указ. соч. С. 125.

³Семевский М.И. Александр Бестужев на Кавказе. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям// «Русский вестник» № 6. Т. 87. С. 505; Сабадаш Н.П. Польская тема в русской литературе Николаевской эпохи (1826 – 1855 гг.): дисс. ...канд. филолог. наук: 10.01.01/ Сабадаш Надежда Петровна. Москва, 2015. С. 104 – 113.

тика правительства достигла немаловажных успехов: она объединила народ эмоционально»¹. На это следует только заметить, что не только идеологическое изощрение русского правительства тому были виной, но сам ход, сами идеи и форма их воплощения в Польше, задевали и будоражили русское национальное сознание.

Ситуация обострилась, когда пролилась первая кровь. В Варшаве возбужденные патриотическим духом группы людей «нападали на русских, которых встречали на улицах, в театрах или ещё где-либо и, пользуясь ночной темнотой, убивали их ...»². Повстанцы были безжалостны не только в отношении ненавистных им русских и не желали сдерживать всю глубину польского отвращения ко всему русскому, но они не жалели и природных поляков, отказавшихся по разным причинам поддержать восстание. В Варшаве были убиты обер-полицмейстер Матеуш Любовидзский, шесть польских генералов – Станислав Потоцкий, Томаш Сементковский, Станислав Трембиньский, Игнацы Блюмер, Юзеф Новицкий, Мауриций Хауке. После поспешного отъезда (бегства) великого князя Константина Павловича из Бельведера революция в течение суток распространилась по всему Царству Польскому.

В свою очередь в России, по мере развития восстания в Польше, неприязнь к полякам нарастала. Отношение императора Николая I к полякам «и до того достаточно прохладное, превратилось в открыто неприязненное»³. В этом русский монарх мало чем отличался от настроений, охвативших русское общество.

Когда в 1831 г. в действующую армию в Польше и в Петербург пришла холера, повсюду стали подозревать по-

¹Цит. по: Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.Д. Шайтанов. М.: «ИНДРИК», 2000. С. 102.

²Голицына Н.И. Указ. соч. С. 100.

³Высочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 273.

ляков в отравлении воды и распространении холеры. На улицах участились случаи нападений на подвернувшихся под руку поляков, которые подвергались самосуду толпы и всяческим оскорблениям. Поляков также подозревали в подстрекательствах к холерным бунтам, прокатившимся по городам России. Слухи, страхи усугубляли ход событий¹. В Петербурге ежедневно умирало до 600 человек. Холера не щадила никого, в том числе её жертвами стали главнокомандующий Русской Армией граф И.И. Дибич и бывший польский наместник вел. князь Константин Павлович.

Вообще 1831 г. стал годом «страшного расчета между Россией и Польшей, наложившего свою роковую печать на правительственные мероприятия последовавшего затем целого двадцатилетия»². Кроме военно-силовых мер, направленных на непосредственное подавление участников ноябрьского восстания в Польше, власти Российской империи прибегали и к другим способам замирения страны. По окончании военных действий польские национальные войска были упразднены, а в Царстве Польском вводилась имперская рекрутская повинность. Сильно ограничивались права Униатской церкви, которая открыто поддержала повстанцев.

Чтобы предотвратить возможность воспитания молодежи в польском национальном духе, в 1831 г. имперские власти запретили деятельность Варшавского университета. В 1832 г. закрыли польский университет в Вильно. Вместо них в 1834 г. был открыт университет Святого Владимира в Киеве, где преподавание велось на русском языке и где не было патриотически настроенных польских профессоров. По распоряжению имперских властей «польская молодежь, получившая образование за границей без разрешения на то правительства, не могла занимать государственных должностей»³.

Делопроизводство в Царстве Польском также стало производиться на русском языке. Были закрыты многие польские газеты и журналы. Вводилась самая суровая цензура.

¹Голицына Н.И. Указ. соч. С. 145 – 146.

²Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 391.

³Полиевктов М.А. Указ. соч. С. 145.

На страницах печатных органов запрещалось упоминание имен Адама Мицкевича, Зыгмунта Красиньского, Юлиуша Словацкого и всех других выразителей польской национальной идеи¹. В Литве, Белоруссии, Волыни, Подолии и Украине предпринималась систематическая борьба по искоренению возможности существования и распространения «полонизма», под которым понимали польскую национальную традицию, систему смыслов и ценностей национального характера, а также польскую мечту о возрождении независимой государственности, – изгоняли главную его опору – польскую шляхту и католических монахов.

Для контроля за общественной обстановкой в Царстве Польском важную роль придавали полицейской системе. Считалось, что эффективность её практики заключалась в том, чтобы предотвращать какие-либо эксцессы. Но разделение функций надзора между несколькими параллельными структурами, произошедшее в правление императора Александра Павловича, не принесло желаемых результатов. В Царстве Польском и в губерниях Западного края, где проживало большинство поляков, постоянно осуществляло свою деятельность революционное и патриотическое подполье.

Недостаточно результативной продолжала оставаться полицейская система и после её реорганизации, проведенной по приказу императора Николая I в 1826 г. Новой структурой политического надзора стало Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которую создавал и возглавил граф А.Х. Бенкендорф. По его мнению, «для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы её боялись и уважали, и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами её главного начальника... К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска... Полиция эта должна уотре-

¹Там же. С. 146.

бить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха»¹.

Несмотря на то, что в данной структуре отчетливо понимали, что контроль и знание существующего общественного мнения является первостепенным и значимым настолько, насколько имела значение «топографическая карта для полководца перед сражением»², результаты её усилий были далеки от желаемого. Виной тому во многом был все тот же вел. князь Константин Павлович, который не только скептически относился к представителям данной организации, но противился деятельности её представителей в польских воеводствах и поветах, управляя поляками по собственному разумению. Он же делал всё для того, чтобы оценки, выводы и прогнозы тайной полиции, расхоdivшиеся с официальной информацией наместника, не могли доходить до глаз императора прежде его собственных посланий, искажавших действительность в Царстве Польском. Николай I всегда оставался на стороне своего брата, которому был обязан своей короной.

Среди мер полицейско-охранительного характера, применявшихся против бывших польских повстанцев, были арест и содержание под стражей в крепостях; высылка с мест проживания во внутренние губернии империи под надзор полиции без права возвращения в места прежнего проживания под угрозой строго наказания³. Были также осуществлены конфискации имущества (имений) главных мятежников и учреждены следственные комиссии, разбиравшие дела об участии в восстании по проскрипционным спискам. По указу о мелкопоместной шляхте, считавшейся в имперских

¹Проект гр. А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. СПб., 1900. № 12. С. 615.

²Воронцов С.А. Спецслужбы России. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 127.

³После поражения Польского восстания польские генералы были сосланы: Ян Вейсенхоф в Кострому; Игнаций Прондзиньский в Вятку; Виленций Андрыхевич, Ксаверий Неселовский, Осип Морозинский, Францишек Моравский, Круковецкий, Желтковский, Дзяконецкий, Чижевский в Вологду. В 1835 г. им разрешили вернуться на родину.

кругах «вреднейшим сословием в польских губерниях», был произведен перевод мелкопоместных шляхетских семейств, не сумевших подтвердить свое шляхетское происхождение, в податные сословия – в однодворцы или городские обыватели¹.

Властями производилось упразднение так называемых некомплектных католических монастырей с целью уменьшения влияния католического духовенства в обществе. Однако эта мера произвела на умы жителей польских губерний сильное впечатление и вновь пробудила враждебные чувства, породив мысль о том, что «правительство имеет намерение вовсе уничтожить ... католицизм и что мера, ныне предпринятая, есть первый шаг к тому»².

Этой же цели служило решение церковного собора 1839 г. о воссоединении Униатской и Православной церкви на территориях Малороссии и Белоруссии, а самые названия «Белоруссия» и «Литва» были запрещены правительственным указом в 1840 г. Дошло до того, что император стал следить за брачными связями своих офицеров и выказывал им свое неудовольствие, если их избранницами становились полячки³.

Часть пленённых участников восстания была включена в состав воинских гарнизонов, расквартированных в различных частях империи. Многих помещали в арестантские роты⁴ или направляли служить в войска на Кавказ, где велись военные действия против местных горцев. После подавления Польского восстания на Северный Кавказ в течение 1831 – 1843 гг. было выслано 22156 человек⁵, а всего до середины

¹«Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827 – 1869. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. С. 89.

²Там же.

³Николай I: Муж. Отец. Император / Сост. Н.И. Азарова. Комментар. Н.И. Азарова и Л.В. Гладкова. М.: «Слово / Slovo», 2000. С. 460, 489.

⁴ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6031. Л. 1 – 9. О зачислении в Ставропольскую арестантскую роту 13 человек польских мятежников.

⁵Цифанова И.В. Польские переселенцы в Кавказской войне XIX века // URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (дата обращения 16.03.2022).

1850-х гг. в составе Отдельного Кавказского корпуса находилось до 50000 поляков¹.

При прохождении службы в российских войсках численность поляков в каждом отдельном военном подразделении ограничивалась и не должна была превышать пятой части личного состава подразделения. Для дворян Царства Польского, если те уклонялись от конскрипций (отбывания по рекрутской повинности в качестве нижних чинов в русской армии), при поимке, за каждый месяц укрывательства за границей добавляли по одному году службы к уже назначенным².

Пленённые солдаты бывшей Польской армии большей частью отправлялись на Кавказ в действующую армию сроком на 15 лет, хотя срок отбывания службы для этих людей не соблюдался. Первые попытки провести отставки и возвращения в Польшу для тех, кто выжил и служил беспорочно, начались только в августе 1851 г., т.е. через 20 лет, после распоряжения императора Николая I³.

Активно противодействовали военные и полицейские власти польским эмиссарам и легионерам, направлявшимся через Турцию на Северный Кавказа для совместной борьбы против русских в союзе с непримиримыми к России горцами. Российскими агентами отслеживались и пресекались всеми способами попытки польских патриотов установить контакты с имамом Шамиля⁴.

Проводилась обязательная перлюстрация писем ссыльных поляков, а содержащиеся там подозрительные сведения отсылались в Третье отделение. Семьям с Волыни и Подолии запрещалось совместное проживание в местах ссылки. Их разделяли и поселяли на большом удалении друг от друга.

¹Медвенский Н.И. Западный Кавказ в планах польской дипломатии // URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708> (дата обращения 16.03.2020).

²ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2899. Л. 1 – 6.

³ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399.

⁴Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «непримиримых» горцев. Пятигорск: ПГУ, 2019.

Министерство внутренних дел рассылало циркуляры гражданским губернаторам и в полицейские управления губерний о поиске на вверенных в их управление территориях опасных поляков – заграничных эмигрантов из польских эмигрантских центров или беглецов с мест отбывания ссылки. Например, много трудов полицейскими чинами было затрачено на розыск польского эмигранта Игнация Хутовского, направлявшегося в Россию из Нью-Йорка «со злоумышленной целью»¹. После предпринятых поисков уполномоченные власти рапортовали по инстанциям о полученных результатах².

Имперскими властями проводилась избирательная политика в отношении уроженцев Царства Польского с целью внесения раскола в их среду: сохранялись строгие меры для выходцев с польских провинций и ослаблялись репрессии для уроженцев Литвы, Подолии и Волыни, вошедших в состав России. Уже в 1831 г. император Николай I издал циркуляр о прощении нижних чинов бывшей Польской армии, зачисленных на службу в Российскую армию, выходцев с поименованных территорий и разрешении им вернуться на родину после замирения³.

Отбывшим срок ссылки на Кавказе, если их поведение не нарушало предписаний имперских законов и при положительных отзывах от непосредственного начальства и полиции, разрешалось после запросов в Польшу возвратиться на родину. При неблагоприятном отзыве таких людей отправляли в Сибирь или в назначенные по распоряжению Министерства внутренних дел губернии – Пензенскую, Тамбовскую, Костромскую, Вятскую и Казанскую⁴.

Ссылные поляки, находившиеся на жительстве или в гражданской службе во внутренних губерниях России,

¹ГАСК. Ф. 82. Оп. 24. Д. 473. Лл. 1 – 17.

²ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6544. Лл. 1 – 19. По предписанию Министерства внутренних дел о розыске ксёндза Ружицкого; ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7106. Лл. 1 – 10; ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7106. Лл. 1 – 10.

³ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1206. Л. 1.

⁴ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 21-22; ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6960. Л. 1 – 1 об.

«кои исправились нравственно, показывают несомненное раскаяние и пробыли там не менее двух лет», могли получить дозволение возвратиться на родину не иначе, как после заключения начальников этих губерний, что по своему поведению и образу мыслей они заслуживают такового возвращения, и от этого не будет вредных последствий¹. О каждом таком случае губернаторы должны были рапортовать в Министерство внутренних дел, хотя воспользовались этой милостью немногие.

Тем, кому посчастливилось возвращаться домой, должны были придерживаться определенных полицейских предписаний. Лицам из привилегированных сословий, которые могли оплатить проезд на родину самостоятельно, выдавались проездные документы (свидетельства), в которых содержалось обязательное требование следовать прямо в пункт назначения, нигде не останавливаясь во время пути. Кроме того, местным полицейским чинам предписывалось проследить за тем, чтобы отбывшие ссылку лица не могли бы сгруппироваться и расселяться в местностях, пограничных с соседними государствами².

Таким образом, в 1830 – 1840-е гг. были опробованы полицейские технологии, которые впоследствии (после январского восстания 1863 г.) использовались достаточно эффективно. Однако в 60-х (поскольку Кавказская война завершилась в 1864 г.) арестованные российскими властями бывшие польские инсургенты теперь по большей части направлялись на каторжные работы и поселение в Сибирь или в губернии русского Севера. Результатом такой политики стало то, что, например, в 1880 году до 75% населения города Иркутска были католиками-поляками, а «образованные польские ссыльные составляли значительную часть сибирской интеллигенции»³.

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992. Лл. 1 – 5 об.

² ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6542. Л. 1 – 1 об. О порядке возвращения и переселения лиц в Царство Польское.

³ Дэвис Н. Указ. соч. С. 279.

Восстание 1863 г. развивалось под лозунгом полной независимости Польши и возвращение ей границ Речи Посполитой (*Rzeczpospolita*) 1772 г., *odmorzadomorza*. В начале января скоординировано в нескольких десятках населенных пунктов повстанцы неожиданно для русских подвергли нападению их гарнизоны и попытались их уничтожить. Первые атаки, хотя и с потерями, были отбиты, но среди высших сановников империи господствовало разномыслие по поводу того, какие меры следует предпринять дальше.

Министр внутренних дел П.А. Валуев отмечал, что «мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и её не находим. А одною материальной силой побороть нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей – ни одной... Нужна идея, которую мог бы усвоить себе хотя бы один поляк»¹. Кроме того, маркграф Александр Велепольский «предлагал целый ряд реформ, более или менее либеральных, главным образом клонившихся к воссозданию национальной независимости в пределах Царства Польского»².

Одобряя в целом предложения маркграфа, русское правительство не пожелало мириться с требованиями революционных партий. К тому же истребление революционерами русских солдат в казармах, «подняло много голосов в России против поляков»³. На страницах русской печати произошел взрыв патриотизма, которого мало кто ожидал, что заставило Петербург перейти к более решительным мерам.

На ход событий сильно повлияло то обстоятельство, что глубина противостояния и напряжение сил очень быстро достигли такой степени, что любое проявление гуманности с обеих сторон воспринималось как бессилие или предатель-

¹Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1: 1861 – 1864. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 258 – 259.

²Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / Вступ. ст. А.А. Левандовского. М.: «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. С. 476.

³Там же. С. 477.

ство. Возбуждение умов дошло до такой степени, «что ни военная сила, ни чрезвычайные суды, ни тюрьма, ни ссылка, ни эшафот не в состоянии их обуздать»¹.

Наместник вел. князь Константин Николаевич после рескрипта императора Александра II распорядился в Царстве Польском ввести военное положение. Всех участников восстания объявили мятежниками. Взятых в плен с оружием в руках повелевалось судить на месте преступления военно-полевыми судами с немедленным исполнением приговоров. Повсеместно восстанавливались военно-судные комиссии, секвестировалось имущество всех лиц, причастных к восстанию². В августе 1863 г. на территории Польши преобразованию подверглась полиция. Были назначены новые полицмейстеры и полицейские приставы из русских офицеров, которым вменялось в обязанность скорейшим образом раскрыть и подавить революционные организации повстанцев. Городскую и земскую полицию переподчинили военным властям. Назначенные в Польшу и Литву генералы Н.В. Берг и М.Н. Муравьев, действовали твердо и с беспощадностью, доходившей до жестокости, за что снискали себе «жгучую ненависть поляков и грозную славу среди западнорусского населения...»³.

Ситуация ещё более накалилась, когда по многим городам Российской империи, в том числе и в обеих столицах прокатилась волна страшных пожаров. Население впало в панику. Появились и крепи слухи о поджигателях-поляках. Эти слухи сделались особенно устойчивыми и приобрели многих приверженцев после того, как в 1863 г. «была обнаружена ... программа польского генерала Людовика Мерославского, в которой рекомендовались подобные крайние средства для

¹Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 356.

²Широкоград А.Б. Польша. Непримируемое соседство. М.: Вече, 2008. С. 295; Татищев С.С. Указ. соч. С. 360.

³Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Литера, 1999. С. 758.

усиления смуты в России, причем смута признавалась важным подспорьем для успеха польского восстания»¹.

К марту 1864 г. полиции удалось выследить и арестовать руководителей «Национального правительства» (Rząd Narodowy) Людовика Жихлинского и Ромуальда Траугутта². В ходе боев с повстанцами в Польше русская армия потеряла 826 человек убитыми, 2169 человек ранеными и 348 человек пропавшими без вести. Потери польской стороны оценивались русскими военными в 30 000 человек. Сотни из них были приговорены к смерти военно-полевыми судами и тысячи сосланы в Сибирь или внутренние губернии России³. Само название Царства Польского было упразднено и вместо него получило наименование Привислинского края, разделенного на 10 губерний, на которые распространили действие имперского права. Все сословия потеряли право самоуправления. В городах была введена общерусская администрация. Русский язык стал обязательным не только в делопроизводстве, но и в школах. Были уничтожены все особенности, отличавшие прежде Польшу от других частей империи. Для пресечения контактов с польской эмиграцией затруднялся выезд поляков за границу. Был установлен возрастной ценз – не моложе 25 лет, и увеличивалась плата за получение заграничного паспорта – сначала до 25 рублей, а затем до 100 рублей⁴.

Суровость полицейских мер в отношении мятежников определялась страхом имперских властей, перед возможностью распространения духа Польского восстания на другие территории страны. В среде имперских чиновников утвердилось мнение, что революционеры «...ищут не блага Польши, а пагубы России»⁵. В Петербурге сильно опасались, что «дух

¹Корнилов А.А. Указ. соч. С. 471.

²Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 757.

³Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 307.

⁴Полиевктов М.А. Указ. соч. С. 145.

⁵Татищев С.С. Указ. соч. С. 364.

мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях»¹, мог оказать вредное влияние на умы внутри государства.

К такому восприятию влияния поляков подталкивали настроения в молодежной среде российских столиц. По свидетельству А.И. Герцена, «когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам»².

Официальные власти беспокоило, что ссыльные поляки «могут стать мощным катализатором революционного брожения»³ в самой России. Тогда считали, что поляки «своими ужасными происками и ещё более отвратительными принципами»⁴ могли увлечь за собою массу народа, как они сделали это у себя на родине, поскольку «можно ли поверить, чтобы в польском сердце могло когда-нибудь возникнуть желание видеть Польшу русской»⁵.

Кроме того, в ссыльных поляках видели источник распространения ненависти к царскому правительству. И хотя силу оружия были пресечены «учиненные ими беспорядки, но злоба и ненависть таятся в сердцах» польского дворянства и католического духовенства. В полицейских репортажах отмечалось, что «сии два класса не могут забыть и, конечно, долгое время ещё не покинут преступной мечты своей освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу»⁶. Последствия такой «испорченности» и «укоренившиеся пороки нельзя уничтожить иначе, как вырвавши их с корнем»⁷.

¹«Россия под надзором» ... С. 82.

²Герцен А.И. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. С. 159.

³Экштут С.А. Тютчев: Тайный советник и камергер. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 215.

⁴Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 384.

⁵История XIX века... С. 9.

⁶«Россия под надзором» ... С. 88.

⁷Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 384.

Власти опасались влияния вредных мыслей на либеральные слои российского общества, численность которых заметно возросла, и особенно на молодежь. В Москве полицией было раскрыто общество студентов Московского университета, имевших сношения с польскими уроженцами из состава квартировавшей в городе пехотной дивизии, «мечтавших ввести в России конституцию»¹. Жесткими мерами старались нанести разительный удар по умам беспокойным.

Настороженность правительства также вызывала возможная реакция Европы, от которой могла произойти для России «анафема» с интервенцией. В значительной степени эта угроза способствовала тому, что «возбуждение против польского дела явилось тогда, когда начались попытки со стороны европейских держав вступить в это дело с угрозой даже вооруженным вмешательством»². Уже в апреле 1863 г. послы Австрии, Британии и Франции обращались к русскому министру иностранных дел князю А.М. Горчакову с заявлением «на скорое дарование прочного мира польскому народу»³. Летом того же года это заявление повторилось уже со стороны многих европейских держав, а Британия и Франция требовали созыва европейской конференции по польскому вопросу. Последовавшая реакция российского общества и перелом общественного настроения, выразившегося в широкой поддержке властей и значительном падении влияния либералов, стала, по мнению С.Ф. Платонова, главной причиной, по которой «европейская дипломатия не повела далее своего вмешательства и предоставила Польшу её участи»⁴. Но головной болью для властей сделалась польская «Великая эмиграция», ставшая «реальным фактом в истории Европы» и активно настраивавшая европейцев против России.

В заключение можно констатировать, что непримиримость и разнонаправленность устремлений сторон – поляков и властной элиты России – не позволяли им найти приемлемые

¹«Россия под надзором» ... С. 86.

²Корнилов А.А. Указ. соч. С. 477.

³Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 758.

⁴Там же.

решения в их историческом споре в рамках имперской парадигмы существования. Компромиссы не могли быть приняты ими из-за абсолютности требований и нежелания поступаться принципами. Патриотизм поляков «во многом представлял собой своеобразную религию»¹, от которой не отрекаются. В свою очередь абсолютистское государство не могло допустить какого-либо противодействия его воле.

Обратной стороной выявленной непримиримости сделались беспощадность в попытках возврата прежнего национального и государственного величия, желания вернуться в Европу и ответная беспощадность в сохранении *status quo* в том, что принадлежало и являлось историческим достоянием правящей династии. Обе стороны не умели и не хотели учиться слушать и слышать друг друга.

Кроме того, степень трагичности в усилиях поляков вернуться к условиям и порядкам Речи Посполитой вырастала до бесконечности из-за того, что прежняя (великая и славная) социально-культурная и политическая система лишилась каких-либо оснований в парадигме координат XIX века². Баланс сил, отношения и конфигурация европейской структуры настолько переменялись после Великой французской революции XVIII века и Наполеоновских войн, что польская Великая мечта обречена была оставаться только мечтой, за которую продолжали платить великую цену.

¹Дэвис Н. Указ. соч. С. 298.

²Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. С. 62 – 69.

«ТЁПЛАЯ СИБИРЬ»: ПОЛЯКИ В СОСТАВЕ КАВКАЗСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Отдалённость Кавказа от центральной части России, значительная недоступность из-за военных действий и труднопреодолимых путей сообщения способствовали тому, что этот край был избран властями местом ссылки неугодных им людей – неуживчивых, бывших не в ладах с существовавшими законами, беспокойных и неудобных.

Ссылка была видом уголовного наказания, состоящего в удалении осуждённого из места его постоянного или временного жительства с обязательным поселением на окраине государства на срок, указанный в приговоре. Политическая ссылка в императорской России применялась по решению суда или в административном порядке. Лиц, подозреваемых в участии в общественных движениях, запрещавшихся властями, могли высылать без суда, по распоряжению царя, генерал-губернаторов и органов Министерства внутренних дел. Целью ссылки было удалить вредных в политическом отношении людей из тех или иных местностей, а также наказать и исправить преступников.

На Кавказ направлялись на исправление государственные чиновники, «продававшие правосудие с аукциона», и большое количество всех иных выходцев из разных сословий, находившихся не в ладу с существовавшими законами и правительственными установлениями. Кроме того, туда ссылались пленные поляки, участники Наполеоновских войн из армии «двунадесяти языков». Большинство из них размещалось в арестантских ротах и в крепостях (выходцы из непривилегированных слоев), где они использовались на строительных работах военного или гражданского назначения¹.

Высылка с определенной территории лиц, обвинённых, например, в преступлении политического или религиозного характера, выступала в качестве главного карательного элемента для подавления правонарушений такого рода. Удаление нарушителей от всего остального общества в данном

¹Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Указ. соч. С. 290.

случае являлось также и самым действенным и дешёвым средством¹.

В силу того, что события 1830 – 1831 гг. в Польше имели массовую форму участия в восстании и сопротивлении российским войскам, имперские власти считали, что смертная казнь как массовая мера борьбы с крамолой в данном случае была бы мерой чрезмерной и негуманной, а также нецелесообразной из-за того, что не могла бы подавить симпатий к повстанческому движению, а напротив, усиливала бы брожение умов. В добавление ко всему сказанному, можно отметить то обстоятельство, что исторический опыт свидетельствовал: «по своему свойству любые карательные меры бессильны устранить влияние этого рода преступников на народ»². В то же время в России ссылка часто переплеталась с нуждами государства в колонизации его окраин. В этом случае ссылка как единственно карательная мера, отодвигалась на второй план, но более становилась мерой исправительной или заменялась на простое снабжение рабочими руками различных ведомств³.

Кавказ также предоставлял случай попробовать альтернативу обустроенной жизни способами существования, едва освещёнными европейской цивилизацией для тех, чьи умы были переполнены нигилизмом (прежде всего, в дворянской среде). Этим людям давали возможность закалить свое тело и дух в кавказских условиях, проверить свои человеческие и нравственные силы. Большинство из них проходили службу в Кавказском корпусе вместе с теми, кто направлялся в край принудительно, за грехи против нравственности или уголовные преступления. Кавказский корпус постоянно пополнялся разжалованными из гвардии и армии офицерами, количество которых было весьма значительным. Армейская служба как место и средство воспитательного характера приносила свои результаты, помогая тем, кто хотел начать новую

¹Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки её генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. С. 3.

²Там же. С. 4.

³Там же. С. 142.

жизнь или очистить свою биографию от всякого рода излишеств или тёмного прошлого. Сословное или этническое состояние в этом случае не имело значения: было бы желание.

Для ссыльных поляков, оказавшихся на Кавказе не по своей воле, этот край не мог быть решением их жизненных коллизий – он был им предписан в качестве наказания и новой суровой реальности. В здешней обстановке они лишались возможности существования в традиционном этническом пространстве, были вынуждены приобретать новый опыт, влиявший на процессы формирования их сознания и возможность совершать свой собственный выбор ценностей и идеалов. Обусловленность восприятия вменённой действительности могла вынуждать их искать такой опыт, который угрожал им личностной деструкцией. Местные обстоятельства армейского существования давали немало таких примеров, когда люди «совершенно теряли своё достоинство, спивались, впадали в новые преступления и так кончали свою нелепую жизнь, не пользуясь ни сочувствием, ни даже сожалением»¹.

В то же время российские власти, направляя поляков в беспокойную окраину страны, не ставили изначально своей целью истребить их физически или калечить (по крайней мере, сознательно и открыто никто к этому не призывал). Властей интересовала, прежде всего, нравственная сторона вопроса: они стремились надломить дух польского патриотизма в беспокойных людях или временно убрать их из Польши для успокоения страны. Кроме того, имперские власти надеялись, что жизненная школа, пройденная в кавказских реалиях, заставит поляков увидеть мир иначе и встать на путь примирения с Россией. Если же совсем цинично оценивать ситуацию, то официально Петербургу, кроме всего прочего, нужны были здоровые и хорошие солдаты в войсках, многие годы воевавших с непримиримыми горцами. События в Польше сделали к тому удобным поводом.

¹ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845 – 1846 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. С. 420.

В силу всех названных обстоятельств Кавказ использовался политической элитой как одно из структурных отделений общеимперской пенитенциарной системы, в качестве средства физического и нравственного воздействия, направляемого на людей (и поляков в том числе), в надежде на обновление их мыслей и социальных установок, в которых заметное место должно принадлежать укреплению лояльности властям.

Надо отметить, что кавказская пенитенциарная система складывалась спонтанно и постепенно, по мере осознания высшими властями империи самой идеи для Кавказа как способа и места *roenitentia* – раскаяния – преступников и вызревания для этого организационных возможностей. Система, наряду с карательной функцией, должна была вмещать в себе ещё и функцию профилактики рецидивов проступков, определяемых государственными властями как преступные. Предполагалось также достижение раскаяния у провинившихся и восстановление в их отношении социальной справедливости, при условии, что бывшие преступники будут не только подготовлены, но и способны подчиняться существовавшим законодательным установлениям и требованиям.

Элементами кавказской пенитенциарной системы были арестантские роты, крепостные замки, казармы воинских подразделений и сами воинские подразделения (роты, батальоны, полки), вынуждавшие ссыльных вести там непривычный для них образ существования (кроме бывших военных), полный регламентаций и ограничений. К тому же людям приходилось находиться в чужой социокультурной и климатогеографической обстановке. Ведущаяся в регионе долгие годы война придавала этой системе остроту и необычайность. Отбывавшие здесь наказание люди должны были своим здоровьем и кровью добиваться права на возвращение к прежним способам жизни в прежних местах проживания.

На Кавказ было также сослано и большинство солдат, принимавших участие в восстании 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Рядовых из гвардейских частей поместили в Сводный гвардейский полк, который в августе 1826 г. прибыл в Тбилиси, имея в своём составе 38 офицеров и 1282 че-

людей нижних чинов. В сентябре того же года в состав Отдельного Кавказского корпуса поступила партия солдат Черниговского пехотного полка численностью 827 человек, а позднее прибыло ещё около 700 солдат – участников восстания на Украине. Всего к 1827 г. в рядах Отдельного Кавказского корпуса (в дальнейшем – ОКК) числилось около 2 800 солдат из бывших декабристов¹.

С другой стороны, никто, будучи в здравом уме, не выходил за рамки присущих времени гуманитарных стандартов. Опыт показал, что помещение людей в бесчеловечные условия не только не способствовали их нравственному оздоровлению, но «не было ещё случая, чтобы человек, заподозренный в политической неблагонадежности, на основании действительно веских данных и сосланный административным порядком, вышел из неё примиренным с правительством, отказавшимся от своих заблуждений, полезным членом общества и верным слугой престола. ... В человеке, заражённом антигосударственными идеями, ссылка всей своей обстановкой способна только усилить это заражение, обострить его, из идейного сделать практически, то есть крайне опасным»².

Потому, препровождая в ссылку польских пленных, участников ноябрьского восстания 1830 – 1831 гг. Министерство внутренних дел в циркулярном предписании от 29 мая 1831 г. требовало от Общего управления Кавказской областью принять надлежащие меры и оказать содействие в заготовке тёплой одежды и обуви для пленных польских «мятежников», направляемых на Кавказ из Царства Польского, которые будут испытывать нужду в них. Кроме того, во время их следования от границы Царства Польского до мест назначения ссылным должны выдаваться деньги «по справочным ценам из Казённых палат без промедления времени»³.

¹Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 100.

² Кошель П. Ссылка и каторга в России. // URL: <https://his.1sept.ru/2003/02/3.htm> (дата обращения 16.03.2021).

³ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1058. Л. 1 – 2 об., 3.

Здесь встает вопрос о количестве таких поляков, которым вменяли службу в Отдельном Кавказском корпусе в качестве искупительной перед империей меры. По свидетельству князя А.М. Дондукова-Корсакова там в течение 1835 – 1846 гг. проходило службу 14 430 рекрутов-поляков¹, но участников ноябрьского 1830 – 1831 гг. восстания (мятежа) среди них насчитывалось только 1865 человек².

Управляющий Главным Штабом Его Императорского Величества генерал-адъютант граф А.И. Чернышёв, выполняя волю императора, сделал запрос в Министерство финансов, прося об надлежащем распоряжении о выделении необходимых средств для таковых пленнх. Кроме того, граф А.И. Чернышёв просил Министерство внутренних дел передать начальникам губерний, чтобы они, опираясь на местные возможности, содействовали обеспечению пленнх поляков необходимой им обувью и тёплой одеждой для проживания в Кавказском крае в холодное время года. Предписывалось пленнх поляков снабдить полушубками, гамашами, варежками и суконными портянками³.

Кроме того, уроженцы Царства Польского, которые попадали на Кавказ с нарушением существовавших правил, могли быть возвращены на родину. Однако этому должны были сопутствовать благоприятные обстоятельства, что случалось крайне редко, или о нарушениях становилось известно через много лет, как это было с рядовым военно-рабочей роты № 19 по Инженерному ведомству Матеушем Григоровичем, судьбой которого каким-то образом заинтересовался главнокомандующий войсками на Кавказе князь М.С. Воронцов. Вы-

¹Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815 – 1917 / Под ред. В.А. Дьякова, А.Я. Манусевича, И.С. Миллера. М.: Наука, 1976. С. 123.

²Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии // Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство». Краснодар, 2007. № 4 (19). Октябрь – декабрь. С. 22 – 31.

³ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1058. Л. 4 – 4 об.

яснилось, что Матеуш Григорович по существовавшим до восстания 1831 г. правилам имел право на изъятие из конскрипции. Князь М.С. Воронцов донёс о том императору в августе 1850 г. Уже в сентябре того же года из Петербурга последовало распоряжение об увольнении Матеуша Григоровича от службы и возвращении на родину¹.

В 1856 г. последовало Высочайшее повеление об облегчении участи уроженцев Царства Польского, посланных на Кавказ за «политические преступления». Таковое распоряжение поступило во все войска и гражданские службы, расположенные на Кавказе и за Кавказом. 4 ноября 1856 г. в Правление Кавказского Черноморского казачьего войска было доставлено предписание от Управляющего гражданской частью на Кавказе и за Кавказом, который, ссылаясь на циркулярное предписание Министра внутренних дел от 10 сентября 1856 г., потребовал немедленно приступить к реализации указанного предписания, если такие лица окажутся в Войске².

В Высочайшем указе постановлялось «уроженцам Царства Польского, находящимся под надзором полиции на жительстве или в гражданской службе во внутренних губерниях империи, кои исправились в нравственности, показывают несомненное раскаяние и пробыли и там не менее 2-х лет, дозволить возвратиться на родину в Царство»³.

Там же предписывалась процедура и порядок реализации императорского повеления. Начальники губерний должны были лично определить, кто из упомянутых поляков по своему поведению и образу мыслей заслуживает возвращения на родину. После чего должны предварительно снести с начальством Царства Польского, сообщив ему о каждом лице свои соображения. Только тем из них, от возвращения которых на родину, по мнению польского начальства, не произойдет никаких вредных последствий, следовало разрешить вернуться в Польшу. Тех же из польских бывших «преступни-

¹ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 929. Л. 1 – 2.

²ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992. Л. 1.

³ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992. Л. 2.

ков», кого начальники внутренних губерний признают не заслуживающими облегчения участи или на возвращение которых в Царстве Польском не выскажут согласия, оставить в прежнем положении.

Всем, кому будет разрешено возвратиться на родину, и кто был лишен всех прав состояния за участия в польском возмущении 1831 г., а равно и законным детям их, рождённым после приговора над отцами, приказано было даровать все права потомственного дворянства, но без почётных титулов и без права на прежние имущества. Всем принадлежащим к другим сословиям вернуть права прежних состояний. Циркуляр подписал Министр внутренних дел граф С.С. Ланской¹.

17 ноября 1856 г. из канцелярии Войскового Наказного атамана Черноморского казачьего войска последовала в Министерство внутренних дел докладная, в которой доводилось до сведения об отсутствии на то время в Войске таковых уроженцев Царства Польского.

Однако скоро политическая обстановка в Российской империи кардинально изменилась после начала реализации императорского манифеста об отмене крепостного права. В Царстве Польском и Западных губерниях начало 60-х гг. XIX в. ознаменовалось массовыми волнениями и беспорядками, вылившихся в январское восстание 1863 г. После его подавления на Кавказ снова были направлены новые контингенты бывших «мятежников» отбывать воинскую службу в виде наказания.

По прошествии некоторого времени и в целях дальнейшей нормализации обстановки в стране в целом и в Царстве Польском в частности, имперские власти стали прибегать к некоторым послаблениям. В марте 1868 г. из Департамента полиции Министерства внутренних дел поступило циркулярное указание в Ставропольское губернское правление «О точном соблюдении порядка возвращения и переселения в Царство Польское», в котором предписывалось, чтобы все переселяющиеся и возвращающиеся в Царство Польское были без изъятия направляемы предварительно в Варшаву. Лицам

¹Там же. Л. 3.

из привилегированных сословий, которые могли самостоятельно оплатить свои затраты, следовало выдавать свидетельства на проезд с обязательством следовать прямым путем в пункт назначения, не останавливаясь где бы то ни было¹.

Между тем реальная практика оказалась иной, чем это прописывалось в циркуляре. Начальники губерний, в которых находились сосланные поляки, желая поскорее избавиться от них, выдавали им свидетельства, позволявшие им ехать прямо в места назначения в Царстве Польском, минуя Варшаву. Это привело к тому, что весьма значительное число уроженцев Западного края «успели сгруппироваться в местностях, пограничных с соседними государствами или же с губерниями Западного края», что крайне затруднило властям надзор за ними².

В предписании устанавливалось, что во избежание данного обстоятельства впредь все выдаваемые свидетельства обязывали возвращающихся или переселяющихся в Царство Польское ехать прямо в Варшаву, а об их отъезде (дате и времени) должно сообщать варшавскому обер-полицмейстеру.

В апреле 1869 г. в Ставрополь к губернскому начальству поступило новое циркулярное предписание из Министерства внутренних дел, в котором объявлялась Высочайшая воля об устройстве быта после увольнения в отставку за выслугу лет или из-за неспособности продолжения несения воинской службы нижних воинских чинов, отданных в военную службу за политические преступления. Это в равной степени касалось и поляков – участников восстания 1863 г. в Царстве Польском, находившихся на Кавказе.

В циркулярном письме говорилось, что «всех лиц, отданных в военную службу за участие в последнем мятеже, и одобряемых начальством в поведении, уволить от службы без именованя воинским званием. В случае согласия Главных начальников Царства Польского и Западных губерний, предоставить всем означенным лицам право возвратиться на место

¹ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6542. Л. 1.

²Там же.

их родины с подчинением их на месте жительства полицейскому надзору»¹.

Также определялся порядок проезда увольняемых к месту их жительства. Все, кто имел для этого средства, мог возвращаться на собственный счёт. Те, кто не имел каких-либо средств, отправлялись за счёт казны этапным порядком, вроде арестантов.

В случаях, когда кто-либо сам не желал возвращаться в места бывшего проживания, или главное местное начальство не изъявило на то своего согласия, предписывалось передавать таких людей в ведение гражданского ведомства для препровождения их в губернии, которые будут назначены им для проживания Министерством внутренних дел. Такие люди также должны были оставаться под надзором местной полиции.

Предписывалось также тех нижних чинов из политических преступников, которые были отданы в военную службу в зачет будущих рекрутских наборов, и поведение которых одобрялось начальством, оставить на службе, предоставив начальникам дивизий право прощать им штрафы и переводить из разряда штрафников, не стесняясь установленными по закону на этот счет сроками. Дивизионным начальникам вообще разрешалось восстанавливать в правах всех беспорочно служащих, кроме права производства в офицеры.

Такого рода предписания не распространялись на тех нижних чинов, которые были отданы в солдаты за участие в «мятеже» и чье поведение не находило одобрения у военного начальства либо они подвергались штрафам по суду за другие преступления, совершенные ими во время нахождения на службе².

Министром внутренних дел для тех нижних чинов, которые после увольнения со службы не хотели или не могли вернуться на родину, определялись для проживания губернии: Пензенская, Тамбовская, Костромская, Вятская и Казанская. В каждую из поименованных губерний уволенные со службы

¹ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6960. Л. 1.

²Там же. Л. 1 об.

нижние чины должны были отправляться равными по численности партиями. О нижних чинах, которые отправлялись в обозначенные губернии, или возвращались на родину, предписывалось сообщать в Министерство внутренних дел.

Таким образом, из обзора властных предписаний местным кавказским начальникам можно заключить, что пенитенциарная система, которую острые на язык люди называли «тёплой Сибирью», на самом деле не была жёсткой каторгой или местом беспощадной расправы над инакомыслящими. Несмотря на многие тяготы и опасности существования в условиях военного быта, несмотря на каждодневные угрозы жизни и здоровью, требования властей к отбывавшим кавказскую ссылку полякам редко выходили за рамки элементарной справедливости, в какой степени она могла осуществляться в отношении людей, которых в Российской империи, хотя и называли «мятежниками», но считали своими подданными.

Опыт показал, что за долгие годы пребывания на Кавказе бывшие ссыльные, избежавшие смерти в сражениях с горцами, кого миновали смертельные болезни и увечья, вставали на путь законности и служения государству на разных поприщах или возвращались на родину ветеранами, желавшими обрести покой и счастье. Того же имперские власти рассчитывали добиться и от мятежных поляков, хотя и не могли заставить их отказаться любить Польшу и мечтать о восстановлении её суверенитета. Пережитый опыт сказывался на людях индивидуально, и те, кого ссылка не заставила отказаться от прежних идеалов, оставался непримиримым к политике официального Петербурга даже по прошествии многих лет.

ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И «ПОЛЬСКАЯ СПРАВА»

Российская империя использовала Кавказ как место ссылки для тех лиц, которые выступали против существующих законов. Недаром край пользовался славой «тёплой Сибири», в которой легко можно было сложить голову в ходе нелёгкого противостояния с «немирными» горцами. Неслучайно сюда отправляли военнопленных поляков из армии Наполеона, а в дальнейшем здесь же оказались и некоторые участники вооружённого выступления 1831 г., которые с оружием в руках должны были заслужить амнистию и право вернуться на родину¹.

Но далеко не все они смирились со своим положением и выразили готовность налаживать сотрудничество с российской властью. Находились и те, которые хотели продолжить сражаться за свои идеалы, а в горах Северного Кавказа видели естественных союзников в борьбе против империи. Ради этого они готовы были дезертировать из армии и скрываться на неподконтрольных российской администрации землях. Сюда же прибывали и поляки, проживавшие в других европейских государствах, но считавшие своим долгом встать на путь борьбы против русских. Часть из них не достигла желаемого иполнила ряды горских ясырей².

Но были и те, кто сумел добиться расположения местных жителей. Так, некому Броневичу оказал покровительство сподвижник первого имама Чечни и Дагестана – Гамзат-бек, который, будучи заинтересован в усилении собственного имиджа, использовал его в попытке наладить контакт с властями Османской империи³. Находясь в рядах «немирных» горцев,

¹Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1816 – 1827 гг.). С. 107.

²Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 31 – 34.

³Маркова О.П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. № 42. С. 231.

поляки становились опасными противниками, так как являлись носителями европейских военных традиций и обучали их новым тактическим приёмам ведения боевых действий.

Весьма наглядным в этом ключе видится отрывок из рапорта, поданного генерал-адъютантом Павлом Христофоровичем Граббе военному министру графу Александру Ивановичу Чернышёву 7 апреля 1840 г., в котором, рассуждая о замыслах горцев он отмечал следующее: «Они хотят ... завести у себя артиллерию, в чём им способствуют наши дезертиры из поляков. Тем более прискорбно мне упоминать об этом обстоятельстве, что доселе большинство поступающих из Польши на службу в Кавказские войска отличались примерным поведением и что последние два года число беглых между ними значительно уменьшилось; но оно так важно, что я не могу умолчать об этом. По словам лазутчиков, эти дезертиры доставили горцам первое сведение о бедственном положении форта Лазарева и подали первую мысль о нападении на оный, принимая на себя исполнение сего предприятия¹. Они-то изобрели новый род оружия длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки. Ныне это оружие находится у горцев в значительном количестве. Они производят съёмки атакуемых мест, подают нужные советы для организации сборищ, а при штурме идут в голове колонны. Между ними особенно отличается своею предприимчивостью унтер-офицер одного из Черноморских линейных батальонов, служивший капитаном артиллерии в Польской армии во время мятежа 1831 года. Неизвестно ещё настоящее его имя, но в горах он принял другое черкесское прозвище»².

Неудивительно, что власти весьма пристально следили за настроениями в среде польских ссыльных, стараясь пресекать распространение пропаганды, которая могла подвигнуть этих людей на враждебные действия. Примечательно, что

¹ Форт Лазарев, где в результате болезни гарнизон оказался ослаблен, был захвачен горцами 7 февраля 1840 г. (См. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1816 – 1827 гг.). С. 482 – 483).

² АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 252.

у военнoслужаших изымалась литература патриотического содержания, которую они переводили и на русский язык¹. Кавказская администрация не раз получала предписания о необходимости отслеживания перемещения различных эмиссаров, действующих от имени революционных организаций, и в случае обнаружения таких немедленно подвергать их аресту. В частности, в поле зрения командования попали некие полковник Иннокентий Городинский, штаб-лекарь Наполеон Мединский, капитан Онуфрий Городецкий и подпоручик Викентий Городинский, которые могли прибыть в Анапу, чтобы в последующем наладить связи с неприязненными России горскими народами. Действовали они от имени общества «юной Италии и юной Франции» и обладали навыками конспиративной деятельности, имея при себе фальшивые паспорта и средства для печати и литографирования².

Порой применяемые способы пропаганды отличались необычностью и даже курьёзностью. Так, однажды в продажу поступила папиросная бумага, на которой Польша была изображена «в виде окровавленной женщины, в красной одежде, с одноглавым орлом, разорванными цепями и косою у ног и с звездой, окружённою сиянием на голове»³. Некоторые казаки, которые приобрели её у торговцев приняли такую аллегория «за изображение Богородицы или святой, помещали между образами»⁴ и вряд ли задумывались об истинном посыле этого символа.

Полиция на Северном Кавказе неоднократно должна была реагировать на присылаемые ей ориентировки на различных беглых ссыльных из числа поляков, которые вполне

¹Бижев А.Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30 – 40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 136. О появлении революционной литературы на польском языке см.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1400; ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1411.

²Бижев А.Х. Указ. соч. С. 138 – 140.

³ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2485. Л. 1.

⁴Там же. Л. 1 об.

могли укрываться на южной окраине империи, тем более что здесь уже находилось немало их земляков¹.

О поляках на страницах своих мемуаров высказывался и другой современник описываемых событий, Иван Романович фон дер Ховен: «Взглянув в одно из окон, я увидел вырезанные алмазом на стекле слова: «*ma bouche a tait serment, mais mon soeur n'a pas jure*»². Надпись эта, вероятно, была начертана кем-нибудь из поляков, которых было множество на Кавказе после усмирения Польского мятежа в 1831 г. Остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по полкам. Особенно обращали на себя внимание остатки храброго 4-го линейного полка (чвартаки, как их называли поляки), которые, во время сражения под Рудками, встретили колонну Самогитского пехотного полка, шедшую на них в штыки, – громким смехом, держа ружья под курок. Колонна от такого афронта в первый момент дрогнула, но вскоре, опомнившись, жестоко отомстила им за едкую насмешку. Чвартаки были разбиты и рассеяны. Эти храбрецы ходили ещё в своих тонких темно-серого сукна шинелях, с желтыми воротниками и с такого же цвета погонами, на коих значился знаменательный 4-й №. Они заслужили уважение своих сослуживцев необыкновенной храбростью, всегда высоко чтимою в рядах Кавказского войска»³.

Некоторые из польских ссыльных были однополчанами И.Р. Ховена: «Из поляков, служивших рядовыми в полках, назначенных в наш отряд (которых я знал лично), были: граф Платер, Ржевусский, князь Сангушко и многие другие из

¹ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5639; ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6140; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2061; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2752 и др.

² В переводе с французского, буквально: «Мой рот был приведён к присяге, но моё сердце не клялось».

³Ховен И.Р. фон дер. Мое знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в кавказских войсках в 1835 – 36 годах. (Рассказ очевидца) // Древняя и новая Россия. 1877. № 2. / URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Von_der_Hoven_I_R/text.htm (дата обращения 7.01.2019).

знатных и богатых фамилий польских. Случай свел графа Платера на Кубани с поручиком армейского уланского полка – Ларионовым, который во время польской войны взял его в плен и по милости коего граф был сослан на Кавказ рядовым в Тенгинский пехотный полк. <...>

Ржевусский служил рядовым в Тенгинском пехотном полку. Толстое сукно его солдатского мундира вовсе не гармонировало с его молодым и нежным лицом, а приличные манеры и образование ясно свидетельствовали о его происхождении. Он не вынес трудов похода и, кажется, вскоре скончался где-то в госпитале от чахотки.

Князь Сангушко также служил рядовым, в том же полку; заклятый поляк, избегал общества русских и с нами не сблизился. Все трое говорили всегда на французском языке и так как между офицерами гвардейскими было более говорящих на этом языке, то они и приходили к нам, в часы досуга, чтобы развлечься и хоть минутно забыть свое горестное положение»¹. Отметим, что такое отношение к русским не мешало князю выполнять свой воинский долг, и в дальнейшем выйти в отставку заслужив офицерский чин, который ему присвоили, несмотря на его прошлые прегрешения перед империей.

По мнению российского офицера, «сосланные в Кавказские войска поляки приносили более вреда, чем пользы. Причиной тому были ксёндзы, взятые, во время Польской войны, в плен с оружием в руках и записанные в рядовые одинаково с другими. В какой роте заведется такой ксёндз, то не жди добра; днём около него всегда заметишь кружок поляков-солдат, и он им что-то проповедует; результатом этих речей всегда было то, что ночью в цепи нескольких пар не досчитаться. Тем более побегии делались часты, что горцы поляков принимали охотно и с ними обращались гораздо чело-веколюбивее, чем с русскими. Как известно, впоследствии у Шамяля их было столько, что он составил из них отряд своих телохранителей; они руководили его при нападении на наши пределы, научили горцев делать порох, управлять орудиями и были одною из причин столь долгого сопротивления горцев

¹ Ховен И.Р. фон дер. Указ. соч.

и удачных нападений Шамиля на наши малочисленные гарнизоны в крепостях»¹.

Как видно из этих документов, демонстрирующих официальный и неформальный взгляд на польских солдат и офицеров, проходивших службу на Кавказе, отношение было если и не враждебным, то настороженным. Впрочем, слухи о готовности этих людей к измене нередко, при ближайшем рассмотрении оказывались обычным наговором². Но рождались они не на пустом месте, и болезненная реакция на них была вполне понятна.

В 1838 г. стало известно о гибели некоего европейца, которого первоначально приняли за англичанина, но потом, после проведённого расследования, оказалось, что это был поляк. По словам Николая Николаевича Раевского, ошибка вкралась по причине того, что «горцы называют англичанами всех европейских агентов, приезжающих в горы»³. Под личиной этого «лжебританца» скрывался некто Полинский, человек весьма бурной биографии. Удалось узнать, что «он сначала служил в пехоте Мегмет-Али-Паши, где он выучился по-арабски. Оттуда он был выгнан из службы и приехал в Константинополь, где определился поваром к купцу Борожис, называвшему себя капитаном персидской службы, с которым он поехал в Персию, где и поступил на службу. Спустя года 4 он возвратился в Константинополь (1835 г.) с чином персидского капитана. Он знал хорошую музыку, в войсках Шаха служил капельмейстером. В Константинополе он открыл трактир, но в продолжении года он обанкротился и поступил поваром к полковнику Констейнтейн и капитану Кембель. Сопутствовал своим новым господам в их шестимесячном путешествии по Анатолии и по разным странам Малой Азии. Возвратившись в Константинополь, он поступил в службу к капитану Нейту, который, приехав из Лондона, ожидал случая отправиться путешественникам в горы, куда, в июне 1837 года, они

¹ Ховен И.Р. фон дер. Указ. соч.

² Лапин В.В. Указ. соч. С. 247 – 248.

³ Архив Раевских. СПб., 1910. Т. III. С. 93.

и прибыли. Проживши в горах пять месяцев (между шапсугами и натухайцами), Полинский был отправлен Нейтом, Белем и Лонгвартом в Константинополь с рекомендательными письмами к Банкер-Бланк и к генеральному консулу Картрейт. Месяца через два (в октябре 1837 г.) он выехал из Константинополя и привёз в горы 30 бочек пороху, разные подарки, как-то: часы, подзорные трубы и проч. И ящик для капитана Беля с дорожной аптекой.

Летом 1838 года он был убит пушечным выстрелом на Сочи. От роду Полинскому было 35; он был ловок, имел особенную способность к шутовству и знал множество языков как европейских, так и азиатских»¹.

Английская версия в деле погибшего инсургента, как видим, была не случайна. Некого Палинского в апреле 1838 г. упоминали в переписке генерал-майоров Н.Н. Раевского и Е.А. Головина в связи с прибывшем в Синоп судном из Англии, на котором присутствовали «новые агенты» капитан Маррин и лейтенант Иддо. Подручным у Маррина был «ренегат поляк Палинский», вместе с которым они собирались весной отправиться на Кавказ. Примечательно, что Иддо вскоре отправился обратно в Англию с образцами «серы, свинцовых и других металлических руд, найденных в горах. Добывание тех металлов, говорили англичане горцам, должны для вас обратиться на гибель русским»².

Скорее всего речь шла об одном и том же человеке. Столь разносторонне подготовленный и хорошо знавший Восток человек, был для Foreign Office ценным агентом. Поляки нередко выступали в качестве инструмента британской политики, которая была заинтересована в дальнейшей эскалации насилия на Северном Кавказе, таким образом ослабляя своего российского геополитического конкурента.

Сами англичане старались не допустить прямого столкновения с русскими, «предпочитая действовать из-за

¹ Архив Раевских. СПб., 1910. Т. III. С. 93 – 94.

² Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов... С. 143.

польской ширмы»¹. Используя Центральный национальный совет польского национально-освободительного движения (Жонда Народового), они планировали создать воинское формирование – легион, ядро которого предполагалось сформировать из числа дезертиров Отдельного Кавказского корпуса². Возглавить его должны были генералы Ю. Бем и Г. Дембинский³.

Ещё в середине 30-х гг. британский общественный деятель Дэвид Уркварт начал налаживать контакты с представителями польской эмиграции, которая не смирилась с итогами выступления 1830 – 1831 гг. и рассчитывала на реванш в своей борьбе. Наиболее близки ему оказались сторонники Адама Чарторийского, сумевшие сплотиться вокруг своего лидера и демонстрирующие готовность к конструктивному сотрудничеству. Данная организация представляла собой консервативно-монархическое крыло в польском освободительном движении, известном как «Общество 3 мая». Их штаб-квартира размещалась в «Отеле Ламбер», расположенном в Париже. Поляки в качестве демонстрации серьёзности своих намерений передали Д. Уркварту документы, захваченные в разгромленном русском архиве в Варшаве, и тот с успехом использовал их в организованной пропагандистской кампании, направленной против России.

Обе стороны сошлись во взглядах на роль Кавказа в борьбе против русских и готовы были всячески поддерживать местные племена как идеологическими средствами, так и с помощью оружия. Для этого имелись все возможности, тем более что в Турции к тому времени сформировалась достаточно многочисленная польская колония, в которой имелось немало решительных людей, знающих военное дело и мо-

¹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829 – 1864 гг. Политика, война, дипломатия. Б.м. Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. С. 430.

² Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: «Логос», 1992. С. 76.

³ Об этих планах стало известно российскому правительству, которое предприняло весьма энергичные шаги по предотвращению задуманной акции (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199).

тивированных на противоборство с Россией. Из них предполагалось рекрутировать добровольцев для отправки в Черкесию, связи с которой у турок не прерывались, несмотря на усилия Петербурга¹. Такие планы поддерживала и французская дипломатия, для которой поляки выступали «в качестве щита для европейской цивилизации от наступления азиатов-москвитов»².

В пользу того, что этот замысел вполне мог осуществиться, говорят тревожные для российского командования сведения, которые сообщал Н.Н. Раевский: «Ныне англичане ласково принимают наших беглых, особенно поляков, стараясь вооружить их противу нас; старание до сих пор неуспешное. Беглые большею частью обращались в рабы, продавались в Трапезунде...»³. Но тут именно меры царской администрации, стремящейся пресечь торговлю людьми и контрабанду, сыграли против русских интересов, т.к. «с построением новых крепостей и с большей бдительностью [наших] крейсеров, вывоз стал затруднителен; в горах цена на рабов упадет... и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке, «цельте в чёрных». Беглые в черкесской одежде друг другу сими словами означают по платью наших офицеров»⁴.

Поляки-инсургенты не испытывали иллюзий по отношению к англичанам, но хотели использовать все возможности для своего противостояния с Россией. Как вспоминал один из деятелей польского национального движения Михаил Станиславович Чайковский⁵, которого прислал в Турцию в 1841 г.

¹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. / Под редакцией Н.С. Киняпиной. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. С. 22 – 23.

² Жуков К.А. Поляки в Османской империи и Россия (60 – 70-е гг. XIX в.) // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 6 (33). С. 189.

³ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов... С. 144.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Биография М.С. Чайковского была весьма насыщенной и поучительной. После подавления Польского восстания 1830 – 1831 гг., он эмигри-

лидер консервативного крыла польской эмиграции Адам Ежи Чарторыйский: «Установив сношения со славянами, я решил также завязать их с черкесами и чеченцами, чтобы придать князю Адаму Чарторыйскому более веса в глазах Англии, которая интересовалась этими азиатскими народами гораздо более, нежели славянами. Англия доказывала это каждый раз, когда дела польской sprawy касались английского кабинета: черкесы и азиатские народы, обитавшие между Чёрным и Каспийским морями, были в её руках орудием, коим она тревожила и пугала Россию. Я не хотел иметь ничего общего с англичанами и поэтому всячески сторонился от английской дипломатии, но мне очень хотелось разузнать правду о Кавказе и показать английским дипломатам, что я могу сделать гораздо больше нежели её агенты, щедро ею оплачиваемые.

Я слышал от Станислава Краевского и от многих других лиц, что несмотря на разглаговольствование «Times'a» и других газет, английские агенты не заезжали в глубь страны далее как на расстояние полутора часов езды от моря и останавливались близ Анапы, у шапсугов»¹.

ровал во Францию, где занялся политической и литературной деятельностью. В дальнейшем оказавшись в Турции, М.С. Чайковский возглавил Восточное агентство «Отеля Ламбер», во главе которого находился вплоть до своего принятия ислама и перехода на службу в турецкую армию в 1850 г. Он сделал неплохую карьеру, дослужившись до чина ферика (генерал-лейтенанта), но при этом продолжал поддерживать тесные связи с польской эмиграцией. В годы Крымской войны он воевал на Дунайском фронте, а в дальнейшем служил в Фессалии и Болгарии. Со временем, разочаровавшись в идеалах своей юности, М.С. Чайковский в 1870 г. ушёл в отставку, а в 1872 г., испросив прощение у Александра II, перебрался в Россию. Вновь сменив веру и на этот раз сделавшись православным, он остаток жизни провёл в Черниговской губернии, занимаясь мемуарами и литературно-публицистической деятельностью. Такой поступок старого инсургента был весьма болезненно воспринят среди польской эмиграции, для которой М.С. Чайковский был безусловным авторитетом и примером для подражания (Жуков К.А. Указ. соч. С. 186 – 187).

¹Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 435 – 436.

Планы самих польских революционеров были весьма амбициозны. Они хотели объединить все антироссийские силы в Европе и на Востоке и готовы были пойти на немалый риск в поисках союзников для осуществления этого замысла. Уже изначально проект парижских руководителей польской эмиграции вызывал серьёзные сомнения. Руками донских и черноморских казаков, казаков-некрасовцев и кавказских горцев, добровольцев из числа южных славян, совместно с польскими отрядами предполагалось воссоздать Речь Посполитую в границах 1772 г. Все эти силы должны были с разных направлений двинуться на Москву, а их поход привёл бы к социальной революции в России. На Кавказе, в качестве ленников Порты, возникали буферные государства из Федерации мусульманских народов, Грузии и Армении¹. Упоная на такое единство столь разношерстных сил, сторонники А. Чарторыйского явно выдавали желаемое за действительность, в чём им пришлось очень скоро убедиться.

М.С. Чайковский, который предпочитал делать ставку на турок и был известен среди них как Мехмет-Садык паша, писал о том, как «познакомился с жившим в Константинополе шапсугом Ахмет-агою, с которым я вошёл в соглашение и через него познакомился с Мехмет-агою – шапсугом, пользовавшимся уважением среди своего племени. Он хорошо говорил по-русски; я сказал ему без обиняков, что хочу послать агента к Шамилю с письмом от моего племени и получил от него ответ, в котором бы говорилось, что я вошёл с ним в деловые сношения. Мехмет согласился взять на себя эту роль, но выразил желание иметь удостоверение от Высокой Порты, что всё это делается с его ведома.

Я отправился к Мехмет-Али-паше с Людвигом Зверковским и сообщил ему о своём плане; Зверковский заявил, что он готов ехать на Кавказ. С Мехмет-Али-пашёю было

¹Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831 – 1864. Warszawa, 2011. S. 93, 106.

чрезвычайно легко вести дело; не состоя на службе он не подвергался никакой ответственности¹. Он обещал взяться за это дело и несколько дней спустя пригласил меня к себе и дал Зверковскому на дорогу 25 тысяч пиастров и хорошо нагруженный корабль.

Зверковский, который поехал на Кавказ под именем Каракрак-бея², накупил товаров, полотен, ситцев, всевозможных уборов, имевших на Кавказе ценность денег и ценившихся даже дороже денег, а я дал ему письмо к Шамилю, предлагая шейху от имени князя Адама Чарторыйского действовать совместно на Кавказе и в Европе. Снаряжённый таким образом, Зверковский приехал благополучно в Джубу, откуда направился к Шамилю»³.

¹ Следует отметить, что официальные турецкие круги далеко не всегда готовы были поддерживать стремление поляков отправиться воевать на Кавказ. Связанные обязательствами по мирному договору с Россией, они старались не раздражать своего северного соседа и не провоцировать его на конфликт. В этой связи уместно привести документ, хранящийся в Османском государственном архиве Турции (г. Стамбул) и датированный 1845 / 1846 гг.: «Высокоочтимому Халил-паше – уполномоченному по Самсуну. Получена агентурная информация о том, что некоторые поляки и другие сомнительные лица, уезжающие под различным предлогом в Черкесию, собираются отбыть сегодняшним пароходом в Самсун и Трабзон. В связи с крепкой дружбой, существующей между Османским государством и государством российским, уделять таким случаям внимание – это долг дружбы. Нет необходимости объяснять вам это. Поэтому, когда упомянутый пароход прибудет на ту сторону, и при проверке пассажиров обнаружатся поляки и подозрительные люди, то в соответствии с принятым решением, примите все меры, чтобы они не смогли уехать в Черкесию» (История адыгов в документах Османского государственного архива. Выпуск 1. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 55). И в дальнейшем османские власти выказывали готовность проводить проверку судов, подозреваемых в контрабанде оружия и перевозке кондотьеров к берегам Черкесии (Там же. С. 56 – 57).

²Его знали и под другим именем – Ленуар (Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 538).

³Записки Михаила Чайковского (Садык паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 436.

Кандидатура Л. Зверковского была выбрана неслучайно. Его характеризовали, как бойкого, ловкого, деятельного человека, который умел «всюду пробраться и везде заму-тить воду»¹. Именно такой и нужен был для выполнения весьма амбициозного замысла, который созрел у М. Чайковского и А. Чарторыйского. Они собирались устранить «ахиллесову пяту» горского общества – разрозненность и конфликтность – и сплотить их на принципах единоначалия. Как писал в своих мемуарах Василий Иванович Кельсиев, российский революционер, близко знакомый с М.С. Чайковским и не понаслышке знающей об этом вопросе², его приятель: «...пользовался огромным уважением черкесов, по крайней мере их пши (т.е. князей. – Авт.). Масса народа, разумеется, его не знала, но для князей Чайковский был всё-таки провозвестником новых начал, истолкователем политики и бескорыстным другом независимости Кавказа. Он советовал им сблизиться между собою; стараться улаживать взаимные недоразумения; организовать нечто вроде Швейцарской республики. Впоследствии даже конституция Швейцарского Союза была переведена для них на татарский язык и ходила у них по рукам»³.

¹Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 538.

²«Исповедь» В.И. Кельсиева / Подготовил к печати Е. Книгисепп. Вступительная статья и комментарии М. Клевенского // Литературное наследство. М., 1941. Кн. 41 – 42. С. 253 – 470.

³Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 541. Вызывает интерес тот факт, что стремление найти параллели между северокавказским и швейцарским опытом в различных сферах жизни сохраняется и по сей день (Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики. / Под общей редакцией Бабич И.Л., Вирт Ю.В., Мартыновой М.Ю. М.: ИЭА РАН, 2013). Но при всех заманчивых параллелях сделать из Кавказа «вторую Швейцарию» так и не удаётся, чему в немалой степени препятствуют весьма серьёзные социокультурные и ментальные различия автохтонных народов.

Однако горцам Северного Кавказа западноевропейский опыт виделся плохо приспособленным к их реалиям, на что они и обращали внимание своих советчиков. Они признавали: «Мы слабы тем что у нас нет центральной власти. Нам нужен султан. Повиноваться Шамилю мы не хотим, потому что Шамиль человек жестокий, потому что он одно племя возвышает пред другим, и потому что Шамиль вводит равенство. А вот если бы нашёлся человек умный, учёный, храбрый воин, который принял бы ислам и пошёл бы к нам в султаны, пришёл бы к нам с войском, умел бы нас усмирить в наших распрях, – было бы нам хорошо»¹.

Как видно из этого противоречивого пожелания, горцы хотели получить себе лидера со стороны, не замешанного в местных распрях. Не желая признать власть выходящую из собственной среды, они готовы были рассмотреть кандидатуру «варяга», одного из сыновей А. Чарторыйского, заодно приглашая всех поляков перебираться к себе в горы. Авторство этого письма приписывается неким «старикам правого фланга», т.е. черкесским старейшинам². Зная реальные полномочия таких людей, авторитет которых не являлся гарантией волеизъявления всего общества, не стоит переоценивать возможный эффект от воплощения в жизнь такого проекта. Но этот вывод мы можем сделать, опираясь на послезнание произошедших событий. Для современников всё было не столь очевидно.

Сам В.И. Кельсиев придерживался противоположной точки зрения и недоумевал: «Почему Чарторыйский не исполнил этой просьбы, почему не сбывал он многочисленную польскую эмиграцию на Кавказ... Может быть, он сам не верил в возможность подобного дела, а дело было тогда, т.е. в сороковых годах, кажется, весьма исполнимым. Доставка оружия на Кавказ из Самсуна и Трапезунда была делом вовсе не трудным. Доставка людей точно также не представляла больших затруднений. А раз проложив дорогу польской

¹ Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 541.

² Там же.

эмиграции на Кавказ, устроив из неё отдельный отряд и даже земледельческие колонии, можно было смело рассчитывать на дезертирство поляков из Кавказского корпуса, можно было вести войну с нами систематическим образом, и если не отнять у нас Кавказ, то сделать его больше чем он был. Наконец можно было рассчитывать, что в случае какого-нибудь столкновения нашего с Англией и Францией, даже с Турцией, горы были бы для нас потерянны. На юг от нас стояла бы тогда грозная, неприступная крепость, рассадником всевозможных беспорядков у нас, притон всех наших врагов...»¹. Здесь автор, как представляется, недооценивает реальные усилия лидеров польской эмиграции. Попытки закрепиться в регионе, как мы видим, имели место, но полученные результаты оказались далеки от ожидаемых. Северокавказские реалии явно не совпадали с умозрительными конструкциями руководства «Отеля Ламбер».

Вояж Л. Зверковского к горцам оказался весьма опасным предприятием и чуть было не стоил ему жизни. Российское командование организовало патрулирование Черноморского побережья Кавказа, поэтому проникнуть сюда можно было лишь в зимнее время, когда штормы затрудняли отслеживание пришедших судов, чем и пользовались турецкие контрабандисты. В течении весны и лета никаких известий о своём посланце М.С. Чайковский не имел, и лишь в начале осени ему сообщили, что Л. Зверковский ранен и не может вернуться в Стамбул. Встревоженный Мехмет-Садык-паша поспешил отправить своему человеку новые запасы товаров

¹ Там же. С. 541 – 542. В этой связи весьма любопытно сравнить взгляд на значение Кавказа для России высказанный другим современником описываемых событий, который находился по другую сторону фронта – Р.А. Фадеевым: «Для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью» (Фадеев Р.А. Кавказская война. С. 40).

и в письме просил побыстрее возвратиться в Турцию. Тот выполнил пожелание М.С. Чайковского и сумел ещё до наступления зимы появиться в Стамбуле, где и поведал о своём путешествии. По его словам, «когда он прибыл в Джубу, Мехмед-бей созвал главных беев-шапсугов, ногайцев и абадзехов. Он представил им Каракрак-бея, прочёл им и сообщил содержание всех писем Мехмет-Али-паши, которые имели силу и значение фирманов Высокой Порты. Каракрак-бей был ими принят со всевозможными знаками почёта и уважения и участвовал во всех их совещаниях; братья Засы-Оглу употребили всё своё влияние, чтобы облегчить ему дорогу к Шамилю и свидание с шейхом»¹.

И тут Людвиг Зверковский сделал для себя неприятное открытие. Черкесы отнюдь не горели желанием подчиниться воле Шамиля и действовать под его руководством. Они даже готовы были предпочесть имаму Чечни и Дагестана русского государя, который старался без крайней необходимости не вмешиваться в их традиционный уклад. Так, «Хаджи Шумов выражал опасение, как бы Шамиль не появился у черкесов, не захватил бы над ними власть и не стал бы управлять ими так же деспотично как он правил чеченцами, лезгинами и другими кавказскими племенами. Этот черкесский бей, славившийся своим умом, говорил о Шамиле: «пусть шейх Шамиль себе воюет, мы также будем воевать, но пусть он не думает нами управлять; быть под его властью тяжелее, нежели под властью турок в то время, когда они владели Анапою. С турками можно было нажить деньги, а с Шамилем не снесёшь и головы. Если бы дело дошло до этого, то лучше подчиниться власти могущественного и сильного русского царя, который требует от нас только повиновения, но не полагает на наше имущество и охраняет жизнь подданных». Почти все черкесы разделяли его мнение, так как многие из них имели

¹Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 444.

сношения с русскими властями, получали от них пенсии и подарки. Впрочем любовь к свободе или, лучше сказать, к анархии была в крови этих людей»¹.

Зная о таких настроениях стоит ли удивляться, что по дороге к Шамилю на поляка было совершено покушение. Несостоявшийся убийца так и не был пойман охранявшими Каракрак-бея черкесами, и вместо личной встречи тому пришлось передать главе мюридов лишь письменное послание. Полученный ответ гласил, что Шамиль «признаёт власть султана своего монарха и калифа. Превознося по восточному обычаю могущество и власть султана и выразив свою преданность и покорность ему, Шамиль писал, что он имеет достаточно войска, чтобы бороться с врагами веры и народа, что он ни в чём не нуждается, но готов повиноваться всем приказаниям султана и с нетерпением их ожидает. В письме, адресованном мне, Шамиль писал, что ему известна храбрость польского народа, что он рад заключить с ними союз и просит меня донести до сведения моего начальника, что отныне он будет смотреть на всех поляков, которые приедут к нему, как на своих детей, что они будут причислены к его мюридам. К этим письмам, написанным по-турецки, но арабскими и персидскими буквами, так что их мог разобрать только самый образованный турок, было приложено письмо ко мне на русском языке от Даниеля султана Элисуйского, который объяснял обстоятельно все желания Шамяля и предлагал полякам заключить союз и действовать впредь общими силами. Он уверял, что Шамиль всегда будет верным и надёжным союзником, и говорил, что поблизости от них живёт довольно много поляков, которые могли бы образовать войско и быть полезны только под начальством поляка и что они ждут этого начальника»².

Сложно сказать, действительно ли М.С. Чайковский получил такое заверение от Шамяля, т.к. других свидетельств этих переговоров мы не имеем. Нельзя исключать того, что

¹ Там же.

² Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 445.

Мехмет-Садык-паша выдумал эти факты, чтобы повысить свой авторитет в глазах турок, англичан, да и своих соотечественников, «ахиллесовой пятой» которых, по словам самого М.С. Чайковского, было отсутствие «единодушия и согласия»¹. В целом он скептически смотрел на перспективы использовать горцев Северного Кавказа для «польской sprawy» и считал, что политическую ставку следует делать на казачество².

Вызывает интерес тот факт, что экспедиция, напоминающая по своим задачам то, что пытался воплотить в жизнь Л. Зверковский, в 1846 г. была предпринята другим польским эмиссаром – Адамом Высоцким. В отличие от первого, которому благоволили османы, за А. Высоцким, видимо, стояли британские службы. Сведения о нём были собраны российским командованием, которое по разным каналам отслеживало шаги враждебных организаций. Вот, какие подробности содержались в рапорте начальника Черноморской береговой линии главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом: «...по собранным достоверным сведениям оказывается, что на одном из турецких контрабандных судов, приставших 19 го минувшего июня к Черкесскому берегу в ущелии Вордане, действительно находился польский эмиссар Адам Высоцкий и с ним прибыл ещё другой из числа его же соотечественников и переводчик, все эти лица проживают теперь у убыхов в ауле Хаджи-Черендука Берзека. Горцы рассказывают, что Высоцкий привёз с собою много машин и инструментов для делания пороха, оружия и разных огнестрельных снарядов, что он обещал им открыть у них металлы и соль, научить как добывать всё это и обделывать. Как Высоцкий, так и сопровождающие его называют себя англичанами. Он намерен, подобно Беллю, объехать весь край и предложить народу свои услуги против русских. В горах он поселил высокое мнение о своих познаниях и способностях; в рассказах

¹ Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Сентябрь. С. 653.

² Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 446.

об нём они говорят, что он умеет делать разных родов порох, белый, серый и даже зелёный»¹.

Таким образом, видно, что одна из приоритетных задач, которая была поставлена перед А. Высоцким заключалась в обеспечении горцев возможностью по самостоятельному изготовлению боеприпасов, в которых они, из-за российской блокады, стали ощущать серьёзную нехватку. В сложившихся обстоятельствах их иностранные кураторы сочли целесообразным сделать ставку на передачу технологий, чтобы, опираясь на местные ресурсы, нивелировать успехи русского оружия.

Но польский эмиссар должен был склонить воинственных аборигенов на свою сторону не только своими полезными ремесленными навыками. Лучше всего повлиять на умонастроения народа, превыше всего ценившего воинскую доблесть, могла только личная удаля и демонстрация успехов во владении оружием. И очевидно, А. Высоцкий обладал и такими достоинствами. По крайней мере, как отмечалось в том же рапорте, «уверяют, что будто бы он убил из двуствольного ружья и лейтенанта Сутковаго, находившегося на одном из баркасов, преследовавших контрабандное судно, на котором прибыл Высоцкий и что при отражении баркасов он распорядился всеми действиями на чектырмах (турецкие суда используемые контрабандистами. – Авт.)², которые нагружены

¹ Осетия в кавказской политике Российской империи: Сборник документов и материалов / Под ред. Хамицаевой А.А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 92.

² Это происшествие нашло отражение в рапорте контр-адмирала П.С. Нахимова императору Николаю I от 28 июня 1846 г.: «Вверенного мне отряда командиры судов – корвета «Пилад» и брига «Паламед» – доносят, что, находясь в крейсерстве на высоте форта Лазарев, 19 июня увидели три контрабандные судна. Совершенно стихший ветер не дозволил самим судам преследовать контрабандистов, а потому посланы были в погоню вооружённые гребные суда. При действии гребных судов противу контрабандистов смертельно ранены 2-го учебного морского экипажа лейтенант Флегонт Сутковой и 37-го флотского экипажа 3-й роты матрос 1-й статьи Якуб Бартнюк... легко раненых 5 человек,

были значительным запасом свинцу и пороху»¹. Видимо, программой максимум для него было решение столь непростой политической задачи, как объединение сил всех горских обществ недовольных российскими порядками для скоординированной борьбы. В пользу этого предположения говорило то, что А. Высоцкий «уведомил письмом Хаджи-Оглу Эфендия, живущего на Псебае, о своём прибытии в горы и что он намерен от убухов перейти к шапсугам, а оттуда поедет в Натухайский край и предлагал свои услуги, просит ласкового его гостеприимства. В том же письме Высоцкий сообщает, что обзрев всё побережье, он намерен поехать к Шамилю, для передачи ему сведения о настоящем положении края»².

Командование отнеслось к полученной информации со всей серьёзностью. Обращает на себя внимание то, что в рапорте присутствовали и приметы этого человека: «...от роду ему около 45 лет, собою смугл, среднего роста и носит очки»³. Такой интерес к его облику мог быть вызван желанием при случае физически устранить эмиссара, что, как мы видим, не раз удавалось проделывать уже русским агентам.

Сложно сказать, насколько скоординировано действовали все эти прибывшие на Кавказ лица друг с другом, но объединяла их общая цель – использовать потенциал кавказских племён в борьбе против Российской империи. И для турок,

благонадёжны к выздоровлению». К этому рапорту была сделана пометка: «Государь император изволил остаться недоволен тем, что турецкие суда успели уйти, не понеся сами никакого урона, и приписывает это оплошности командиров корвета и брига, о чём приказал сообщить» (П.С. Нахимов. Документы и материалы. Т. 1. СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2003. С. 159). Справедливости ради отметим, что незадолго до этого события моряки успешно захватили турецкие чектырмы и сорвали попытку провести «немирным» горцам груз оружия, включая артиллерию (Там же. С. 157).

¹ Осетия в кавказской политике Российской империи ... С. 92.

² Там же. С. 92 – 93.

³ Там же. С. 93.

и для англичан поляки оказались весьма полезным ситуативным историческим партнёром. Среди них было немало мотивированных на борьбу за национальное возрождение людей, готовых с риском для жизни, где бы то ни было враждовать с русскими. Они, в свою очередь, считали, что используют потенциал этих государств в своих целях. Таким образом, из польской эмиграции успешно можно было рекрутировать агентов и внедрять их в среду «немирных» горцев.

Далеко не все поляки разделяли методы инсургентов. Примечательно, что среди лиц, посещавших М.С. Чайковского был и упоминавшийся выше князь Роман Адам Станислав Сангушко. В своё время он отбыл сибирскую каторгу, а потом был отправлен служить на Кавказ, попав в знаменитый Тенгинский пехотный полк. В боях против горцев князь проявил изрядное мужество, за которое даже получил офицерский чин. Но затем, по словам Мехмет-Садык-паши, он «оставил службу на Кавказе, приехал нарочно в Стамбул, чтобы видеть деятельность польского агентства. Я сердечно приветствовал этого благородного человека, который не раз уже доказывал свою любовь к отечеству и свою честность»¹. Однако князь, видимо, не вдохновился деятельностью своих непримиримых соплеменников, по крайней мере, о его участии в своих акциях М.С. Чайковский ничего не сообщал.

Предложения Мехмет-Садык-паши не нашли поддержки у его руководства. Вскоре он получил инструкцию за подписью Адама Ежи Чарторыйского, в которой ему повелевалось «...отнюдь не входить ни в какие деловые или дружеские сношения с черноморскими, азовскими и линейными казаками, постоянно воевать с ними и не иметь ничего общего; где бы не поселились поляки-католики, стараться сформировывать из них отдельные отряды; посылать к ним ксендзов, чтобы они не забыли веру и обычаи своих предков; выхлопотать у черкесов и у Шамиля разрешение строить костёлы, к которым могли бы принадлежать поляки и, если таковых

¹ Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 439.

окажется в каком-либо приходе несколько тысяч человек, посылать в этот приход епископа»¹.

Все эти указания привёз М.С. Чайковскому из Парижа Гордон – «уроженец Киевской губернии, потомок тех выходцев из Шотландии, которые со времён короля Сигизмунда III (король польский и великий князь литовский с 1587 по 1632 г. – Авт.) начальствовали артиллерией казацкого войска»². Его предки уже в XVII в. получили польское дворянство, а он теперь боролся за возвращение былого величия Речи Посполитой. Гордон должен был выйти на Шамиля и Даниель бека, а также заручиться поддержкой англичан, что, по мнению М.С. Чайковского, было ошибкой. Ведь в этом случае «пришлось бы действовать на Кавказе на пользу римско-католической церкви и Англии, а не служить Турции и польской справе»³.

Тем не менее турки в лице Мехмет-Али-паши оказали ему финансовую поддержку и помогли снарядить для отправки на Кавказ три судна, нагруженных оружием, боеприпасами и различными товарами. Гордон ехал туда под именем Бендерли-бея, а вместе с ним на родину возвращались и более десяти черкесов, которые, видимо, должны были обеспечить ему связи с местными племенами.

Оценка действий Гордона со стороны М.С. Чайковского было неоднозначной. В своих воспоминаниях польский лидер констатировал: «Шесть месяцев сражался он на Кавказе, командуя тремя тысячами всадников, совершил две экспедиции на Кубань и слава о его подвигах разнеслась так далеко, что различные племена горцев присылали к нему гонцов с просьбой принять над ними начальство»⁴. Откуда появилась у Михаила Станиславовича такая информация, остаётся лишь предполагать. На Кавказе действительно воевали польские инсургенты, сумевшие завоевать расположение «немирных»

¹ Там же. С. 447.

² Там же. С. 447 – 448.

³ Там же. С. 447.

⁴ Там же. С. 448.

горцев. Это находит подтверждение и в имперских официальных источниках. Но столь масштабные события, которые упоминает Мехмет-Садык-паша, вряд ли остались бы вне поля зрения российского командования. Да и зная, как неохотно горцы подчинялись чьей бы то ни было воле, весьма сомнительно их желание стать под знамёна чужеземца. Косвенным подтверждением склонности автора к фантазиям служат и его ошибки в топонимах и этнонимах, встречающиеся в тексте, на что обращала внимание редакция «Русской старины», опубликовавшая его записки¹.

Тем не менее, даже если и имело место определённое преувеличение, возможно, «сочинение по мотивам», сведения, приводимые в мемуарах, заслуживают пристального внимания и отличаются неплохой информированностью их автора в северокавказских (черкесских) реалиях. Так, по его словам, «Бендерли-бей был не особенно доволен черкесами, которые отправляли всех поляков, попадавших к ним в плен или приходивших к ним добровольно, к абазинцам, жившим близ Сухум-Кале и принявших подданство России, а те отсылали их тотчас для продажи на персидские, египетские и турецкие рынки. Они оставляли Бендерли-бею только самых старых и немощных. Он получил разрешение устроить домовую церковь и поместить при ней ксендзов, польских дервишей, как называли их горцы, которые совершали бы богослужение. Как видите, всё дело обратилось в злую шутку...»² – не без сарказма констатировал М.С. Чайковский. Он явно не видел большой пользы в присланном Гордону агитационном материале, состоявшем из монархических брошюр, молитвенников и медалей с изображением Адама Чарторыйского.

В дальнейшие планы польского командира входил рейд вглубь русских территорий на Кубани. Для этого он рассчитывал привлечь около двадцати тысяч всадников. Но осуществиться им было не суждено: «однажды ночью он был убит в своей комнате выстрелом из пистолета. Убийца

¹ Там же.

² Там же.

скрылся»¹. Кто стоял за ликвидацией Бендерли-бея, теперь уже вряд ли удастся узнать. Скорее всего, это была акция, инициированная российским командованием, которое весьма последовательно занималось уничтожением непримиримых противников. В этой связи уместно вспомнить о похожем случае, когда по указанию барона Г.Х. Засса, житель Армавирского аула Багиров уничтожил другого польского инсургента артиллерийского поручика Якубовича, известного среди черкесов под именем Якуб-хан.

Он помогал им наладить выпуск оружия и боеприпасов, умел оказывать сильное влияние на умонастроения, чем и пользовался, настраивая местных жителей против русских. Это был непримиримый враг, ликвидация которого должна была снизить накал вражды на Линии. Но уничтожить Якуб-хана в бою не представлялось возможным. Он не участвовал в набегах и предпочитал скрываться в дальних аулах, не доступных неприятелю. И тогда Г.Х. Засс решил назначить награду за голову Якубовича, рассчитывая, что найдётся удалец, падкий на деньги и готовый ради этого рискнуть своей жизнью. Им оказался черкесогай Багиров, который имел хорошие связи среди горцев и был лично знаком с неуловимым поляком. Армавирские армяне не раз привлекались российским командованием для выполнения различных секретных миссий, легко находили контакт с черкесами, близкими им по образу жизни². Генерал Засс готов был, помимо денег, добиться для Багирова и присвоения ему чина, о чём тот просил в качестве дополнительной награды. Ловкий лазутчик сумел вызвать доверие у своей жертвы и даже несколько дней гостил у Якуб-хана. Покинув его дом, он сделал вид, что уезжает торговать в другие аулы, а сам ночью вернулся и тайно проник в жилище, где сумел обезглавить Якубовича.

Отчаянного диверсанта подвела жадность. Он решил выкрасть шкатулку с деньгами и личный кинжал убитого, рассчитывая выручить за них приличную сумму. В дальнейшем

¹ Там же. С. 449.

² Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаяв. Краснодар: Традиция, 2010. С. 107 – 152.

это сыграло роковую роль в его жизни... Первое время никто так и не заподозрил вины Багирова в смерти горского предводителя. Г.Х. Засс щедро рассчитался с ним за проделанную работу, и полученные средства сделали его богатым человеком. Прошло около года. Решив, что горцы уже смирились с нераскрытой тайной смерти своего вожака, он продал кинжал и шкатулку Якуб-хана моздокскому армянину. Эта ошибка дорого стоила авантюристу.

Мстители смогли узнать о подлинном виновнике гибели своего товарища. В качестве канлы выступил известный на Кубани хаджрет Хамурзин, который сумел подкараулить Багирова и увести его в один из отдалённых аулов. Горцы приговорили его к пыткам огнём, но он стойко продолжал отрицать свою вину. От мучительной смерти Багирова спас набег генерала Засса, который не только освободил чуть живого лазутчика, но и захватил самого Хамурзина в плен.

Когда генерал рассказал ему об обстоятельствах гибели Якуб-хана, тот стал просить даровать ему свободу и обещал сохранить верность русским, но грозился умертвить Багирова. Сделав вид, что идёт ему на встречу, Г.Х. Засс решил оставить горцам смертельный «подарок». Горского предводителя использовали в качестве приманки и, привязав к дереву, заложили вокруг несколько мин, на которых подорвались устремившиеся к нему черкесы. Что касается Багирова, то, по словам Аполлона Шпаковского, он встречал его в 1860 г. в Ставрополе, где тот «всё ещё плутовал, торгуя с горцами. Однако на поездку в горы его уже ничто не заманит калачом...»¹. И таких примеров драматического противостояния,

¹ Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 11. С. 161 – 162. Мотивация людей готовых пойти на сотрудничество с русской разведкой была различной. Кто-то готов был рисковать ради денег, кто-то исходя из идейных убеждений. Судьба разоблачённых информаторов, как правило, была трагичной. Если им не удавалось своевременно бежать к русским, горцы безжалостно уничтожали их в отместку за свои невзгоды (Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. С. 160 – 172; Клычников Ю.Ю. «Переписка о чеченце Марзбеке (Фёдоре Афанасьеве) и его подвигах»: эпизод из деятельности

в котором были задействованы польские инсургенты, было немало.

Возвращаясь к истории гибели Гордона (Бендерлибея), можно привести слова М.С. Чайковского, который, очевидно, окончательно разочаровался в северокавказском направлении борьбы против России: «Так окончилась вторая экспедиция на Кавказ. Обе описанные экспедиции окончились неудачно потому, они были предприняты без ясно определённой цели и без основательного плана действий; нельзя злоупотреблять святым именем народного дела для затей, предпринимаемых с целью наживы спекулятором, который при этом набивает себе карман. Точно так же потерпели фиаско и все последующие экспедиции, снаряжавшиеся на Кавказ»¹. Сам он продолжил выстраивать взаимоотношения с местными лидерами и даже якобы получил ценные подарки от самого имама Шамиля, но серьёзных политических результатов это не имело. Скорее всего, мы имеем дело с ещё одной фантазией пана инсургента, но и она позволяет взглянуть на местные события с точки зрения их восприятия современниками.

Итак, по словам М.С. Чайковского, «прибыл в Стамбул с Кавказа молодой галичанин Терлецкий, отставной поручик русского войска. Замешанный в происках каких-то эмиссаров на Волыни или только заподозренный в этих происках в 1836 г., он был сослан рядовым на Кавказ, где снискал расположение князя и княгини Воронцовых, был к ним приближен, произведён в офицеры, оставлен при штабе князя наместника и неоднократно посылался им к Шамилю для переговоров. Он прекрасно владел татарским языком и мог разговаривать с Шамилём без переводчика. В одну из своих поездок

русских лазутчиков в годы «Кавказской войны» // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 74 – 78; Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Часть II. Карл Штюккер. Нравы и обычаи в Турции и Черкесии / Руков. научного проекта К.Ф. Дзамихов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2016. С. 110 – 112).

¹ Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 449.

к шейху, он сказал ему, что он поляк, что он подал в отставку и хочет вернуться на родину. Шамиль, к которому он уже приезжал не раз, относился к нему как к старому знакомому.

Шейх спросил, не знает ли он меня? Терлецкий отвечал, что лично он со мною не знаком, но знает моё имя как автора сочинений, пользующихся известностью в Польше. Тогда Шамиль дал ему адресованное мне письмо и подарок для меня, состоявший из полного туземного одеяния с шашкой, пистолетами, патронами и конской сбруей. Всё это Терлецкий привёз мне...»¹.

На сегодняшний момент, достаточно хорошо известно, что никаких «неоднократных переговоров» с лидером мюридов российский наместник не проводил, хотя такие эпизодические контакты действительно происходили. Но в данном случае можно предположить, что Мехмет-Садык паша стал жертвой русской разведки, которую активно проводил М.С. Воронцов, используя различные методы для сбора военно-политических сведений, в том числе внедряя во враждебное окружение своих агентов². Если это действительно так, то светлейший князь добился своего. Впечатлённый подарками, М.С. Чайковский стал привлекать Терлецкого для выполнения своих конфиденциальных поручений, а полученную сбрую в свою очередь подарил в музей князей Чарторыйских.

В пользу этой версии говорит и то, что российский посланник в Константинополе упоминал о наличии своего человека среди «немирных» горцев: «Императорское российское посольство в Константинополе постоянно старалось вести наблюдение за делами и поступками черкесских эмиссаров в этой столице, чтобы парализовать преступные происки, которые они замыслили совместно с иностранными интриганами. Оно с этой целью воспользовалось услугами секретного агента, объездившего в 1836 году и завязавшего связи, дающие ему возможность собрать сведения о происках горских

¹ Там же. С. 452 – 453.

² Лазарян С.С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 90 – 101.

главарей, так же как и о тайных интригах английских и польских авантюристов, возбуждающих ненависть черкесов против русских и поощряющих их сопротивление законной власти»¹. О ком в данном случае идёт речь, сказать не представляется возможным, но сама практика внедрения информаторов сомнений не вызывает.

Через европейские революции 1848 – 1849 гг. пришла к активизации усилий польских революционеров направленных на дестабилизацию российских позиций на Кавказе. Увеличился поток контрабанды, в том числе оружия и боеприпасов, поставившихся «немирным» горцам. Венгерский кондотьер Янош Бандья писал о них: «Эти господа желают сделать из Черкесии военный склад для будущей революции в Польше...»².

Стала поступать информация о планах иностранных эмиссаров посетить местные племена и склонить их на более энергичные шаги по борьбе с русскими. В этой связи вызывают интерес распоряжения адмирала П.С. Нахимова, который 17 мая 1848 г. приказывал усилить крейсерское патрулирование Черноморского побережья, т.к. «до сведения г-на главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом дошло, что убухи приобрели в недавнее время от контрабандных турецких судов значительное количество пороха и ядер; что это заставляет предполагать, что и на других пунктах береговой линии запрещённые сношения горцев с турецкими подданными досель ещё довольно деятельны, что в настоящее время обстоятельство сие тем более важно и для нас вредно, так как вследствие известных событий на западе Европы нельзя сомневаться, что многие эмиссары иностранных государств будут стараться проникнуть не только по сухопутной границе Гурии, но и морем в Абхазию и иные места для подстрекания волнений в Закубанском крае и даже для тайного

¹ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов... С. 70.

² Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 122.

привоза оружия и огнестрельных припасов непокорным племенам, а, может быть, и с другими преступными намерениями»¹.

И такие опасения оказались небеспочвенными. Уже через месяц стало известно, что «от бухты, лежащей близ Керемпе, отправилась к берегам Абхазии лодка с двумя иностранцами, подозрительное поведение которых обратило на себя внимание агента в Синопе, и, вместе с тем, просит объявить командирам крейсирующих судов, чтобы они приняли деятельные меры к поимке означенных иностранцев (буде возможно) или к недопущению их пристать к берегу и вообще усугубили бы строгий надзор во время крейсерства для предупреждения сношения горцев с иностранными эмиссарами»².

Нельзя однозначно быть уверенными в том, что это были именно польские инсургенты, но такая вероятность весьма велика. В Константинополе по их заказу были напечатаны прокламации с призывом к горцам Кавказа и казакам объединиться и идти против русских, с обещанием скорой военной поддержки со стороны западных государств³. Поэтому необходимость оказаться в Черкесии у польских пропагандистов, безусловно, была, а в качестве эмиссаров могли выступить люди А. Чарторыйского – Пулавский и Терлецкий⁴.

Примечательно, что Николай I потребовал от турецких властей выдать ему польских и венгерских эмигрантов, т.к. их действия наносили вред российским интересам. Турки не пошли на уступки, среди прочего мотивируя это тем, что опасаются осложнений со стороны Франции и Великобритании. Об-

¹ П.С. Нахимов. Указ. соч. С. 171.

² Там же. С. 174.

³ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. С. 72.

⁴ Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831 – 1864. Warszawa, 2011. S. 109.

становка накалилась настолько, что возникла угроза вооружённого столкновения между Петербургом и Стамбулом, но затем всё разрешилось дипломатическими методами¹.

С началом Восточной (Крымской) войны интерес к полякам со стороны антиросийской коалиции возрос. Предполагалось привлечь их в состав османского корпуса и перебросить в Черкесию, чтобы поднять местные племена на борьбу с русскими². С таким предложением обращался к туркам М.С. Чайковский, но в итоге он со своими соотечественниками оказался на балканском фронте, где их использование сочли более целесообразным. Среди польских эмигрантов было немало тех, кто осуждал действия Мехмет-Садык-паши. Не без раздражения он вспоминал, что «Стамбул в то время был переполнен поляками, которые усердно занимались обсуждением разных политических вопросов, сидя в стамбульских кофейнях. Все они были против моих казаков и говорили: ради чего эти ослы дерутся?»³.

Но несмирившийся инсургент продолжал выискивать всё новые способы для отстаивания своих идеалов и среди прочего вновь обратился к северокавказской теме. Так, он предложил сформировать ещё один казачий полк и нарядить его в черкесское платье. Отдавая себе отчёт в том, что самих черкесов для его комплектования может не хватать, он предлагал набирать сюда дезертиров и болгар, видимо, рассчитывая имитировать массовую поддержку кавказскими горцами армии султана⁴. Ещё одним прожектом стала подготовка вторжения в Грузию, но распри внутри польского сообщества эмигрантов сделали и его несбыточным⁵.

¹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. С. 73, 78.

² Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1898. Октябрь. С. 173 – 174.

³ Там же. Апрель. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же. С. 233 – 234.

«ДАБЫ ОНИ ВОССТАЛИ ВМЕСТЕ С ПОЛЬСКИМ ВОССТАНИЕМ...»: ПРЕБЫВАНИЕ ПОЛЬСКИХ ИНСУРГЕНТОВ СРЕДИ «НЕМИРНЫХ» ГОРЦЕВ

Надо отметить, что среди польской эмиграции постоянно существовали и разногласия, и взаимная ревность. Даже ненависть к общему врагу не могла преодолеть их нетерпимости друг к другу. Весьма наглядна в этой ситуации реакция М.С. Чайковского на усилия других польских деятелей, своих политических конкурентов Владислава Станислава Замойского и Теофила Лапинского, организовать отряд для войны с Россией вместе с черкесами. Он так оценивал его результаты: «...Замойский, желая во что бы то ни стало помешать поступлению поляков в драгуны (этот план поддерживал сам М.С. Чайковский. – Авт.), выдумал вместе с англичанами и главным образом с лордом Редклифом (Чарльз Стрэтфорд Каннинг, 1-й виконт Стрэтфорд де Рэдклиф – британский посол в Константинополе с 1842 по 1858 г. – Авт.) снарядить экспедицию на Кавказ, послав туда несколько поляков под командою Липинского (так в тексте. – Авт.), который был произведён в полковники с званием теффик-бея¹. Организация и снаряжение этой экспедиции были поручены братьям Иордан, Владиславу и Сигизмунду, и для этого дела в Турции и Англии была собрана довольно большая сумма денег. Экспедиционный отряд высадился на берег в землю шапсугов, в Джубе, где он вёл себя самым постыдным образом; пьянство, драки, буйство, своеволие и неповиновение начальству ознаменовали пребывание поляков среди черкес, у которых они сделались посмешищем. Проведя некоторое время на Кавказе в полном бездействии, они возвратились небольшими партиями в Стамбул. <...> Замойский достиг того, что хотел, а именно, помешал мне укомплектовать драгунский полк;

¹ Это было не звание, а турецкое имя Т. Лапинского. В легионе генерала Замойского он получил чин майора – би-баши (Тренин В.В. Полковник Лапинский и его мемуары // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 41 / 42. С. 551 – 552).

если бы в него вступили все поляки, желавшие служить в войске, и приняли участие в экспедиции на Кавказ, то я мог бы собрать шесть эскадронов»¹.

Другие современники, знавшие Теофила Лапинского, оценивали его умения не столь пренебрежительно. Это был достаточно известный кондотьер, чьи моральные качества едва ли могли вызвать уважение, что не давало оснований сомневаться в его профессиональных способностях военного. В этом отношении любопытны слова Александра Ивановича Герцена в адрес этого человека: «...остановились на полковнике Лапинском как на способнейшем военном начальнике экспедиции. Он был долго на Кавказе со стороны черкесов и так хорошо знал войну в горах, что о море и говорить было нечего. Дурным выбора назвать нельзя.

Лапинский был в полном смысле кондотьер. Твёрдых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию – к австрийской армии, он сильно тянулся к Вене. Россию и всё русское он ненавидел дико, безумно, несправимо. Ремесло своё, вероятно, он знал, вёл долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе»².

Но даже А.И. Герцена, который, казалось, мог простить соратнику по революционной борьбе любые прегрешения, коробила циничность его протеже, от которого он услышал следующий рассказ о похождениях на Кавказе: « – Какой случай раз был со мной на Кавказе, – рассказывал Лапинский. – Русский майор, поселившийся с целой усадьбой своей недалеко от нас, не знаю, как и за что, захватил наших людей. Узнаю я об этом и говорю своим: «Что же это? Стыд и срам – вас, как баб, крадут! Ступайте в усадьбу и берите что попало и тащите сюда». Горцы, знаете, – им не нужно много толковать. На другой или третий день привели мне всю семью:

¹ Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1900. Июнь. С. 687 – 688.

² Герцен А. Былое и думы. Части 6 – 8. М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. С. 310 – 311.

и слуг, и жену, и детей, самого майора дома не было. Я послал повестить, что если наших детей не отпустят за такой-то выкуп, то мы сейчас доставим пленных. Разумеется – наших прислали, рассчитались – и мы отпустили московских гостей. На другой день приходит ко мне черкес. «Вот, говорит, что случилось; мы, говорит, вчера, как отпускали русских, забыли мальчика лет четырёх: он спал... так и забыли... Как же быть?» – Ах вы, собаки... не умеете ничего сделать в порядке. Где ребёнок? – «У меня; кричал, кричал, ну, я сжалился и взял его». – Видно, тебе аллах счастье послал, мешать не хочу... Дай туда знать, что они ребёнка забыли – а ты его нашёл – ну, и спрашивай выкупа. – У моего черкеса так и глаза разгорелись. Разумеется, мать, отец в тревоге – дали всё, что хотел черкес... Пресмешной случай»¹. Стоит ли удивляться, что после таких «пресмешных случаев» польским инсургентам сложно было рассчитывать на снисхождение, и царское командование целенаправленно вело на них охоту.

Столь же неприятным, хотя и не лишённым достоинств, оказался Т. Лапинский и Михаилу Александровичу Бакунину. В своём письме от 9 апреля 1863 г., адресованному А.И. Герцену и Н.П. Огарёву, он писал: «Лапинский храбрый, ловкий, смыслённый, но бессовестный, или по крайней мере широкосовестный кондотьер, патриот в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским, как военный, по ремеслу ненавидящий и презирающий всякий, даже свой собственный народ»².

Теоретик анархизма отмечал крайне конфликтный характер этого революционного предводителя, который заставил его усомниться в возможности вообще найти общий язык с польским революционным движением. Даже сам В. Замойский не удержался в письме к А. Чарторыйскому от прямого

¹ Там же. С. 311.

² Цит. по: Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огарёву с биографическим введением и объяснительными примечаниями М.П. Драгоманова. СПб., 1907. С. 229.

обвинения своего протезе в «грязном финансовом безрассудстве»¹.

Т. Лапинский оставил весьма подробные мемуары о своём пребывании на Кавказе, дающие представление о действиях польского отряда в Черкесии². Выпускник Венской военной академии имени императрицы Терезы, он начал свою службу в австрийской армии артиллеристом. Когда в Венгрии в 1849 г. началась революция, Т. Лапинский перешёл на сторону восставших и успел зарекомендовать себя в боях как весьма талантливый и храбрый офицер. После того как выступление мадьяр было подавлено, он эмигрировал в Турцию и там поступил под командование графа В. Замойского. Часть его земляков приняла ислам и перешла на службу в турецкую армию, а сам Т. Лапинский перебрался в Гамбург, где близко сошёлся с венгерским революционером Яношем Бандья. В дальнейшем им предстояло вместе оказаться на Кавказе с целью оказания помощи черкесским племенам в их борьбе против России. Я. Бандья являлся советником местного предводителя Сефер-бея Заноко, связи и авторитет которого предполагалось использовать в горской среде в ходе реализации задуманного проекта. Тогда Т. Лапинский даже не мог подумать, что его соратник окажется информатором русских и в дальнейшем ему придётся судить его.

Т. Лапинский прибыл в начале 1854 г. в Турцию и вскоре был командирован в Бухарест, чтобы занять должность начальника генерального штаба 2-го армейского корпуса под командованием генерала Ахмеда-Бюльбюль-паши. Он участвовал в сражениях на Дунае, а затем в Крыму. После подписания Парижского мира, для самого Т. Лапинского противоборство с русскими не закончилось. Он решил осуществить свой давний замысел и поднять на борьбу с империей горцев Северного Кавказа, тем более что шаги в этом направлении уже были сделаны. Теффик-бей налаживал контакты с прибывшим в Стамбул наибом Шамиля на Северо-Западном

¹ Цит. по: Widerszal L. *Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831 – 1864*. Warszawa, 2011. S. 178.

² Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч.

Кавказе Мухаммед-Амином, встретился с Я. Бандья, ставшим ренегатом Мехмед-беем. Вместе с последним они и разработали детальный план военной экспедиции в Черкесию.

Ещё одним автором этого начинания являлся австрийский барон Штейн, так же, как и Я. Бандья, принявший ислам и сделавшийся турецким генералом Фергад-пашой. Именно от Штейна военный атташе русского посольства капитан Виктор Антонович Франкини и получил информацию о готовящемся походе, и османскому правительству пришлось вмешаться, чтобы не портить отношения с российской стороной. Было задержано несколько фигурантов, но предотвратить отправление отряда на Кавказ не удалось. Сарказм этой истории заключался в том, что каждый из заговорщиков в разное время пытался наладить контакт с российскими властями. Вслед за Фергад-пашой с письмом к генералу Григорию Ивановичу Филипсону обратится Мехмед-бей, а затем и сам Теффик-бей разработает для русского командования план по подчинению черкесских племён.

Та лёгкость, с которой шли на сотрудничество с русским правительством все эти люди, видимо, объясняется нравственной атмосферой, царившей в эмигрантских кругах, осевших в Османской Порте. Сам Т. Лапинский «успел превратиться в типичного военного профессионала, которых было так много среди польских и венгерских эмигрантов, служивших в турецкой армии. <...> Условия службы в турецкой армии способствовали тому, что у эмигрантов постепенно вырабатывалась психология наёмных солдат, склонных к различным авантюристическим предприятиям. <...> Бывшие демократы и республиканцы нередко действительно становились ренегатами и утрачивали свои прежние убеждения. Карьеризм и интриги сделались обычными явлениями в этой среде»¹.

Ещё одним ключевым организатором экспедиции был директор османской почты Измаил-паша. Будучи черкесом, он с успехом занимался в Турции продажей невольниц, завозимых со его исторической родины. На предоставленные ему Т. Лапинским деньги этот коммерсант обещал снабдить отряд

¹ Тренин В.В. Указ. соч. С. 550.

необходимым оружием и боеприпасами, обеспечить инсургентов товарами для обмена и подарками местным племенам. Своим красноречием Измаил-паша сумел внушить доверие польскому предводителю. Кроме того, он познакомил его с прибывшими в Стамбул черкесскими князьями, авторитетными дворянами и старейшинами, выступавшими поручителями этого коммерсанта. В дальнейшем Теффик-бей узнал, что они являлись подставными лицами и были заранее проинструктированы пронырливым аферистом.

В своих воспоминаниях Т. Лапинский вынужден был признать собственную ошибку и, оправдываясь, констатировать, что «большинство европейцев, которые ещё не собрали сведений о Востоке, становятся жертвой своего легковерия. Восточный человек при своём кажущемся неповоротливым добродушии, при своей заученной беспомощности и наивности гораздо скорее, чем пронырливый плут, в состоянии провести за нос европейца, если бы он был даже более проницателен, чем я. Очень редко удаётся быть настороже с человеком, который не умеет читать и писать и кажется гораздо более грешен недостатком ума и образования, чем злой волей. При моём первом знакомстве с Измаил-пашой я считал его очень сердечным, хотя, к сожалению, глуповатым и необразованным человеком. Я тяжко поплатился за свою легковерность»¹.

Информация о готовящемся десанте «англо-польского легиона» стала известна российскому командованию на Кавказе, опасавшемуся, что появление здесь этих «флибустьеров» приведёт к ухудшению ситуации в крае. Сообщалось, что для них была заготовлена партия современных штуцеров, заказанных во Франции², и лёгкие полевые орудия, поставленные англичанами. Кроме того, предполагалось переправить на Кавказ ракеты, что в итоге резко повышало огневую мощь

¹ Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 270 – 271.

² Это были литихские капсульные штуцера, которыми вооружались отборные стрелки и в русской армии. На Кавказе они поступили на вооружение пашаунов, что давало им серьёзные преимущества перед неприятелем.

отряда¹. Приходилось усиливать гарнизоны крепостей, и это приносило дополнительные расходы и затягивало исполнение текущих военных планов².

Но даже не это тревожило командование. Наибольший вред ожидался политический. Появление «третьей силы» могло привести к сближению двух антагонистов и конкурентов – Сефер-бея Заноко и Магомета-Амина. Пока в их лице шла «борьба адата с шариатом»³, можно было не опасаться масштабных операций со стороны «немирных горцев», подобных тем вторжениям, которые проводил на Северо-Восточном Кавказе имам Шамиль. Отсюда и настойчивая попытка русских дипломатов повлиять на турок и предотвратить отправку польского отряда.

Опасаясь, что экспедиция вообще может сорваться, Теффик-бей поспешил договориться с капитаном английского парохода «Кенгуру» о перевозке части его отряда к кавказскому побережью и 23 февраля 1857 г. прибыл в Туапсе. Сразу же инсургенты столкнулись с нехваткой оружия и боеприпасов. Обещания получить всё необходимое на месте оказались фикцией. Вручение Сефер-беем Заноко Я. Бандья (Мехмед-бею) знамени с изображением белого меча, полумесяца и звёзд не могло повлиять на реальную боеспособность отряда и подрывало доверие к прибывшим добровольцам со стороны горцев. Кроме того, они мало разбирались в отличии поляков от русских, что также не способствовало сближению будущих союзников. Изменить ситуацию могла лишь наглядная демонстрация серьёзности намерений и возможностей Т. Лапинского и его людей.

Первое сражение состоялось на реке Адагум в апреле 1857 г. Артиллерийский огонь вызвал короткое замешательство в рядах русских солдат и казаков, не ожидавших со сто-

¹ Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 110.

² АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 713 – 715.

³ Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племён, населяющих северо-восточный берег Чёрного моря // Русский вестник. М., 1860. Т. 28. С. 549.

роны горцев такой меткой стрельбы. Но черкесы так и не воспользовались удачным моментом и не перешли в наступление. Всё закончилось перестрелкой и отступление отряда горцев. Впрочем, сражение повысило авторитет чужеземцев, и, как вспоминал сам Теффик-бей, «с этого момента отношение абазов к нам совершенно изменилось»¹.

Это позволило пополнить численный состав подразделения добровольцев перебежчиками, в основном из числа поляков. Сам Т. Лапинский старался увеличить их число, тайно передавая послание «кому-нибудь из польских уроженцев, особенно офицерского чина», которые продолжали служить в императорской армии². Возросло и число орудий, пригодных для использования. Доказавшему свою компетентность командиру передали пушки, в своё время подаренные черкесам турками, а также трофеи, захваченные у русской армии.

Продолжал действовать и канал вербовки кондотьеров на территории Оттоманской Порты³. Поляки-эмигранты старались укреплять контакты с горскими племенами, но недоверие между ними сохранялось, и на то были свои основания. В этой связи видится весьма наглядным случай, произошед-

¹ Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 312.

² Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70-е годы XIX века): Сборник архивных документов / выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 83. Текст присяги смотреть в приложении № 7. Впрочем, серьёзных результатов агитация Т. Лапинского не имела, и большинство поляков продолжало хранить верность воинской присяге (Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 116).

³ Воевать на Кавказе приглашались не только поляки, но и все желающие, обладающие необходимыми навыками. Среди них был и немец Карл Штюккер, которому было «предложено поступить на черкесскую службу для осуществления плана организации новой армии» (Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании ... С. 18). О своём контракте он оставил воспоминания, опубликованные в 1862 г. в Берлине и повествующие, среди прочего, о том, как он заключал договор с вербовчиками и затем переправлялся в Черкессию.

ший осенью 1857 г. в Трапезунде. Тогда российское консульство настояло на досмотре турецкого судна, пришедшего из Константинополя, на борту которого находились черкесы, перевозившие контрабанду. Среди пассажиров были и двое поляков, которые после допроса показали, что «почти в каждом сундуке, принадлежащим черкесам, находился порох и оружие»¹. Внушительные запасы пороха были спрятаны и под грузом соли, которую предполагалось доставить к берегам Черкесии. Однако проведённый досмотр положительного результата не дал, и «в указанных одним из поляков ящиках нашлось только незначительное количество пороха...»².

Стало очевидным, что горцы успели избавиться от компрометирующего их груза. Здесь не обошлось без помощи англичан, которые предупредили их о предстоящей проверке. Как сообщил «сухумкальский 1-й гильдии купец г. Метакса, присутствовавший при втором досмотре и понимающий по-черкесски, слышал, как главный из черкесов, Аслан-бек, пожалел, что они не покидали в море этих поляков, которые на них донесли»³.

Успехи Т. Лапинского, видимо, вызвали зависть у его соратника по борьбе. Я. Бандья решил расправиться с конкурентом руками российского командования, которое через свою агентуру было осведомлено о реальной расстановке сил в управлении польским отрядом⁴. С этой целью Я. Бандья отдал полковнику Лапинскому приказ устроить батарею в Геленджике, а сам в это время имел тайные контакты с начальником правого крыла Кавказской армии. Высадившийся царский десант чуть было не поставил точку в карьере Теффик-бея, и лишь помощь прибрежных черкесов позволила ему спастись от плена или смерти⁵.

¹ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов... С. 476.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 726.

⁵ Тренин В.В. Указ. соч. С. 554.

В ходе действия русского отряда «на берегу найдена палатка Лапинского, оставленная с такой поспешностью, что в ней была на столе горящая свеча. Между его вещами оказался патент на чин полковника, данный ему на пароходе «Кенгуру», 15 февраля того года, Магомет-беом (т.е. Я. Бандья. – Авт.), называвшим себя главнокомандующим черкесскими армиями. Найдено также много официальных и частных бумаг...»¹. Самого польского полковника Я. Бандья и Сефер-бей обвинили в трусости, но отстранить от командования не смогли².

В свою очередь, Теффик-бей усилил наблюдение за соперником-венгром. Его людям удалось захватить письмо, которое переправлял за Кубань Мехмед-бей, и он был арестован вместе со своими адъютантами. В ходе проведённого в январе 1858 г. судебного разбирательства вина Я. Бандья была доказана, и его приговорили к смертной казни³. Однако решиться

¹ Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 14.

² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. С. 293.

³ Приговор 20 января 1858 года: «Заслушав признания полковника Мехмед-бея на заседаниях 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 11 января и заслушав показания свидетелей на заседании 9 января, военный суд на своём сегодняшнем заседании объявляет Мехмед-бея, в силу его признания и показаний свидетелей, уличённым в измене стране и в тайной переписке с врагом, объявляет его лишённым чести и военного чина в этой стране и приговаривает его к смерти – единогласно. Подписали: Якуб Бекерт, рядовой; Филипп Тертельтауб, бомбардир; Матей Беднейзек, сержант; Отто Линовский, канонир; Францтек Сток, подпоручик; Антоний Крысчевич, подпоручик; Михал Марецкий, поручик; Леон Завадский, канонир; Станислав Танцковский, младший капрал; Ян Гаманиский, сержант; Александр Михицкий, старший сержант; Казимир Высоцкий, подпоручик; Юзеф Араноский, поручик; Пётр Станкевич, капитан; Теофиль Лапинский, полковник» (Цит. по: Маркс К. Любопытная страничка истории // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 495).

на такой крайний шаг Т. Лапинский не посмел, и в итоге бывшего «главнокомандующего черкесских войск» отправили с семьёй в Константинополь. Турецкое правительство должно было решить судьбу своего офицера. Оказавшись на свободе, Мехмед-бей поспешил обвинить своих гонителей в интригах и лжесвидетельствах. Он утверждал, что стал жертвой клеветы, и обещал месть со стороны черкесов за свои гонения.

Т. Лапинскому пришлось отправлять доверенного человека в Лондон, чтобы уже там сделать публичным достоянием сведения, изобличающие недавнего соратника. Материалы дали основания Карлу Марксу выступить с критикой Я. Бандья как предателя и русского агента¹. Публикуя компромат, он снабжал его собственными комментариями: «Вскоре после окончания последней войны с Россией в газетах появилось сообщение, что некий Мехмед-бей, полковник турецкой армии, он же г-н Бандья, бывший полковник венгерской армии, покинул Константинополь и с несколькими польскими добровольцами отправился в Черкесию. По прибытии туда он сразу же стал чем-то вроде начальника штаба у Сефер-паши, вождя черкесов. Те, кто знал предыдущую карьеру этого венгерского освободителя Черкесии, нисколько не сомневались в том, что он поехал в эту страну с единственной целью – продать её России. В своё время было публично и неопровержимо доказано, что этот человек был в Лондоне и Париже шпионом, состоявшим на жалованье одновременно у французской и у прусской полиции»².

Все эти дразги не могли не обострить отношения между польской и венгерской частью эмиграции, и без того раздираемой внутренними склоками³. Что касается самого Я. Бандья, то он, имея влиятельных покровителей, получил

¹ Маркс К. Предатель в Черкесии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 171 – 172.

² Маркс К. Любопытная страничка истории. С. 490.

³ Маркс К. Кошут и Луи-Наполеон // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. С. 524.

пост начальника турецкой полиции в Стамбуле и занимал его до конца жизни.

Между тем в Черкесии ситуация вокруг отряда добровольцев-инсургентов складывалась явно не в их пользу. Конкуренция между Сефер-беем Заноко и Мухаммед-Амином только усиливалась, и нужно было решать, на чьей стороне продолжать войну против русских. Первый из этих вождей выражал интересы адыгской знати и был ориентирован на Турцию, второй делал ставку на общинников-тфокотлей и являлся доверенным человеком имама Шамиля¹. Заложниками этого противостояния стали поляки, оказавшиеся втянутыми в совершенно не нужное им соперничество.

Сторонники Сефер-бея весьма ревностно следили, чтобы они не разбежались и продолжали сражаться, причём именно в рядах его отрядов. Но пресечь случаи дезертирства не удалось. Помимо тяжёлых испытаний, связанных с войной в условиях горно-лесистой местности, болезней, проблем с обмундированием и отсутствия регулярной выплаты жалования, наемники, очевидно, имели и иные сложности – разногласия на национальной почве. В конце 1857 г. в Турцию бежало шестеро кондотьеров-венгров. А в январе 1858 г. из отряда скрылось ещё 10 флибустьеров. Горцы, решив, что они перешли к русским, попытались перехватить их на кордонной линии, «но потом оказалось, что беглецы пробрались к Магомет-Амину, надеясь встретить у него лучшие условия жизни. Однако они были пойманы и преданы народному суду. Двое из них были расстреляны, а остальных горцы с бесчестием прогнали от себя на произвол судьбы, выбрив у них головы, бороды, усы и брови»².

¹ Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829 – 1864 гг.). Майкоп: ОАО «Полиграфиздат “Адыгея”», 2006. С. 99; Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: Изд-во МГТУ, 2007. С. 169 – 173; Хафизова М.Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. С. 98 – 100.

² Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 153.

Дискредитировав и удалив с Кавказа Яноша Бандья, Тефффик-бей серьёзно помешал его покровителю Сефер-бею Заноко, который, видимо, связывал с венгерским полковником далеко идущие замыслы стать владетельным князем всей Черкесии¹. Этому поступка ему не простили.

Отношения Т. Лапинского с Сефер-беом обострились². Вот, что об этом вспоминал сам Тефффик-бей: «Во время заседания народного совета князь Сефер выступил как мой открытый противник и обвинитель. Он жаловался, что я с ним совершенно не считаюсь, самовластно взимаю подати, состою в тайной связи с его смертельным врагом – наибом и, наконец, восстаю против моего повелителя-султана, так как я не признаю правителем страны его заместителя и назначенного им губернатором Сефера»³. Все претензии и обвинения поляком были отвергнуты, но, возвращаясь после народного собрания, он вместе с сопровождающими его людьми попал в засаду и был обстрелян неизвестными. Несколько человек получили ранения, хотя сам Теофил не пострадал. Прямых доказательств того, что за покушением стоял Сефер-бей Заноко, у него не было, но появились опасения, что его «выступление против Сефер-паши могло вызвать огромное волнение

¹Керашев А.Т. Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко в годы Кавказской войны // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы всесоюзной научно-практической конференции 24 – 26 октября 1990 г. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 228.

² Сефер-бей Заноко и ранее пытался избавиться от поляка, тайно сообщая о его замыслах русскому командованию (Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70-е годы XIX века) ... С. 83). Политические взгляды черкесского князя отличались невероятной гибкостью. Он неоднократно менял своих покровителей и готов был присягнуть как турецкому султану, так и российскому императору в зависимости от предлагаемых ему условий. Аналогичного подхода придерживался и его сын Карабатыр. Торговля лояльностью была частью семейного бизнеса этих незаурядных представителей местной элиты (Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 27 – 29, 32 – 34, 54 – 55, 73 – 75, 85, 89 – 90 и др.).

³ Лапинский Т. (Тефффик-бей). Указ. соч. С. 369.

в стране, и без того раздираемой партийными распрями. Оно могло, вероятно, повредить князю Сеферу, но мне и делу, которое я защищал, было бы весьма мало полезно. Я решил быть настороже и больше не упоминал об этом происшествии...»¹.

Однако предать забвению этот эпизод и не накалять ситуацию ещё больше так и не удалось. Было предпринято ещё несколько покушений, которые чуть было не стоили полковнику Лапинскому жизни. Один раз в него стреляли из толпы горцев, которая сопровождала его по пути «из Суджука на Бакан». Тогда пуля пробила бурку ехавшего рядом старшины по имени Гакар. Скоротечное расследование не позволило узнать, кто произвёл выстрел, и Теффик-бей счёл инцидент неприятной случайностью. Но когда в него выстрелил неизвестный, пробравшись в жилище поляка по дымовой трубе, и пуля пробила доски постели, на которой разместился командир инсургентов, ни о какой случайности речи уже быть не могло. Кто стоял за всеми этими акциями – русская агентура или Сефер-бей – сказать не представлялось возможным. Сам Т. Лапинский признавался: «Мне стало ясно, что со временем моего расхождения с Сефер-пашой я больше не был в безопасности»².

Не желая в дальнейшем испытывать судьбу, он попытался арестовать своего недоброжелателя и отправить под конвоем в Турцию. Однако узнавший об этом Сефер-бей окружил себя верными людьми и держался настороже, а потому замысел Т. Лапинского сорвался. В свою очередь, польский предводитель сам едва не оказался в плену у горского лидера. Обе стороны предпочли сделать вид, что не имеют друг к другу никаких претензий³. Пути Теффик-бея и Сефер-бея окончательно разошлись, и отряд инсургентов присоединился к Мухаммед-Амину.

Наиб обрадовался неожиданному союзнику, с которым он связывал весьма амбициозные планы. Т. Лапинский

¹ Там же. С. 370.

² Там же. С. 390 – 391.

³ Там же. С. 393 – 394; Тренин В.В. Указ. соч. С. 556.

постарался подогреть интерес к своей персоне, явно преувеличивая имеющиеся возможности и обещая в ближайшее время получить оружие и одежду для новых добровольцев. Находившийся на грани разгрома Мухаммед-Амин заявил: «Теффик-бей! Если ты остановишься у меня с 1000 польских солдат и с 10 – 12 орудиями, то до рамазана будущего года мы соберём абазский народ от устья Кубани до Ингура и Эльбруса и соединимся с Шамилём, а ваша сила возрастёт до 10000, а может быть, и до 20000 человек»¹.

Как показали ближайшие события, все эти надежды были пустыми. Сторонники мюридизма исчерпали свои возможности, а вместе с ними не оставалось шансов и у отряда европейских кондотьеров. Международная политическая ситуация изменилась, и спонсоров, готовых дальше помогать Т. Лапинскому, не оказалось. Между тем 25 августа 1859 г. в Гунибе капитулировал имам Шамиль. Это событие ударило по авторитету его наиба, который и без того терял сторонников среди горцев Северо-Западного Кавказа. Мухаммед-Амин, убедившись в тщетности своих усилий, решил последовать за своим духовным наставником, и в ноябре того же года он сдался русским².

Численность отряда инсургентов сокращалась. Из 122 человек под рукой у Т. Лапинского осталось лишь 93 бойца. Остальные были убиты или умерли от ран и болезней. Ещё 23 человека находились в тяжёлом состоянии и не могли участвовать в операциях. К тому же снабжение этих сил боеприпасами и обмундированием прервалось. Сторонники инсургентов в Константинополе с трудом собрали для них небольшие запасы снаряжения, но не нашли надёжного перевозчика, кто мог бы доставить ружья и амуницию в Черкесию. Они вынуждены были обратиться к людям Сефер-бея, и неудивительно, что часть этих вещей сгорела, а остальные были распроданы и вырученные средства украдены³.

¹ Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 399.

² Казем-Бек М.А. Мохаммед Амин // Русское слово. 1860. Июнь. С. 241.

³ Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 414 – 415.

Теффик-бей предпочёл не испытывать дальше свою судьбу и поспешил покинуть ставший негостеприимным Кавказ. С остатками своего отряда он отплыл в Константинополь, где попытался поменять спонсора и предложил свои услуги вчерашнему противнику¹. Им была разработана аналитическая записка, в которой предлагались меры для скорейшего и эффективного покорения черкесов. Она основывалась на весьма скрупулёзной проработке сведений, которые успел собрать Т. Лапинский, находясь на территории, неподконтрольной царской администрации.

Комбатант делился своими впечатлениями о черкесском мире. Он считал его не способным к каким-либо согласованным действиям: эта «страна не может придти к благоустройству и почему русское правительство не может полагаться на присягу черкесских посланных», – констатировал он, видимо, вспоминая собственные мытарства². Оценивая наиболее авторитетных горских предводителей, Т. Лапинский давал им весьма уничижительные характеристики: «бездарный», «лукавый», занимающийся «лихоимством, совершаемым под личиною святошества» и т.п. В выстраивании диалога с горцами можно рассчитывать только на силу, «поэтому мы полагаем, что Россия должна во чтобы то ни стало покорить земли шапсугов и убыхов, ежели она желает спокойно владеть Кавказскими провинциями. Дагестан можно смирить и тихо подвигаться вперёд. Отделённый от Европы, он своим восстанием не может быть опасен. Внешний враг не найдёт себе помощи в Дагестане. Пока не покорят, обезоружат или изгонят шапсугов и убыхов, можно оставить в покое абадзехов и усыплять их надеждами. С убыхами же и шапсугами мир ни к чему не поведёт... Поэтому мы убеждены, что необходимо приложить все усилия, дабы обезоружить эти два народа, а что ещё лучше, изгнать их из прибрежной полосы Черного моря»³.

¹ Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. С. 278.

² АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 847.

³ Там же. С. 848.

Автор призывал энергично устраивать военные экспедиции в земли черкесов и уничтожать все их жилища, которые будут встречаться на пути таких отрядов. Чтобы избавиться от беспокойного и недоговороспособного населения, «черкесам необходимо предоставить все средства выселиться во владения турецкого султана. Необходимо дать в неограниченное распоряжение командующего русскими войсками флотилию, состоящую по крайней мере из 10 паровых и парусных судов, и наблюдать за берегом морским более зорко, чем это делалось до сих пор»¹. По мнению полковника, горцы всё ещё испытывают надежду на помощь османов, и, когда убедятся в тщетности своих ожиданий, будут морально сломлены. А для этого морскую блокаду следует дополнять высадкой десанта, который должен состоять из хорошо подготовленных стрелков, в задачу которых входило бы истребление прибрежных посёлков. Учитывая, что убыхи были крайне заинтересованы в импорте хлеба, а основным источником их экспорта были рабы, поставляемые в Турцию, такие действия наносили бы сокрушительный удар по сложившемуся хозяйственному укладу. Таким образом, констатировал Теффик-бей, «прекращение сообщений с Турцией, упадок торговли, постоянное тревожное состояние береговых жителей будут сильно содействовать достижению указанной цели»².

В предисловии к своим мемуарам, посвящённым пребыванию на Кавказе, пан Лапинский поведал, что не может раскрывать все сведения о Черкесии, и выражал надежду, что «читатель, следовательно, поймет, что я не имею права злоупотреблять доверием народа, который мне, первому чужезланцу, позволил изучить свою страну»³. В записке, переданной начальнику Главного Штаба Кавказской армии состоящим при императорской миссии в Константинополке, капитану В.А. Франкини, он был не столь щепетилен. Помимо статистических данных о количестве вооружённых горцев, он указывал, где и когда целесообразно возводить укрепления

¹Там же.

²Там же. С. 849.

³Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 18.

на их территории, какими силами решать задачу по скорейшему покорению Черкесии. А окончательный вывод был по-военному прямолинейен: «С таким народом сила ведёт ко всему, строгость ко многому, а снисхождение к отрицательному результату»¹. Столь откровенное послание можно расценивать как предложение своих услуг царскому командованию. Но, видимо, ему не удалось убедить русских в своей пользе, и вскоре Теффик-бей покинул Турцию и принялся за воспоминания о своих приключениях на Кавказе.

Впоследствии он сблизился с Дэвидом Урквартом, британским политиком, который ещё в 1834 г. побывал в Черкесии и был сторонником активного использования местных племён в борьбе против России. Вместе они некоторое время планировали замысел нового вторжения на Кавказ, но дальше общих рассуждений дело не пошло. Кавказская эпопея Теофила Лапинского завершилась.

Изменилась не только сама историческая ситуация – изменился и сам бывший революционер, который, по словам Владислава Мицкевича, оказался «одним из тех авантюристов, которые вмешивались в разные предприятия эмиграции, чтобы получить, если это возможно, деньги, и вовремя исчезнуть. Было преступлением доверить столь важное командование этому подозрительному пьянице»².

Провал миссии Т. Лапинского не означал, что польская эмиграция отказалась от дальнейшего использования черкесского направления в своей борьбе. «Отель Ламбер» по-прежнему искал способы влиять на настроения тех горских предводителей, которые сохраняли желания воевать против Российской империи. С этой целью в 1861 г. в Константинополь отправился сын А. Чарторыйского – Витольд, сумевший наладить контакты с проживавшими здесь выходцами из Черкесии. После смерти Сефер-бея Заноко и капитуляции Мухамед-Амина лидеров их уровня на Северо-Западном Кавказе не оставалось, а потому поляки убеждали черкесов сплотиться вокруг Ибрагима Карабатыра – сына и наследника Сефер-бея.

¹ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 850.

² Цит. по: Тренин В.В. Указ. соч. С. 559.

На Кавказ с поручением от «Отеля Ламбер» был отправлен лейтенант Козерадский, а в Лондон была организована поездка представителей от Черкесского Меджлиса, которые сразу же оказались под плотной опекой британских и польских кураторов. Сам меджлис являлся скорее бутафорской организацией, которая была необходима Лондону для создания черкесским племенам соответствующего международного имиджа, позволявшего оказывать давление на Российскую империю. Главной же целью и Великобритании, и польской эмиграции было затягивание вооружённое противостояние в регионе на неопределённое время¹.

После вспыхнувшего в январе 1863 г. восстания в Польше идея поднять горцев Кавказа на совместную борьбу против общего врага была реанимирована, и, казалось, получила новый шанс. Уже накануне этих событий активизировались контакты с представителями черкесских обществ, находящихся в Константинополе. К представителю «Отеля Ламбер» в Турции полковнику Владиславу Иордану не раз обращались черкесы, которым он организовывал встречи с различными общественными деятелями, и во время таких разговоров «дикие черкесы в своих чекменях с позументами толковали о «попытках» и убеждались час от часу, что приходит время, когда сам падишах решается спасти правоверных от гнёта варваров Москов, что сам «френсис падишах Напливун» только о них и думает, и что «инглис кралица» не сегодня-завтра велит всем своим войскам и самому великому везирию Пальмерстону освободить Кавказ»².

Среди тех, кто предлагал свои услуги, был и бывший наиб имама Шамиля – Мухаммед-Амин. Видимо, он хотел получить второй шанс стать главным вождём у черкесов и рассчитывать на помощь зарубежных спонсоров. Он просил средства на содержание отряда в пятьсот человек сроком на три месяца и гарантировал поднять против русских весь Кавказ.

¹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. С. 214 – 215.

² Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 292.

Однако доверия к нему у полковника Иордана не было, хотя к советам этого хорошо знавшего местную специфику человека он прислушивался¹.

Решено было направить к берегам Черкесии суда с оружием и заверить горцев, что они могут рассчитывать на поддержку своей борьбы европейскими государствами. Общее руководство операцией было поручено французскому капитану Маньяну, а непосредственно отрядом легионеров руководил полковник Пржевлотский (Прежевлоцкий, Пржевольский). Перевозить контрабандные грузы поручили находящемуся в Трапезунде агенту Подайскому, действовавшему под прикрытием французского консульства.

Хотя информация о том, что «какие-то французы и поляки» собираются отправиться из Турции на Кавказ была получена российским командованием заранее, помешать их замыслу не удалось². Как вспоминал участник этой акции А. Фонвиль, «нас было пять европейцев: три поляка и два француза, под начальством полковника Пржевольского, бывшего прежде адъютантом у генерала Бема, и 30-ть черкесов, под командою Измаил-Бея, одного из значительных убыхских князей. Поручение, возложенное на нас, состояло в доставке горцам пушек и оружия»³.

Успешно уклонившись от встречи с патрульными судами, отряд Пржевлотского высадился в Черкесии в сентябре 1863 г. К этому времени местные жители, изнемогавшие от длительного противостояния с Россией, уже готовы были прекратить войну, но теперь прибытие европейских эмиссаров «совершенно изменило это решение, и мы старались их убедить защищаться с прежней твёрдостью до тех пор, пока не

¹ Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831 – 1864. Warszawa, 2011. S. 213.

² Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов... С. 494.

³ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863 – 1864 г. Из записок участника-иностранца. Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. С. 5 – 6.

придёт к ним на помощь Европа»¹. Вооружённые столкновения продолжились, и отряд полковника Пржевлочкого даже пополнился поляками, которые проживали среди горцев в качестве рабов. Один из них, по имени Фома, стал для кондотьеров ценным «сообщником, и знание им местности было нам чрезвычайно полезно»².

Но долго так продолжаться не могло, и очень скоро инсургентам стало понятно, что горцы уже не верят их обещаниям. За их головы русским командованием была назначена награда, и теперь отряд непрестанно преследовали абадзехи, в надежде поживиться ценным трофеем. Ещё недавно они столь же усердно охотились на русских, а теперь, покорившись, нашли в людях Пржевлочкого новую добычу³. Вскоре стало известно, что «русские без всякого кровопролития овладели Туапсе; страх, возбуждённый ими, произвёл всеобщую панику»⁴. Это деморализующе подействовало на людей Пржевлочкого, ожидавших, что их могут в любой день захватить и передать в руки российского командования. Они поспешили отказаться от своей дальнейшей деятельности и в марте 1864 г. покинули Кавказ.

Не помогла и агитация Подайского, безуспешно вербовавшего горцев-переселенцев в Трапезунде идти на выручку своим соплеменникам. Он добивался «удержания черкесов на Кавказе ввиду нынешних политических событий в Европе», но усилиями российских дипломатов был скомпрометирован и устранён от дальнейшей деятельности⁵. А когда восстание в самой Польше завершилось неудачей, интерес к кавказским делам окончательно сошёл на нет⁶.

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70-е годы XIX века) ... С. 261 – 262.

⁶ Скибицкая И.М. Польские авантюристы в Кавказской войне // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2004. С. 118 – 120.

Завершившееся вооружённое противостояние на Северном Кавказе и массовый исход горцев в Турцию поставили точку в планах польской эмиграции по использованию потенциала местных народов в борьбе против России. Как представляется, амбициозные надежды сплотить и возглавить многоплеменное население региона изначально были обречены на неудачу. Серьёзная межэтническая конкуренция делала горцев недоговороспособными. Взаимные претензии были зачастую существеннее, нежели недовольство российской властью, нередко выглядевшей куда как привлекательнее своих оппонентов. Поляки-инсургенты так и остались чужаками, временными попутчиками, которых старались использовать в своих целях местные лидеры и от которых предпочитали избавляться, когда потребность в них исчезала.

«ПОЛЬЗУЮЩИЙСЯ ВЕСЬМА СПРАВЕДЛИВО ОБЩИМ УВАЖЕНИЕМ»: ПОЛЯКИ НА СЛУЖБЕ РУССКОГО ЦАРЯ

Некоторые представители польского общества сами и по доброй воле избирали Кавказ местом своего пребывания, это были, прежде всего, участники т.н. «экономической эмиграции». Эти люди видели в отдаленной стране долговременное пристанище и средство исправления своего материального достояния за счет гражданской или военной службы, где у образованных поляков в местных условиях было не так много конкурентов.

Данную категорию людей привлекали льготы, которыми имперские власти стремились привлечь нужный им в крае служебный люд. Полякам, прежде всего, представителям многочисленной безземельной шляхты-голоты, большей частью уроженцам Подолии, Галиции, Волыни, Белоруссии, такие обстоятельства давали надежду сохранить свой шляхетский статус и поддерживать в некотором достатке свои семейства. После раздела Речи Посполитой этим людям приходилось искать любые способы существования и выживания. Некоторые из них даже переходили в православие, чтобы облегчить себе адаптацию в российском имперском сообществе, и переставали считаться поляками, несмотря на свои польские корни и польское мировидение. В связи с этим крайне сложно выявить фактическое число поляков, участвовавших в покорении Кавказа и способствовавших укреплению позиций России в этом крае. Трудно сказать, осознавали ли эти люди свою роль в данном процессе, но результат есть результат – они помогли России крепко стоять в колонизируемом регионе.

Гражданская служба в России не была легким занятием ни по содержанию, ни по организации её бюрократического устройства. Особое положение составляло управление Кавказом, большей частью укомплектованное чиновниками, которые в первую очередь имели единственной целью прослужить в крае только определенный срок за полученный чин коллежского асессора, а потом оставляли службу и не заботи-

лись о том, что они оставят в крае после их короткого там пребывания. Едва ли кто решался после трёх лет службы служить ещё семь лет, чтобы получать треть пенсии в качестве надбавки. Из находившихся на службе многие стали выходить в отставку, а проезд новых чиновников на Кавказскую линию и в Закавказье после 1832 г. чрезвычайно уменьшился. По этой причине присутственные места не могли работать должным образом. Барон Г.В. Розен жаловался министру юстиции Д.В. Дашкову 29 марта 1833 г., что из 90 чиновников, командированных на Кавказ в 1830 г., едва только третья часть оказалась способной для службы¹.

Кроме того, существовавшей системе управления не хватало слаженности в действиях её отдельных звеньев и долгое время не были строго определены прерогативы гражданских и военных властей². Формализм опутывал всю систему, никто не мог подать просьбу, хоть уездному начальнику, минуя участкового заседателя, и так происходило по всей существовавшей иерархии ведомств. Примеры высокого профессионализма и служебной ответственности были крайне редки.

Среди тех из поляков, кто чиновничьей службой в российской администрации старался поправить свое материальное и общественное положение, был титулярный советник Александр Янковский, который проживал в г. Ставрополе. Об этом повествуют документы, хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края³. За заслуги по службе Военный министр представил его вместе с другими служащими в марте 1849 г. к награде следующим чином коллежского асессора, но из-за отсутствия подтверждения его дворянства в награде ему было отказано.

Здесь также следует подчеркнуть, что имперские власти не препятствовали полякам в возвращении им утраченных

¹АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 49 – 50.

²Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845 – 1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 156.

³ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1103. Л. 1 – 15.

ранее прав их дворянского достоинства, если они своей службой и поведением выказывали свою лояльность России. В то же время после Ноябрьского восстания 1830 – 1831 гг. в Царстве Польском многим представителям польской безземельной шляхты приходилось доказывать своё дворянское происхождение и получать подтверждение своего статуса в Департаменте герольдии. Данная мера позволяла имперским властям исключить из дворянского сословия наиболее радикальные элементы, настроенные исключительно враждебно к России и одновременно произвести отбор тех, кто способен был к лояльности.

Пример механизма реализации данной меры можно было наблюдать по указу Правительствующего Сената от 14 апреля 1847 г. № 5344 Минскому губернскому правлению, где объявлялось, что лица бывшей польской шляхты, не представившие до 1 января 1844 г. в Дворянские депутатские собрания доказательств на дворянское своё происхождение, на основании решения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 27 марта 1847 г. обязаны были подавать о себе ревизские сказки по званию граждан или однодворцев в Казенную палату. Неисполнение данного требования до 1 января 1848 г. вело к переводу таких людей в разряд государственных крестьян с соответствующими данному сословию обязанностями¹.

Необходимые документы, подтверждавшие его дворянское происхождение, А. Янковский предоставлял ещё в 1847 г. в Кавказское Дворянское депутатское собрание, которое в свою очередь в декабре 1848 г. направило своё представление в Правительствующий Сенат. Но так как его дело о производстве в чин чиновников гражданского ведомства перешло в ведение Инспекторского департамента Гражданского ведомства, А. Янковскому было предложено обратиться со своей просьбой в данный департамент.

В силу установленной бюрократической процедуры, большого объема дел и неспешности работы Правительству-

¹ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 534. Л. 1 – 1 об.

ющий Сенат не приступал к рассмотрению запроса титулярного советника А. Янковского в течение 1849 – 1850 гг. Там ссылались на то, что из Инспекторского департамента не поступало в Департамент герольдии исполнительного рапорта по соответствующему делу.

С целью ускорения прохождения дела по соответствующим инстанциям титулярному советнику А. Янковскому было предписано непосредственно обратиться в Департамент герольдии при посредстве Кавказского Дворянского депутатского собрания¹. Ситуация, однако, изменилась мало, что вынудило А. Янковского в июне 1852 г. обратиться к Министру юстиции графу В.Н. Панину за содействием в скорейшем разрешении его просьбы.

Скоро из Министерства внутренних дел последовало требование, направленное вице-директору канцелярии Кавказского наместника о скорейшем разрешении данного вопроса. А так как выяснилось, что Правительствующий Сенат уже принял положительное решение в пользу просителя, то наместнической канцелярии предписывалось передать в Ставропольское губернское правление приказ о надлежащем исполнении решения Сената. 31 августа 1852 г. за № 6001 титулярному советнику А. Янковскому был объявлен надлежащий указ об утверждении его в дворянском достоинстве и производстве в чин коллежского асессора².

Называемая современными исследователями³ цифра 11% поляков в составе Отдельного Кавказского корпуса (ОКК) совершенно не учитывала не только тех, кто не демонстрировал своё польское происхождение, но и тех поляков, которые служили на Кавказе по гражданскому ведомству или офицерами и матросами на кораблях Черноморского флота, крейсировавших восточное побережье Черного моря, а также

¹ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1103. Л. 2.

²Там же. Л. 15.

³Нечитайлов М.В. Отдельный Кавказский корпус (1817 – 1864 гг.). URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (Дата обращения 16.04.2020).

членов офицерских семей. Особую небольшую категорию составляли поляки, которые стремились на кавказскую окраину, рассчитывая приобрести там потаённое место. По большей части это были непримиримые польские патриоты, искавшие любого повода с оружием в руках поквитаться с российскими властями. Их присутствие на Кавказе вообще не поддаётся подсчёту.

Некоторые поляки делали на Кавказе блестящие карьеры, несмотря на то, что для них Кавказ был совершенно чужим, незнакомым краем, несмотря на первоначальное незнание русского языка, условий и традиций горной войны. Таким был Альберт Артурович Иедлинский (родился в 1813 году), прослуживший в кавказских войсках с 1845 по 1876 г. Будучи выходцем из Галиции, начал службу в австрийской имперской армии, где находился до 32-летнего возраста.

В 1845 г. А.А. Иедлинский попросился на русскую службу на Кавказ. Австрийская служба была слишком пресной и скучной для его энергичной натуры. Кроме того, молва гласила, что он был побочным сыном графа Артура Яновича Потоцкого, жил на широкую ногу и довольно быстро прокутил всё наследство, полученное от графа и, чтобы поправить свое материальное положение, записался в российскую службу. Он достаточно быстро выучился русскому языку, изучил топографию тех мест Кавказа, где ему приходилось действовать с войсками, быстро приноровился к новым для него условиям. Ему благоволил князь-наместник М.С. Воронцов. Тому объяснением может служить то обстоятельство, что женами графа А.Я. Потоцкого и князя М.С. Воронцова были родные сестры Браницкие – Елизавета Ксаверьевна и Екатерина Ксаверьевна. В связи с этим А.А. Иедлинский не был совсем чужим человеком для князя-наместника. Но расположение это не давало особых привилегий, поскольку М.С. Воронцов тут же вовлек А.А. Иедлинского испытать судьбу в несчастном для русских Даргинском походе летом 1845 г., где Иедлинский был ранен, но никогда не унывал, обладал бездной юмора и всегда оживлял сложную ситуацию, снимая каким-нибудь каламбуром возникавшую напряженность, грозившую поте-

рей духа. Испытания отпрыск А. Потоцкого выдержал с честью, но потом много и шумно кутил в Тифлисе, так что князь М.С. Воронцов перевёл его в Моздокский казачий полк поручиком, где он прославился замечательным наездником и слыл даже между линейными казаками отменным джигитом.

Далее за него говорил послужной список: начинал службу в мае 1845 г. поручиком по кавалерии ОКК. Уже через три месяца за отличие в сражении с горцами был награжден орденом Св. Станислава III степени. Ещё через пять месяцев (1846 г.) производится в штаб-ротмистры; в 1847 г. – ротмистр; в 1848 г. – награждён орденом Св. Владимира IV степени; в 1849 г. производится в майоры и награждается орденом Св. Анны II степени; в 1850 г. назначается командовать Лабинским казачьим полком.

Такая быстрая карьера свидетельствовала о незаурядных способностях и храбрости А.А. Иедлинского, который сумел выдвинуться на первые роли среди кавказских героев ОКК, которых трудно было чем-либо удивить. Он быстро получил доверие от корпусного командования, которое поручило ему командовать полком после всего пять лет пребывания в войсках. В 1852 г. он подполковник и назначается командиром Моздокского казачьего полка, одновременно ему поручается командование 8-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска; в 1857 г. – награждается орденом Св. Анны II степени с короной и назначается командовать 9-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска и одновременно 6-м Сунженским казачьим полком; в 1858 г. – полковник; в 1860 г. – награждается орденом Св. Владимира III степени, бриллиантовым перстнем с вензелем ЕИВ, и ему поручается начальствование над Осетинским (Владикавказским) округом; в 1861 г. награждается золотым оружием; в 1862 г. – генерал-майор; в 1863 г. – начальник Восточного отдела; 1865 г. награжден орденом Св. Станислава I степени и исполняет должность помощника начальника Кавказской кавалерийской дивизии; в 1867 г. награжден единовременной суммой в 2 418 рублей серебром; 1869 г. – орден Св. Анны I степени и Высочайше пожаловано в вечное и потомственное владение 1 000 десятин земли в Кубанской области; в 1871 г. –

орден Св. Анны I степени с короной; в 1874 г. – орден Св. Владимира II степени¹. Службу закончил в чине генерал-лейтенанта. Скончался в 1878 г. Сорок лет прослужил Иедлинский на Кавказе, этот край стал его судьбой (похоронен во Владикавказе).

Все свои отличия и награды А.А. Иедлинский получал, состоя не при штабах, а в действующих отрядах войск. Помимо выдающейся храбрости, в войсках очень ценили его ум, сообразительность и находчивость в минуты смертельной опасности. Многие ценили в нем непритворную правдивость, гордость, достоинство и простоту в общении. Он никогда ни перед кем не заискивал.

В отличие от многих кавказских офицеров, Иедлинский жил скромно. Его приятель по ОКК князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков так описывал жилище своего товарища: «Едлинский (так у Дондукова-Корсакова) жил замечательно просто. Я помню его помещение в станицах, где часто, даже зимой, были разбиты окна в хате. Он в полушубке, всегда с папахой на голове, валялся на разломанной койке, в углу комнаты лежали кули с овсом и запас луку; стоял разломанный самовар, несколько стаканов и всегдашний запас водки и рому, составлявший всё его хозяйство. Зато лошадь и оружие Едлинского были отличные...»².

Кроме того, А.А. Иедлинский обладал неподражаемым чувством юмора, облекал свои слова и реплики «в такую остроумную форму, что лица, к которым они относились, не сразу догадывались о соли, заключавшейся в сказанной фразе»³. Шутки Иедлинского с удовольствием обсуждали в войсках и в российском кавказском обществе. Одним из са-

¹ Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. 1911. № 1. С. 203 – 205.

² Бычков В. Герой Кавказских войн, генерал-остряк Иедлинский. URL: [https:// radiosputnik.ria.ru/20190729/1556883034.html](https://radiosputnik.ria.ru/20190729/1556883034.html) (дата обращения 16.03.2021).

³ Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. 1911. № 2. С. 320; Русская старина. 1911. №3. С. 102.

мых известных «юмористических случаев», который был связан с ним, произошел в 1850 г. на Лабинской линии. А. Иедлинский устроил атаку на мнимого противника, и за это выпросил у начальства по три солдатских Георгия на каждую казачью сотню.

Этому содействовали следующие обстоятельства (свидетельство А.М. Дондукова-Корсакова): в 1850 г. цесаревич Александр Павлович, совершал путешествие по всему Кавказу и «предполагал осмотреть всю Лабинскую Линию до самого Зассовского укрепления. Едлинский, на протяжении своего кордона, с казаками вверенного ему полка конвоировал Его Императорское Высочество до первого ночлега в Темиргоевском укреплении. Жара была невыносимая и от шибкой езды под казаками пало много лошадей; кроме того, в день проезда, на кордоне Едлинского пикет с Родниковского поста из трех человек был изрублен черкесскими хищниками»¹.

Известия об этом, а также рапорт генерала Евдокимова о большом сборище неприсяженных черкесов на противоположном берегу реки Лабы, которые якобы намеревались воспользоваться густым утренним туманом, чтобы напасть на незначительный конвой Наследника престола при его следовании на другое утро, привели в смятение князя-наместника. М.С. Воронцов приказал изменить маршрут конвоя, направив его по более безопасной дороге.

Далее снова обратимся к свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, который сообщал, что после отъезда цесаревича «Едлинский немедленно собрал все войска на свой кордон с артиллерией, переправился через Лабу и начал усиленной канонадой обстреливать лес на противоположном берегу, в котором ни одного человека неприятеля не было, затем водил казаков в атаку; одним словом, исполнил блестящие маневры, после которых вернулся в станицу и устроил угощение и кутеж своему отряду. Затем он написал формальный рапорт Евдокимову о разбитии им неприятельских скопищ, причем

¹Цит. по: Бычков В. Герой Кавказских войн, генерал-остряк Иедлинский // URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20190729/1556883034.html> (дата обращения 16.03.2021).

показал потерю 3-х казаков, изрубленных на пикете, и всех лошадей, павших под казаками во время конвоирования Его Высочества. Целью Едлинского было выхлопотать казакам из войсковой казны деньги за павших лошадей, которые составляли собственность казаков, а по положению они имели право на вознаграждение только за лошадей, убитых в делах, но не павших во время гоньбы. Рапорт Едлинского подтверждал донесение Евдокимова о большом неприятельском сборе, деньги на новых лошадей были получены, розданы казакам и все успокоилось...»¹.

Подавляющее большинство тех, кто знал А.А. Иедлинского, в своих воспоминаниях говорили о нём не просто как о храбром и справедливом командире, но и как о человеке, который всегда готов был заступиться за своих подчиненных перед начальством. За это, конечно, его любили и офицеры, и простые казаки.

Вместе с тем у него было немало и завистников, и даже врагов, но все столкновения с ними всегда заканчивались в его пользу, т.к. «слишком очевидны были его боевые заслуги, слишком било всем в глаза, что при всех столкновениях правда всегда была на стороне Иедлинского»².

Несколько иной была карьера Феликса Лисовского, который оказался на Кавказе не по своей воле. В 1828 г. за участие в тайном обществе «Сарматское племя, или приверженцы отечества» Феликс Лисовский вместе с Константином Захом и Адамом Тржасковским, будучи студентами Виленского университета, были арестованы и после следствия и суда, который назначил им наказание в виде 50 ударов шпицрутенами (Лисовскому – 25 ударов), отданы в солдаты в ОКК, где поступили рядовыми в 44-й егерский полк, командиром которого был полковник А.Г. Пацковский. С ними прибыл также быв-

¹ Цит. по: Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания // URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Dondukov_Korsakov/text4.php (дата обращения: 30.10.2022)

² Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. 1911. № 1. С. 206.

ший учащийся Виленской гимназии Викентий Захватович, которого отдали в солдаты за намерение выпускать фальшивую монету и «за дерзкую готовность покуситься на жизнь ректора Виленского университета»¹. На Кавказ Викентий Захватович попал по предписанию цесаревича Константина Павловича.

Далее необходимо сказать несколько слов о командире 44-го егерского полка. Андрей Григорьевич Пацовский, поляк, сын Стародубского помещика Григория Пацовского, родился в Вильно. Начал службу на Кавказе с 1805 г. Находясь на службе и участвуя во многих войнах, приобрел статус храброго и распорядительного офицера. Служил под началом князя П.Д. Цицианова, генерала А.П. Ермолова и барона Г.В. Розена. Каждый чин брал с боя. Будучи полковником при начале командования Кавказским корпусом А.П. Ермоловым, был назначен сначала комендантом Тифлиса, а затем с 1825 г. командиром 44-го егерского полка, действовавшего в Абхазии. Это назначение служило в пользу хорошего мнения о полковнике А.Г. Пацовском, какое имел о нем генерал А.П. Ермолов, назначавший командовать полками с большим разбором. Полковник А.Г. Пацовский был направлен в Абхазию не только управлять, но устраивать эту территорию. Он построил укрепления Бомборы, Пицунду, Драны, Илори и Гагры². В 1827 г. за проявленную распорядительность и храбрость был награжден орденом Св. Станислава IV степени. В 1829 г. с двумя батальонами егерей, четырьмя орудиями и 500 человек гурийской милиции ходил к берегу Черного моря к укрепленному турецкому завалу Лиман и участвовал в разгроме турок. В августе 1830 г. за отличие в сражении получил орден Св. Георгия IV степени, а в июне 1831 г. – орден Св. Анны II степени. В 1835 г. А.Г. Пацовский был произведен в генерал-майоры и назначен командовать войсками в Абхазии, а затем был начальником Ахалцихской провинции. Его

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 395. Оп.140. Д. 77. 1834 г. Л. 1 – 1 об.

² Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Известия Кавказского отдела ИРГО. 1909 – 1910. Тифлис, 1910. Т. 20. Выпуск 2. С. 161.

служба прервалась в 1839 г. – он был исключен из состава армии за смертью. Абхазы очень любили генерала А.Г. Пацовского, а солдаты его могли безбоязненно заходить в самые отдаленные селения, оставаясь невредимыми и всюду встречали гостеприимство¹.

Вступив в службу в 44-й егерский полк, Феликс Лисовский, Константин Зах, Адам Тржасковский и Викентий Захватович попали в добрые руки полковника А.Г. Пацовского. По отзывам непосредственных начальников с самого поступления на службу в 44-й егерский полк они стали «известны похвальным поведением и отличным усердием к службе»², за что командир полка А.Г. Пацовский просил корпусного командира произвести их в унтер-офицеры. На рапорте корпусного командира военный министр граф А.И. Чернышёв начертил резолюции о согласии с данной просьбой.

Командир полка хотел немного посодействовать молодым людям, вопреки данному ему в 1831 г. предписанию, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежащим к тайным обществам»³. В Российской армии унтер-офицерам, прослужившим два года в солдатах, разрешалось жить не в казармах, а на частной квартире. Таким образом, бывшие студенты Виленского университета получали возможность использовать своё свободное от службы время с пользой для собственного развития, направив его на изучение края, обычаев и языков местных горских народов и отчасти могли освободиться от жёсткого быта казарменного существования. Ф. Лисовский, А. Тржасковский и К. Зах участвовали в войне против персов в 1828 г. и против турок в 1828 – 1829 гг., а затем их перевели в батальоны Черноморской береговой линии.

Дальнейшая судьба Феликса Лисовского прослеживается по формулярному списку, составленному в 1834 г., когда

¹Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. С. 162.

²РГВИА. Ф. 395. Оп. 140. Д. 77. 1834 г. Л. 1 – 1 об.

³Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси: Заря Востока, 1958. С. 212.

нашему герою было от роду 28 лет. Римско-католического исповедания, вступил в службу рядовым 1 июня 1828 г., а затем, после расформирования 44-го егерского полка, был переведён в Черноморский линейный батальон №6, кроме которого проходил также службу в таковых батальонах № 4, № 5, № 8, № 9. Неоднократно принимал участие в военных операциях и походах против турок в составе отряда генерал-майора К.Ф. Гессе, участвовал в осаде и взятии крепости Поти. Был в войсках, занявших Гурию и в перестрелке с неприятельскими партиями горцев на территории крепости Св. Николая. За проявленные усердие и храбрость был награждён серебряной медалью.

Летом 1830 г. под командой того же генерал-майора К.Ф. Гессе был в десанте против абхазцев при высадке в Гагрской бухте. Летом и осенью 1834 г. находился в составе войск, продвигавшихся от Кутаиси через Мегрелию для прокладки сухопутного сообщения в Абхазию и возведения укреплений в Илоре и Дранде. Его товарищи, в частности, А. Тржасковский и К. Зах долгое время служили вместе с Ф. Лисовским. В том же 1834 г. Ф. Лисовскому и К. Заху поручалось провести рекогносцировку Гагринского ущелья. В дальнейшем служба и личные способности каждого из них разбросали их по разным воинским подразделениям.

Из отношения корпусного командира Г.В. Розена к дежурному генералу Главного штаба от 24 января 1835 г. стало известно, что унтер-офицера Феликса Лисовского, назначенного к переводу в Тенгинский пехотный полк, по ходатайству командира Абхазским отрядом полковника А.Г. Пацовского, решено было оставить в составе Черноморского линейного батальона № 6 для выполнения инженерных работ при устройстве укреплений и зданий для нижних чинов «по уважению тому, что за неимением в Абхазии инженерного офицера, делают ему по способностям его разные поручения»¹.

Бомбары были выстроены и имели вид большого параллелограмма с бастионом. Внутренняя часть была разбита на шесть правильных кварталов и застроена небольшими чи-

¹РГВИА. Ф. 395. Оп. 140. Д. 77. 1834 г. Л. 10.

сто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами. По мнению А.Н. Дьячкова-Тарасова, «политическое и стратегическое положение Бомбор давало возможность наблюдать за страной»¹ и полностью контролировать ситуацию. Недостатком крепости было то, что она была выстроена на глинистом грунте, и солдаты гарнизона сильно страдали малярийной лихорадкой. Кроме того, были выстроены редуты на берегу моря для склада провианта, на речке Хипсте – для охраны полковых лошадей, пасшихся там; на речке Мцыше – для защиты водяной мельницы.

С 1 по 30 мая 1836 г. по решению корпусного командира барона Г.В. Розена, уже хорошо знавшего Ф. Лисовского по его незаурядным способностям в инженерном деле и познаниях в топографии, он был направлен в командировку для рекогносцировки берегов Черного моря. В составе отряда штабс-капитана Назимова унтер-офицер Ф. Лисовский осматривал местность от Гагр к мысу Адлер. Во время этого исследования участвовал в перестрелках с горцами и штурмовал завалы, и был контужен пулей в правый висок. «За отличие против горцев» 3 августа 1836 г. Ф. Лисовский был произведён в прапорщики².

В декабре 1836 г. прапорщик Ф. Лисовский во время обозрения тропинок, пролежавших по высотам Гагрского хребта, под прикрытием команды из 224 человек нижних чинов, находившихся под командою капитана Подгурского (поляка), был атакован горцами. Толпа горцев набросилась на арьергард и боковоекрытие отряда, но была остановлена ружейным огнем, а потом рассеяна. При этом капитан Подгурский заметил, что значительное число неприятелей скопилось на направлении, по которому отряд начинал восхождение в горы, готовясь устроить отряду засаду. Поэтому по окончании исследований Ф. Лисовского капитан Подгурский повел отряд по иному направлению. Горцы, заметив это,

¹Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. С. 162.

²Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М.: Наука – Вост. лит., 2019. С. 14.

бросились за отрядом, но настигли его только тогда, когда он миновал наиболее опасные места. Горцы стали сбрасывать на солдат с окрестных вершин камни. От камнепада был убит один солдат, а прапорщик Ф. Лисовский получил ранение¹. В феврале-апреле 1837 г. Ф. Лисовский снова направился в командировку для осмотра горских окрестностей и ведения топографической съемки, которая завершилась также перестрелкой с горцами.

В мае 1837 г. Ф. Лисовский был в отряде барона Г.В. Розена при покорении Цебельды, которую штурмовал в составе восьмитысячного отряда. Для управления этой территорией «соответственно обычаям и понятиям жителей» прапорщик Черноморского линейного батальона № 5 Феликс Лисовский был назначен приставом. Выбор корпусного командира не был случайным, поскольку во время продолжительной службы в Абхазии Феликс Лисовский познакомился с характером и обычаями местных народов и мог даже объясняться с цебельдинцами на их языке. Кроме того, он овладел и грузинским языком. Уже это само по себе было редкостью в войсках. Кавказское военное начальство всегда испытывало большие затруднения с подбором нужных офицеров, владеющих туземными наречиями, которым можно было бы поручить начальствование над горскими народами.

От приставов требовались не только добротные профессиональные знания, но, прежде всего, особые нравственные качества представителя империи, воплощавшего собой справедливость, честность и доброжелательное участие в судьбах туземных народов, которых часто многим назначенцам не хватало, что в конечном счете способствовало неудаче их миссии. Важность именно нравственной стороны в деятельности приставов определялась также тем, что «место пристава не доставляло в то время никаких выгод в служебном отношении, вызывая между тем большие расходы на лазутчи-

¹РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6323. Л. 12 – 20 об.

ков и вооруженную стражу, тогда как не все пристава получали жалование, и ничем не вознаграждая постоянных забот, опасностей и лишений»¹.

После своего назначения приставом у цебельдинцев прапорщик Ф. Лисовский 16 мая 1837 г. направил докладную записку командиру ОКК барону Г.В. Розену с просьбой о необходимых ему средствах для управления Цебельдой и изучения края². Он просил корпусного командира, дабы можно было «с большим умением действовать в Цебельде соответственно видам правительства», назначить ему средства не только для приличного содержания, которое соответствовало бы достоинству русского чиновника, но и для сближения с цебельдинцами быть в состоянии не отказывать им в некоторых подарках.

Имея там приятелей, можно обозреть край, узнать о преднамерениях жителей и действовать посредством этих приверженных людей на других цебельдинцев. А, поскольку, там господствовал исламизм, было бы полезным, если правительство одного из местных священнослужителей, пользующихся лучшим уважением у цебельдинцев, приласкав какими-нибудь подарками, сделать орудием действий пристава.

Для пользы дела, надо чтобы находились при приставе, по крайней мере, 6 человек цебельдинцев, которые со своими выгодами служили с пользой и усердием, составляя приставу стражу и были проводниками при перевозке бумаг. Ф. Лисовский также просил для этих людей купить новое горское платье. Кроме того, самому приставу требовалась покупка 3-х лошадей для разъездов, черкесское платье, вооружение и конская сбруя. Эта просьба была вызвана тем, что из-за недавнего производства в офицеры Ф. Лисовский не имел каких-либо личных средств.

Для ведения делопроизводства пристав просил назначить к нему писаря с канцелярскими припасами, а для произ-

¹Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. X. С. 271.

²РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 178. Л. 47 – 47 об.

водства топографической съемки просил отражательную бус-соль и чертежные принадлежности. Также просил прислать все имеющиеся сведения о Цебельде и карту Цебельды с обозначенными окрестными племенами, составленную полковником Генерального штаба Нордестамом. Наконец пристав просил прислать к нему дворянина Бзыбского округа Коташ Лакобу в качестве переводчика с абхазского языка.

Корпусной командир напутствовал прапорщика на его новом поприще, дав задание «ознакомиться сколь возможно более с страной, поручаемою в управление ваше, с характером, обычаями и понятиями жителей. Собрать по возможности точные сведения о народонаселении, о степени повиновения и обязанности подвластных своим владельцам, а равно о их взаимных между собою отношениях, и всему, что таким образом узнаете, составьте подробную записку и представьте оную ко мне по команде.

2. Князьям, духовенству и другим почетным людям внушайте верноподданнические обязанности их к великому нашему государю императору, объясняйте им в приличных случаях величие и могущество нашего монарха, и что государь наш от них и от других горских народов, кроме верности его императорскому величеству, миролюбивой жизни, оставления хищничества и разбоев и повиновения установленному над ними начальству, ничего более не требует, и что на тех из горцев, кои отличаются своею преданностью, щедро изливает высочайшие милости. Старайтесь внушать цебельдинцам необходимость более сближаться с русскими и для собственной их пользы обучаться нашему языку.

3. Особенную заботливость вы должны употребить на то, чтобы не допускать раздоров и несогласия между князьями и вообще между людьми почетными. Ссоры между сими необузданными людьми неизбежно повлекут за собою беспорядки и беспокойства не только во всей Цебельде, но даже могут иметь влияние на соседственных к оной народов, для сего вам должно употреблять все усилия прекратить несогласия при самом начале оных; если собственные ваши убеждения будут для сего недостаточны, то приглашайте к посредничеству между ссорящимися людьми, коих обе стороны уважают.

Вообще случающиеся между жителями недовольствия разбирайте по сущей справедливости, применяясь в разборе сем сколь возможно более к общим нашим постановлениям о третейских или медиаторских судах, приглашая для того в особенных случаях князей и духовных особ, в особенности если лица, имеющие между собою споры и претензии, будут почетные; в делах же неважных между простолюдинами можете сами делать разбирательства или, если признаете нужным, приглашать стариков, известных своею добросовестностью. Дабы, по возможности, избегнуть разбора мелочных претензий и тем не оскорбить князей удалением их от разбора между подвластными их, жалобы и претензии, случающиеся между людьми, принадлежащими одному и тому же князю, представляйте разбирать самим князьям. Впрочем, ознакомьтесь ближе с обычаями и понятиями цебельдинцев, вы сами увидите, в какие дела вам нужно входить и какие должно представить собственному их разбору, но, во всяком случае, вы должны стараться поддерживать власть владельцев над их подвластными и приучать сих последних к полному повиновению первым, которых, однако ж имеете удерживать от всякого самоуправства и разорения своих подвластных. В делах же по смертоубийству, грабежу, разбою и предательству имеете, собрав нужные сведения, виновных заарестовать и испрашивать о них начальнического распоряжения, но если вы найдете необходимым, то отсылать заарестованных для содержания в Сухум-кале и в то же время доносить командующему войсками в Абхазии. В случае жалобы цебельдинцев на абхазцев и на подвластных владельцу Мингрелии вы должны доносить командующему войсками в Абхазии подполковнику Челяеву, у коего вы состоите в полном подчинении. По жалобам же, которые будут доходить к вам прямо от мингрельцев и абхазов, делайте розыск и разбор, и если обе стороны будут довольны, то проводите решения ваши в исполнение, в противном же случае обо всем доносите по начальству. Всем оконченным вами или при помощи старшин спорам и прочим делам по проступкам иметь вам журнал, который может служить для справок. Между тем обязываетесь заняться собранием по-

дробных сведений обо всем, что касается до порядка разбира- тельств дел, по обычаям, в Цебельде наблюдаемым, и в осо- бенности о шарияте. Сведения сии представьте мне по началь- ству для составления положительных правил суда.

4. Цебельдинцы до сего времени занимались хищниче- ством и разбоями, покупали и захватывали в плен русских, аб- хазцев и мингрельцев, вели ими торг и содержали их в неволе, давали пристанище беглым и преступникам, преследуемым нашим правительством, по изъявлении же покорности они вы- дали мне часть русских пленных и, как выше объяснено, по- клялись впредь ни пленных, ни беглых у себя не содержать, а представлять к начальству и не участвовать в хищничествах. Наблюдение за исполнением сего составляет одну из главных обязанностей ваших. Узнав местные обстоятельства, вы, при вашей заботливости, найдете средства, коими можно будет по- будить цебельдинцев к исполнению этой обязанности.

5. Если вы узнаете, что где-либо учинено будет цебель- динцам и хищничество, и сами не найдете средства захватить преступника или признаете неудобным употребить эту меру, то требуйте доставления к вам виновного от того владельца, коему он принадлежит, объяснив ему, в случае надобности для убеждения, что об усердии его вы доведете до моего сведения и что в случае неисполнения сего он подвергнется замечанию начальства как неблагонамеренный человек и тому подобное.

6. От пленных, мне выданных, отобрано сведение, что у цебельдинцев кроме их есть и ещё русские пленные. Вам должно будет узнать, у кого именно они находятся, и стараться их благовидным образом выручить и отослать в Сухум- кале, за исключением, однако ж, стариков, имеющих семей- ства, о которых вы должны доносить по команде с объясне- нием, где они находились до плена, когда попались в плен, как велики у них семейства и приметы каждого.

7. Из числа представленных мне пленных я дозволил 16 семейным старикам, прожившим долгое время в неволе и обзаведшимся хозяйством, остаться на жительство в Це- бельде, в чем и даны им от меня свидетельства, в коих объяс- нены обязанности и права сих людей. Копию одного из тако-

вых свидетельств, прилагая при сем, поставляю вам в обязанность наблюдать, чтобы права, предоставленные сим людям, отныне не были нарушены прежними их хозяевами или другим кем-либо из цебельдинцев, чтобы те из сих людей, кои исповедуют греко-российскую христианскую веру, хотя изредка отправлялись в Сухум-кале для слушания Божественной литургии и непременно один раз в год говели; те же, кои исповедуют римско-католическую веру, должны будут для исполнения обязанностей христианских отправляться в Сухум-кале, когда приезжает туда католический священник. Людей сих вы можете употреблять по вашей обязанности и требовать от них, чтобы непременно объявляли вам о всяких беспорядках и злонамерениях жителей, растолковав им, что в случае неисполнения ваших требований они будут высланы из Цебельды и подвергнутся строгому наказанию.

8. Дабы иметь сведения о происходящем у соседственных к Цебельде покорных нам народов, с коими цебельдинцы имеют связи, и возможность наблюдать за взаимными их сношениями, а чрез то показать цебельдинцам, что за поступками их вы наблюдаете нетолько в их земле, но и у соседних жителей, сноситесь с карачаевским приставом хорунжим Атаршиковым и с сванетскими владельцами майором князем Михаилом (Циохом) и майором князем Татарханом Дадешкилианами, также имейте неослабное наблюдение за связями цебельдинцев в Самурзаканском округе, где до сего времени они имели связи с неблагонамеренными людьми и делали вместе с ними частые хищничества на правом берегу Ингура.

9. Старайтесь собрать мало-помалу сколь возможно подробные и полные сведения о Цебельде в топографическом и статистическом отношениях. Просимые вами на этот предмет инструменты и чертежные припасы будут к вам по приказанию моему высланы из Тифлиса. Под благовидным предлогом осмотрите с особенным тщанием часть Главного Кавказского хребта, заключающуюся в пределах Цебельды, обращая при сем особенное внимание на места, чрез которые цебельдинцы переходят на Северную покатость Кавказа, дабы удостовериться, может ли с Кавказской линии чрез Цебельду устроено быть удобное постоянное сообщение с берегом Черного моря.

О последствиях такового обозрения донесите мне с представлением карты и подробного описания всех мест, где вы найдете возможным разработать дорогу.

10. Цебельдинцам, равно и русским, оставленным в Цебельде, кои по своим наблюдениям пожелают отправиться в Абхазию и Мингрелию или на Кавказскую линию, не более как на два лица вы можете выдавать от себя билеты, если же кому нужно будет отлучиться в другие Закавказские провинции или в объясненные места, но более нежели на два лица, испрашивайте билеты от командующего войсками в Абхазии подполковника Чиляева или для получения таковых отправляйте к нему их самих.

11. Цебельдинский пристав во всем подчиняется командующему войсками в Абхазии, коему вы должны доносить обо всех действиях ваших и о происходящем в Цебельде.

12. В помощники вам назначаю зауряд-хорунжего Яковлева, известного мне своей расторопностью. Он, как горец, зная хорошо здешние обычаи и некоторые языки горских народов, будет вам весьма полезным помощником, также оставляю в ведении вашем шесть казаков, которые будут служить как для охранения вашего, так и для разных по должности вашей посылок. Кроме того, разрешаю вам нанять переводчика абхазского языка, шесть человек есаулов из жителей. В есаулы избирайте таких людей, которые заслуживали бы доверия, посредством их вы можете узнавать, где что происходит, проводить в исполнение распоряжения и требования начальства, употреблять для доставления к вам провинившихся в чем-либо жителей и в других подобных случаях. Местопробывание ваше на первый случай назначаю в ауле Джосхана. Есаулы могут находиться при вас или для надзора за происходящим между жителями там, где вы сами назначите.

13. На содержание вам сверх получаемого жалованья по чину назначаю в год 180 рублей серебром. На угощение горцев, поощрение их усерднейшему исполнению поручений начальства, а равно и на необходимых вам лазутчиков по 150 рублей серебром в год, кроме того, на необходимые для вас азиатское платье, устройство помещения для жительства вашего с помощником и казаками и первое ваше обзаведение

назначаю единовременно 200 руб. серебром. Помощнику вашему зауряд-хорунжему Яковлеву сверх жалованья и всего довольствия от казны назначаю в год содержание 120 рублей серебром, ему же на заведение азиатской одежды и на первое его обзаведение хозяйством 75 руб. серебром. Шести казакам кроме получаемого ими жалованья, фуражных и ремонтных денег назначаю прибавочного содержания каждому в месяц по 3 руб. серебром и, сверх того, на заведение азиатской одежды каждому по 12 руб. серебром, на наем переводчика и содержание его назначаю в месяц по 14 руб. серебром, на наем и содержание 6-ти есаулов из жителей каждому в месяц по 4 руб. серебром. Верно: старший адъютант Генерального штаба штабс-капитан (подпись)»¹.

Должность приставов среди горских народов, помимо всего прочего, требовала немалой выдержки, дипломатических качеств и храбрости. 3 июня 1839 г. прапорщик Ф. Лисовский был произведён в подпоручики за отличия по службе. Ему удалось погасить ссору между двумя партиями местной княжеской фамилии Маршания. В рапорте корпусного командира А.Е. Головина военному министру графу А.И. Чернышёву было отмечено, что «пристав благоразумными мерами, с приверженными нам князьями Цебельдинскими, прекратил междоусобие и остановил кровопролитие»².

В 1840 г. произошел инцидент, который едва не привел к гибели цебельдинского пристава. Достигнутое было согласие между князьями Маршания снова разрушилось действиями одного из них – князя Шабата, который превратил семейную ссору в возмущение против правительства. Князь Шабат, склонив на свою сторону всю Нагорную Цебельду (Дал) и Псху, напал на своих братьев. Другая партия из 60 человек напала на жилище пристава, подпоручика Ф. Лисовского, ко-

¹РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 19. Л. 4 – 10. Копия; Ф. 14719. Оп. 3. Д. 178. Л. 57 – 61 об. Копия; Ф. 846. Оп. 16. Д. 6331. Л. 70 – 71 об. Копия. Материалы взяты из книги: Западный Кавказ в первой половине XIX века ... С. 34 – 38.

²АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 490.

торый вместе с шестью донскими казаками и пятью поселенцами мужественно защищался от нападавших. Во время этого боя подпоручик Ф. Лисовский был ранен пулей в голову и двумя шашечными ударами в щеку и подбородок. Мужественные защитники были спасены подошедшей подмогой, оказанной приставу лояльными к русским цебельдинскими князьями. Израненного пристава Ф. Лисовского доставили в Сухум для перевязки ран, после чего подпоручик снова отправился в Цебельду с отрядом. Он сообщил, что в Цебельде голод и мятежники не смогут долго содержать людей, которые могли бы прийти им на выручку. Кроме того, такая помощь невозможна была из-за полноводности реки Бзыбь, которая отрезала на время Абхазию от других частей Кавказа.

По прибытии в Цебельду отряда подполковника В.М. Козловского, милиции князя Михаила Шервашидзе и цебельдинских князей, верных российским властям, мятежники были рассеяны. Пристав Ф. Лисовский вступил в переговоры с князем Шабатом в селении Джиша, куда Шабат прибыл по вызову пристава. От князя Шабата взяли аманатов и поручителей в его безусловной покорности. Девять почтеннейших представителей Дала принесли присягу на Коране в покорности правительству. Под присмотром двух рот Мингрельского полка во главе с подполковником В.М. Козловским и командой донских казаков жители Дала в Марамбе восстановили и отстроили заново разрушенный дом пристава таким образом, чтобы дом был способен к обороне, возвратили всё похищенное и разграбленное¹.

После выказанной незаурядной выдержки, храбрости и стойкости подпоручик Ф. Лисовский 10 октября 1840 г. был произведен в поручики. В декабре 1840 г. поручик Ф. Лисовский помог отряду генерала-майора Н.Н. Муравьева благополучно совершить переход от крепости Сухум-кале в Цебельду, предоставив самые верные топографические сведения. За проявленное усердие Ф. Лисовский был отмечен производством

¹РГВИА. Ф. 846. Д. 6417. Л. 7 – 17; АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 492.

в штабс-капитаны. В 1841 г. он командовал отрядом цебельдинской милиции.

Приставство его длилось с 1837 по 1841 г. Ф. Лисовский приобрел в Цебельде расположение и уважение многих главных лиц среди местных жителей. Эти связи для него были вернее всяких проводников и ручательств¹. Побывал во всех ущельях и населенных пунктах Сванетии и составил глазомерную карту. В 1842 г. По приказу Военного министра графа А.И. Чернышёва совершил двукратный переход через Главный Кавказский хребет – из Абхазии на Лабинскую линию. Штабс-капитан Ф. Лисовский сделал описание путей сообщения по южному склону Большого Кавказского хребта, что давало возможность открыть удобное сообщение через Кавказский хребет из Цебельды в Карачай и Теберду и соединить Сухум с Пятигорском и Ставрополем.

Исследование станового хребта было связано с большими опасностями, которые преследовали Ф. Лисовского и его спутников на каждом шагу. Они подвергались риску смерти или тяжёлой неволи среди непокорных племен. Сама природа беспрестанно угрожала им смертью: крутые скалы, быстрые потоки на всём пути, вьюга и жестокий мороз в снежных сугробах Главного хребта, наконец, голод, вставали на их пути. Ф. Лисовский заболел, обморозил обе ноги и левую руку, получил сильный ревматизм в плече и в боку².

Добравшись до ближайшего госпиталя, который находился в укреплении Махошевском, штабс-капитан Ф. Лисовский получил посильную медицинскую помощь, но одновременно оказался под сильным подозрением у местного военного начальства, которое ограничило его свободу до выяснения всех обстоятельств его миссии. Проблема возникла из-за того, что, отправляясь в горы, Ф. Лисовский забыл соответствующие сопроводительные документы в исходном

¹ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 297. Л. 13 – 15.

²Рапорт генерал-майора А.И. Будберга командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту А.И. Нейдгарту // РГВИА. Ф. 14179. Оп. 2. Д. 910. Л. 1 – 1 об.

пункте своего движения. Будучи сопровождаем группой горцев, он не мог не вызвать подозрений у военных властей.

Для разъяснения ситуации Ф. Лисовский обратился с рапортом к командующему Черноморской береговой линии генералу-майору И.Р. Анрепу, в котором просил снести с начальником Правого фланга Кавказской линии генерал-майором С.Д. Безобразовым для подтверждения, что он действительно состоит на службе в Черноморском линейном батальоне № 9, что исправляет должность старшего адъютанта в Штабе управления начальника Черноморской береговой линии и действительно отправлен в командировку по воле Военного министра. Кроме того, штабс-капитан Лисовский просил, чтобы генерал-майор Безобразов распорядился выдать ему подорожную и денег на прогоны при возвратном пути до Тамани¹.

Генерал-майор С.Д. Безобразов по получении рапорта от начальника Черноморской береговой линии приказал выдать Ф. Лисовскому испрашиваемые им документы и 20 червонцев через командира линейного батальона № 4². По представлению командования результатов своего исследования штабс-капитан Ф. Лисовский удостоился благодарности, а после ознакомления с ними в Петербурге император Николай I на листе № 41 сделал помету: «Весьма важный во всех отношениях любопытный труд». Рядом была приписана помета Военного министра: «Его Величество изволил читать 18 мая. Высочайше повелено штабс-капитана Лисовского произвестись за отличия в капитаны»³. Производство состоялось 21 мая 1843 г.

Из-за большого напряжения сил и многочисленных ран Ф. Лисовский вынужден был выйти в отставку майором. В 1851 г. он ушел из жизни 45-ти лет от роду. Однако пока остается не выясненным, когда именно состоялась отставка, где он жил после отставки и где похоронен. Кроме чинов, Ф. Лисовский был отмечен командованием двумя орденами:

¹ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 297. Л. 35 – 37.

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1150. Л. 1 – 2.

³РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429. Л. 41 – 41 об.

Св. Станислава III степени в 1842 г. и Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

Адам Тржасковский десять лет прослужил в Абхазии рядом с Феликсом Лисовским в нижних чинах в убийственном климате. В 1838 г. был произведен в прапорщики. Как отмечал Г.И. Филипсон, оба эти поляка были хорошо образованы, жили дружно, как братья. Несчастье солдатчины только закалило их характер¹.

Как человек образованный и с исследовательскими наклонностями (изучил грузинский язык, быт и жизнь жителей Гурии) Адам Тржасковский обратил на себя внимание начальников и был назначен заведовать канцелярией управляющего Абхазией, Мегрелией и Гурией генерала Я.М. Эспехо. Некоторое время А. Тржасковский состоял офицером для особых поручений при абхазском владетеле князе Михаиле Шервашидзе². В 1840-х гг., когда Абхазия вошла в состав Черноморской береговой линии, начальник Штаба линии генерал Г.И. Филипсон взял А. Тржасковского в свой штаб старшим адъютантом. В этой должности, по словам начальства, Адам Тржасковский работал толково и усердно. Адъютанты руководили канцеляриями, то есть заведовали делопроизводством в штабе или управлении. Адъютанты, состоящие лично при генерале, командующем какой-нибудь частью войск или заведующем какой-либо частью военного управления Русской армии, должны были всюду следовать за своим генералом и выполнять его поручения, а также заниматься ведением корреспонденции, приёмом и передачей указаний и распоряжений, развозить письменные и словесные приказы военачальника, в походе и бою находиться при военачальнике безотлучно и оставлять его только для исполнения его поручений³.

¹Филипсон Г.И. Воспоминания 1837 – 1847 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: ООО Издательство журнала «Звезда», 2000. С. 161.

²РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 217. 1843 г. Л. 10.

³Полковой адъютант в 1711 – 1918 гг. // <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#.Xs55pDAzAM8> (дата обращения 16.03.2021).

Перед началом всякой экспедиции в горы генерал Г.И. Филипсон посылал А. Тржасковского на пароходе по всем укреплениям собирать всех разжалованных, желающих участвовать в военных действиях. Таковых обычно набиралось до 200 человек. Многие из них были поляками. В шутку эту команду называли иностранным легионом. А. Тржасковский часто был их командиром. Этот легион лез в огонь и воду, чтобы отличиться и выбиться из своего положения. Многим это удавалось¹.

В 1843 г. Адам Тржасковский – капитан. Будучи офицером-исследователем, выступал со статьями о сословном устройстве в Гурии в газете «Кавказ»². В 1850-е гг. выходит в отставку в чине майора и служит управляющим имениями жены генерала Н.Н. Раевского³.

Константин Зах прошел путь от рядового до прапорщика сапёров. Служба его большей частью проходила в Дагестане. Он, как и его товарищи по Виленскому университету, много интересовался языками и традиционным бытом местного населения, владел персидским и тюркским языками. В 1846 г. он погиб под обвалом во время ремонта дороги вместе со своими подчинёнными⁴.

Российские власти совершенно не препятствовали служебной карьере и не обходили наградами поляков, находившихся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, независимо от оснований их пребывания на Кавказе. Определённая первоначальная настороженность по отношению к ним исчезала сразу же после их участия в делах против горцев. По большей части поляки всегда выказывали отменную храбрость и распорядительность, хорошую воинскую выучку, что неизменно находило отражение в приказах по корпусу и в объявлениях, печатавшихся на страницах газеты «Кавказ» – официального органа кавказской администрации, находившейся в Тифлисе.

¹Филипсон Г.И. Указ. Соч. С. 161.

² О сословиях Гурии (из записок капитана Тржасковского) // Кавказ. 1847. № 40. 4 октября. С. 156 – 157.

³Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. С. 36.

⁴Там же.

В нескольких номерах этого печатного издания за 1846 г. была помещена информация о наградах, произведённых Российским императором по представлению кавказского наместника князя М.С. Воронцова за участие в делах против горцев в 1845 г. В списках можно встретить немало польских фамилий. Так, орденом Св. Анны III степени с бантом был награжден штабс-капитан Прагского пехотного полка Скоповский, того же полка подпоручик Пашковский; орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» были награждены подпоручики Шимановский, Гаевский, Осмоловский; орденом Св. Анны II степени награжден майор Мингрельского егерского полка Лисовский¹.

Кроме того, поляки стремительно продвигались по службе. Из подполковников в полковники в 1846 г. был произведен командир Горной № 3 батареи 14 артиллерийской бригады Годлевский; командир подвижного Запасного артиллерийского парка капитан Кончевский производился в подполковники; юнкер Юркевич – в прапорщики; егерского Литовского полка поручики Лехницкий и Островский – в штабс-капитаны, подпоручик Хельмицкий – в поручики, прапорщики Малявский и Стефанович – в подпоручики; егерского Люблинского полка штабс-капитан Ковальковский – в капитаны, юнкера Томашевич, Ковальский и Кучевский – в прапорщики; полка имени генерал-адъютанта князя А.И. Чернышёва прапорщик Навроцкий – в подпоручики, поручик Гостиминский – в штабс-капитаны, юнкер Броденский и унтер-офицер Липский – в прапорщики; полка имени генерала-адъютанта М.С. Воронцова прапорщик Бардичевский – в подпоручики, унтер-офицеры Кучковский и Лашевский – в прапорщики; инженерного корпуса 5-го саперного батальона подпоручик Корватовский – в поручики; объявлено Высочайшее императорское благоволение подпоручику Прагского пехотного полка Подревскому за отличие в делах против горцев².

¹Высочайшие указы // Кавказ. 1846. 12 января. № 2. С. 5.

²Высочайшие приказы // Кавказ. 26 января 1846. № 4. С. 13.

За отличие по службе унтер-офицер Кавказского линейного батальона № 1 произведены в прапорщики из юнкеров Миткевич, Костюшко-Волжужевич; из портупей-юнкеров в прапорщики Вилькашевский. Переводились в полки и батальоны: из Кавказского линейного батальона № 2 в Грузинский батальон № 3 прапорщик Сезеневский, из Кавказского линейного батальона № 16 в Апшеронский пехотный полк майор Вержбицкий.

Не оставлялись на произвол судьбы заслуженные воины. После увольнения от службы по невозможности её продолжения из-за ранений их повышали в звании и назначали соответствующий пенсион. Так, например, уволенный из пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка поручик Жельский получил отставку с производством в штабс-капитаны с правом ношения мундира и пенсионом полного жалования¹. Кроме того, присутствие на Кавказе выходцев из Царства Польского можно было выявить из скорбных списков умерших, исключённых из состава полков за 1846 г.: из Тифлисского егерского полка прапорщик Плачковский и плац-адъютант Эриванской крепости капитан Клопотовский.

Вышеприведенная информация является лишь небольшим примером военной службы поляков на Кавказе. Чтобы представить полный перечень участия поляков в деле покорения Кавказа, пришлось бы цитировать все номера газеты «Кавказ», выходившие за весь период существования этого издания (1846 – 1917 гг.). Вообще среди поляков на Кавказе было много отличных офицеров и солдат. «Они были заметнее других, потому что их положение придавало им особую оригинальность»².

Своеобразной получилась служба на Кавказе Владислава Багриновского, происходившего из дворян Волынской губернии, привлечённого к суду по делу Шимона Конарского.

¹ Высочайшие приказы. По военному ведомству // Кавказ. 1846. 16 февраля. № 7. С. 26.

² Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 161.

В 1838 – 1839 гг. в Царстве Польском по этому делу было арестовано 215 человек и 72 человека в Вильно, среди которых был В. Багриновский, учившийся в Виленской медико-хирургической академии. Вместе с ним были осуждены и отправлены в солдаты 20 студентов и его соученики Франц Савич и Франц Вояковский. В феврале 1839 г. В. Багриновский направляется рядовым в линейный № 5 батальон Черноморской береговой линии, а Ф. Савич – рядовым в 13-й Грузинский линейный батальон. В 1841 г. Ф. Савич попадает на лечение в Кизлярский военный госпиталь, откуда после выписки бесследно исчезает. 22 апреля 1841 г. на берегу Терека было обнаружено его платье и записка, в которой сообщалось, что Ф. Савич готов свести счеты с жизнью, бросившись в бурные воды Терека. Тела его не нашли и решили, что он бежал к непокорным горцам, что было тогда достаточно заурядным явлением. В действительности Ф. Савич бежал на Украину и поселился под вымышленным именем близ Бердичева, где умер от холеры в 1845 или 1846 г.¹

Владислав Багриновский плохо переносил местный климат, с его губительными лихорадками, и часто болел. Подал рапорт об освобождении от воинской службы по состоянию здоровья с переводом в коллежские регистраторы, но вместо этого был назначен лекарем в Сухум-кале, где быстро прославился за всегдашнюю готовность помогать больным людям. Скоро он приобрел большую опытность и результативность в лечении местных болезней, что весьма способствовало его известности и доверии к нему среди местных жителей. Владислава Багриновского приглашали даже в горы к непокорным племенам для оказания медицинской помощи. Военное командование тому не препятствовало².

Кроме медицинского поприща, у В. Багриновского была страсть к ботанике и садоводству. Он усердно занимался возделыванием своего небольшого сада, который в 1840 г. был

¹Дзидзария Г.А. Труды. Сухум: АбиГИ, 2015. Т. II. С. 226; Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. С. 67.

²Селезнев М.С. Руководство к познанию Кавказа в 1847 – 1850 гг. М.: Тип. Морского Кадетского Корпуса, 1847. Кн. II. С. 178.

взят в военное ведомство и преобразован в Военно-ботанический сад, на базе которого впоследствии развился Сухумский ботанический сад, существующий до настоящего времени. Целью сада стало «служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»¹. Первоначальная площадь составляла 0,5 десятины. В 1841 г. Было добавлено ещё 3 десятины². Для ухода за садом В. Багриновскому ежедневно выделяли по 10 солдат.

Также благодаря доктору-садовнику ботанические сады были открыты в Бомборе, Пицунде и Гаграх. Покровительствовал В. Багриновскому в его ботанических упражнениях командующий Черноморской береговой линией генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, который заметил его ещё в укреплении Вельяминовском.

Где-то рядом с В. Багриновским служил с отличием его товарищ Франц Вояковский, которому удалось выбиться из солдатской шинели. В 1843 г. Владислава Багриновского производят в унтер-офицеры, а Франца Вояковского (Войковского) за проявленную в делах против горцев храбрость – в прапорщики. В этом же году Ф. Вояковский «за отличие против горцев произведён в подпоручики». 21 апреля 1848 г. «за отличия, оказанные в делах и перестрелках 1847 года, бывших на Черноморской береговой линии, награждён орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»³.

В 1853 г. он уже поручик и начальник укрепления Гостогаевского. Начальники и сослуживцы знают его как человека развитого и распорядительного по службе. Он интересовался бытом горцев (черкесов), заводил с ними через переводчиков разговоры во время сотовок (торговля, обмен с горами Кавказа), даже приобрел среди них кунаков, которых нередко угощал водкой с закуской. Как отмечал А.Н. Дьячков-Тарасов, «ласковое обращение воинского начальника расположило

¹ Свешников В. Из письма о Сухуме // Кавказ. 1853. 23 декабря. № 95. С. 411.

² Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 51.

³ Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии ... С. 22 – 31.

к нему горцев, а кунаки нередко предостерегали Вояковского о замыслах своей молодежи против гарнизона и его скудного стада коров»¹. Это позволило ему принять превентивные меры, провести подготовительные работы перед нападением большой партии натухайцев и шапсугов на укрепление Гостогоаевское, произошедшего на рассвете 26 июля 1853 г.

Гарнизон укрепления из-за стратегических упущений генерала-майора И.Л. Дебу и полковника Миронова был до смешного мал. Укрепление Гостогоаевское имело слабый гарнизон, состоявший из гренадерской роты Черноморского линейного № 1 батальона около 300 человек с одним орудием. Начальник скрытно поставил гарнизон под ружьё. Оружие было роздано всем, кто мог с ним управляться, в том числе, провиантской команде и некоторым лазаретным служителям.

Для подноса патронов и зарядов поручик Ф. Вояковский обратился с просьбой к семьям солдат. Женщины и дети изъявили полное понимание и готовность помогать гарнизону. Патроны и заряды были доставлены к батареям. На рассвете укрепление подверглось атаке горцев, которые волна за волной накатывались на него с визгом и гиканьем для устрашения защитников. На батареях стало не хватать воды. Вездесущий поручик Вояковский, перебежавший с места на место с резервом в 30 человек, являлся всегда на помощь тем, кому особенно было трудно. Он снова обратился к солдатским женам, и они поднесли воду на батарею, где время от времени вспыхивали рукопашные схватки с горцами, взбиравшимися на стены укрепления.

Понеся большой урон, нападавшие переменяли образ своих действий. Они рассредоточились вокруг укрепления в удобных местах и стали обстреливать его ружейным огнем. Поручик Ф. Вояковский приказал усилить огонь батарей, зная, что горцы не смогут долго выдержать такого огня, и одновременно надеясь, что орудийный грохот подаст знак в станицу

¹Дьячков-Тарасов А.Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточную войною – в 1853 году (Военно-исторический очерк) // Кубанский сборник. 1904. Т. 10. С. 317.

Витязевскую и в Анапу, из которых придет помощь. Во второй половине дня 26 июля 1853 г. к Гостогаевскому подошли две сотни казаков, а к вечеру две роты солдат. Потери гарнизона составили 47 человек. Во рвах укрепления было найдено 78 трупов горцев, а вокруг него по кустам ещё более 200. Подошедшие роты стали рыть большие ямы для погребения убитых горцев. Начальник гарнизона и многие офицеры и солдаты были награждены командованием: офицеры – очередными званиями и орденами. Поручик Ф. Вояковский – штабс-капитан и орден Св. Георгия IV степени, «нижним чинам строевым и нестроевым по 3 рубля серебром и на раздачу отличившимся 6 знаков отличия военного ордена; женам и детям по 1 руб., а жене поручика Булича золотую медаль за усердие и пенсион по жизнь, по жалованью мужа»¹.

А. Боголюбов, опираясь на В. Шликовску, сообщает, что в 1858 г. Ф. Вояковский получил высочайшее позволение выйти в отставку и вернуться на родину². Однако, судя по фактам дальнейшей биографии, он не воспользовался монаршей милостью. После окончания военных действий на Северном Кавказе управление краем всё больше становилось гражданским, но с военным уклоном, и поэтому оно называлось военно-народным управлением.

Энергичность и распорядительность Ф. Вояковского нашли свое применение на новом поприще. С 1866 по 1869 г. он полковник, начальник Кумыкского округа Терской области. Начальника округа обычно назначал начальник Терского областного управления из числа офицеров Кавказской военной администрации. Начальнику округа принадлежала вся полнота власти на территории: военная, административно-полицейская, хозяйственная. В военное время он формировал воинские подразделения из местных жителей, организовывал поставку лошадей в кавалерийские части, реквизировал у

¹Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856. СПб.: «Полигон», 2002 Т. 2. С. 201; Дьячков-Тарасов А.Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточною войною – в 1853 году. С. 320.

² Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. С. 68.

населения скот и продукты для нужд войск. В мирное время – следил за состоянием боевой готовности воинских подразделений, дислоцированных на территории округа, руководил работой всех подразделений административной системы округа. Кроме того, он контролировал исполнение обязанностей помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин, членов окружного и сельских судов. Под надзором окружного управления находилось школьное образование и культурно-просветительская деятельность.

Исполняя свои служебные обязанности по претворению в жизнь требований Петербурга, связанных с распространением в Терской области крестьянской реформы, полковник Ф.П. Вояковский потребовал от горских владельцев освободить ясырей (рабов) и представить ему свои соображения на каких началах и когда можно будет это осуществить¹.

Будучи начальником Кумыкского округа Терской области, Ф.П. Вояковский вынужден был участвовать в решении судьбы князя Хасая Уцмиева из деревни Бота-юрт, генерал-майора русской службы, пожелавшего эмигрировать в Турцию.

Не имея полномочий, достаточных для самостоятельного разрешения такого рода задач, он обратился с докладной запиской во Владикавказ к начальнику и командующему войсками Терской области, генерал-адъютанту М.Т. Лорис-Меликову, в которой сообщал, что «с распространением слуха о намерении князя Хасая переселиться в Турцию начали носиться толки, что он уезжает, желая избавиться от преследований начальства, частью, полагаю, имеющих основание, о чём уведомил меня в разговоре князь Хасай. ... Я полагал бы, как уже и лично имел честь доложить Вашему Превосходительству, что генерал-майор Уцмиев должен остаться в Кумыкском округе и объявить гласно для народа, что он раздумал

¹Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 105. Оп. 1. Д. 44 а. Л. 3.

переселиться в Турцию. ... я пытался добиться намеченного, но это мне не удалось»¹.

Генерал-майор Хасай Уцмиев объяснил свою позицию тем, что «для кавказского населения с общим умиротворением Края наступил новый период ... период слияния местного элемента с элементом владычествующим. По образованию и влиянию своему я мог бы при этом занять, как полагают, принадлежащую мне важную роль, ставши между таковыми двумя элементами и содействуя вышеозначенной цели. Но правила и убеждения мои, а они есть часть натуры моей, которую можно уничтожить, но не изменить, не допускают меня вступить в эту роль»².

По указанию главного кавказского начальства Ф.П. Вояковский отправил генерала Уцмиева во Владикавказ, откуда того этапировали в крепость Грозную, а затем в Ставрополь, где Уцмиеву было объявлено царское повеление об увольнении его со службы и отправке в ссылку в Воронеж. После непродолжительного пребывания в Воронеже князь Хасай выстрелил себе в голову из пистолета и от полученного ранения умер 29 апреля 1867 г.

С 1869 по 1871 г. Ф.П. Вояковский – начальник Кабардинского округа. В 1871 г. – генерал-майор. На родину не вернулся. Умер во Владикавказе в 1887 г.

В списке генералов из поляков, служивших на Кавказе, также значится Вакульский Петр Павлович, происходивший из дворян Литвы. Воспитывался во 2-м Кадетском корпусе, из которого выпущен прапорщиком в гренадерский полк. В 1811 г. – поручик и адъютант у маркиза Паулуччи. В 1813 г. переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1830 г. – генерал-майор. В 1831 г. назначается командиром 3-й бригады 22 пехотной дивизии, расквартированной в Грузии. На службе находился по декабрь 1834 г. 7 февраля 1836 г. Вакульскому

¹ Алиев К. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX в.). Краткий военно-исторический справочник. Махачкала, 2010 // URL: <http://kumukia.ru/?id=683> (дата обращения 16.03.2021).

²Там же.

(с потомством) был пожалован диплом на дворянское достоинство. Дата смерти неизвестна.

Витковский Франц Викентьевич, выходец из дворян Виленской губернии, службу начал в 1800 г. юнкером в 5-м артиллерийском батальоне. В 1805 г. – подпоручик, принимал участие в войне против французов в 1806 – 1807 гг.; воевал против турок на Дунае и в Болгарии в 1809 – 1811 гг. В 1812 – 1815 гг. воевал против Наполеона. За отличие в Битве народов под Лейпцигом в 1813 г. – штабс-капитан, в 1818 г. – капитан, в 1824 г. – подполковник, в 1829 г. – полковник. В 1832 г. награждён орденом Св. Георгия IV степени. В 1837 г. на Кавказе – комендант Геленджикской крепости. Принимал участие в походах против горцев. В 1839 г. служил в составе ОКК офицером для особых поручений. В 1841 г. – Александропольский комендант. В 1846 г. – генерал-майор. Скончался в 1858 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Волковском кладбище.

Гржегоржевский Викентий Антонович из дворян Виленской губернии. В 1808 г. выпущен из Смоленского кадетского корпуса прапорщиком в Томский пехотный полк. В 1812 г. – поручик. В 1816 г. – капитан Апшеронского пехотного полка и старший адъютант в 19-й пехотной дивизии. В 1828 г. – полковник. В 1834 г. награждён орденом Св. Георгия IV степени. В 1836 г. – генерал-майор. В 1837 г. – командующий 2-й бригады 20-й пехотной дивизии. В 1839 г. В.А. Гржегоржевский – управляющий Ахалцихской провинцией. С 1840 г. в отставке.

Оранский Альберт Стефанович происходил из дворян г. Вележа Витебской губернии. Начал службу в 1802 г. унтер-офицером Екатеринославского гренадерского полка. В 1805 г. – прапорщик. В 1812 г. – майор, в 1813 г. – подполковник. В 1815 г. – командир Тенгинского пехотного полка. В 1817 г. – полковник. В 1826 г. – генерал-майор. В 1827 г. уволен со службы из-за ранения. В 1829 г. снова принят на службу. В 1830 г. – комендант крепости Владикавказ. В 1833 г. Награждается орденом Св. Станислава I степени. В 1834 г. – начальник Ахалцихской провинции. С 1837 г. в отставке.

Ведомость
 Сколько назначено было с 1832 по 1846 год
 поляков разного звания и рекрут из поляков
 по конскрипции Царства Польского¹

В 1832 году	Военнополненных поляков	Добровольно поступивших в нашу службу	Бывшей польской армии	По конскриптам Царства Польского
1833 ---/-- -				
1834 ---/-- -				
1835 ---/-- -				
1836 ---/-- -	1017	669	5386	„
1837 ---/-- -	„	„	3896	„
1838 ---/-- -	„	„	801	„
1839 ---/-- -	„	„	„	2350
1840 ---/-- -	„	„	„	1000
1841 ---/-- -	„	„	„	1000
1842 ---/-- -	„	„	„	1100
1843 ---/-- -	„	„	„	2000
1844 ---/-- -	„	„	„	1030
1845 ---/-- -	„	„	„	1161
1846 ---/-- -	„	„	„	1068
1847 ---/-- -	„	„	„	939
1848 ---/-- -	„	„	„	732
1849 ---/-- -	„	„	„	1050
1850 ---/-- -	„	„	„	1000
1844 ---/-- -				
1846 ---/-- -	1017	669	10083	14430
1846 ---/-- -				
Всего	26199			

¹Российский государственный исторический архив (далее – РГИА).
 Ф. 932. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

Поляки также призывались на службу в российскую армию на основании конскрипции, т.е. всеобщей воинской повинности, действовавшей с 1815 г. Такой порядок в империи распространялся только на них, что, возможно, объяснялось желанием нейтрализовать вызывающую настороженность часть общества, а заодно и попытаться добиться её ресоциализации, привив лояльность царскому режиму. Одним из мест службы стал Кавказ, где ощущалась нехватка личного состава, а сама военная атмосфера, по мнению властей, способствовала воспитательному воздействию. Безусловно, существовали опасения, что поляки могут перейти на сторону «немирных» горцев, но с этим мирились как с неизбежным злом. Точная статистика не всегда доступна, но по отдельным периодам она документально зафиксирована, что даёт возможность получить представление о масштабах этой практики.

Учитывая, что численность русских войск в крае к 1845 г. составляла примерно 230,9 тыс. человек¹, поляков было около 11%, и большая часть из них, как видно из таблицы (см. пред. страницу), являлись либо бывшими военнопленными, либо лицами, проходившими по конскрипционным спискам.

Бывшие военнослужащие польской армии, оказавшись в плену, разбивались на партии и под конвоем отправлялись к новому месту службы. Сохранились свидетельства, как был организован этот процесс, и мы можем получить представление об отношении властей к таким людям. Обращает на себя внимание тот факт, что они обеспечивались необходимыми вещами и обувью. В арматурных списках упоминаются шинели, рубахи, сапоги, подмётки, холщовые подштанники, которые приобретались казной для нуждающихся². Всё это имела группа, которая в апреле 1831 г. двигалась «за строем

¹ Нечитайлов М.В. Указ. соч.

² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 10 – 10 об., Л. 31 – 31 об.

караулом из крепости Бобруйской до г. Чернигова, для дальнейшего их оттоль отправления посредством же внутренней стражи до г. Ставрополя»¹.

К каждой группе был приставлен провожатый, который снабжался инструкцией, регламентирующей его права и обязанности при выполнении этой задачи. Так, в пункте «О следовании по маршруту и требовании подвод», в частности, указывалось: «Следовать тебе с партией приложенному при сем маршруту, отнюдь не сворачивая в сторону на другие селения, а для ночлегов военнопленных и при них конвойных нижних чинов требовать в селениях и городах от гражданского и сельского начальства удобные и крепкие помещения и под больных, в пути могущих случиться, так же и других их тягостей, по одной одноконной обывательской подводе, по приложенному при сем открытому листу...»².

Проблема транспорта была насущной, т.к. в документах нередко встречаются упоминания о тех, кто заболел в дороге и нуждался в медицинской помощи. В частности, в июле 1831 г. в Ставропольский военный госпиталь был определён рядовой Юзеф Филипович, в то время как его товарищи по команде были отправлены к месту назначенной службы. Обращает на себя внимание тот факт, что эту группу доверили вести поручику Войтеховичу, который, судя по фамилии, тоже был этническим поляком³.

Суммы средств, выделенных на питание, не впечатляли, но и говорить, что конвоируемых специально обрекали на муки голода, не приходится. Снабжение армейских частей также оставляло желать лучшего, т.к. от государства они получали в мирное время только муку и крупу⁴. Но если солдаты

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 11.

² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 22.

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 16 – 16 об. В 24 партии военнопленных упоминается некий рядовой Барановский, так же оказавшийся в госпитале «для излечения болезни» (Л. 185). Такие случаи были единичными, но требовали от начальства соответствующих распоряжений.

⁴ Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801 – 1855. М.: ООО Издательство АСТ, 1996. С. 208.

могли разнообразить своё меню за счёт артельных сумм, пленные, естественно, этого были лишены. Потому переход к месту службы был непростым испытанием для таких людей. В пункте «О выдаче кормовых и прогонных денег» по этому поводу говорилось следующее: «Кормовые деньги выдавать военнопленным для покупки пищи каждому человеку в сутки на 15 копеек¹. Предписывалось также «во всяком городе, записывая расход оных в шнуровую книгу о кормовых деньгах, и расходную статью свидетельствовать начальнику инвалидной команды и тому чиновнику со стороны гражданской, который препровождать будет партию, прогонные же деньги платить во всяком месте, где будут братья подводы, и также записывать в особую для сего книгу с распискою под расходными статьями получателей денег и с засвидетельствованием гражданского чиновника имеющего препровождать партию»². Таким образом, все расходы тщательно фиксировались, причём за этим наблюдали чиновники разных ведомств. Это должно было затруднять возможность сговора с целью наживы и гарантировало расход средств по назначению – для нужд ссыльных.

Чтобы получить представление о рационе, который можно было обеспечить военнослужащему на выделенные деньги, следовало знать цены, установившиеся на местных рынках. Сбором такой информации занимались государственные чиновники, которые отвечали за сопровождение конвоируемых партий. В частности, начальник Бобруйской инвалидной команды майор Попов в справке о закупочных ценах в июне 1831 г. сообщал, что «ржаной муки четверть без куля и мешка в пятнадцати рублях пятидесяти копейках 15 р. 50 ко. Гречаной крупы мерою восемь четвериков в семнадцать рублях 17-ть»³. Таким образом, на 15 копеек можно было приобрести в сутки на человека около 2 кг гречки, или 2,3 кг ржаной муки.

¹ Ср.: содержание аманата из числа северокавказских горцев обходилось казне в 80 коп. в сутки (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 728. Л. 63).

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 22 – 22 об.

³РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 116.

Особый интерес вызывает существовавшее предписание «О соблюдении в партии тишины и спокойствия, недопущении пленных к беспорядкам и неделанию им обид». Оно устанавливало, что конвоируемым полякам обеспечивалась защита со стороны государства и, в свою очередь, они обязаны были соблюдать его предписания: «Во время следования с партией стараться всемерно о соблюдении в партии тишины и спокойствия, военнопленных не допускать ни до само малейших беспорядков и не позволять им просить милостыни. Напротиву чего и военнопленным, как со стороны своей, равно и всего конвоя отнюдь никаких обид не чинить, так же и жителям под неминувую в противном случае ответственностию по законам»¹. Слова о милостыне весьма красноречивы и показательны. Очевидно, были прецеденты, когда во время этапирования конвоируемым «горемычным» пытались подавать милостыню или они сами обращались с такими просьбами к местным жителям, а поскольку в России издавна существовала народная традиция жалеть арестантов, власти опасались контактов местного населения с поляками и стремились их не допустить.

Абсолютного доверия к военнопленным у властей, естественно, быть не могло. Они находились под неусыпным надзором со стороны конвойной команды, которая получила самые широкие полномочия, вплоть до применения при необходимости оружия. Пункты № 5, № 6 и № 7 как раз и были посвящены таким случаям: «Для препровождения военнопленных требовать от селения до селения два конные верховые провожатые к удобнейшему преследованию и поимке на случай побега военнопленных. Как у себя, равно и у всех конвойных нижних чинов во время препровождения пленных должны быть ружья заряженными. Кто из числа пленных во время препровождения решится бежать и оного конвойная команда не в состоянии будет догнать по каким-либо причинам, в таком случае по такому беглецу стрелять, дабы не допустить его к укрывательству»². По пути следования партия должна

¹РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 22 об.

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 22 об. – 23.

была останавливаться на отдых в заранее согласованных местах. Все они были «показаны по маршруту», и отклоняться от них строжайше запрещалось¹.

Далеко не всегда группы доходили до места назначения без происшествий. Имели место факты смерти военнопленных. В этом случае местное руководство подготавливало соответствующее свидетельство, необходимое для отчёта перед вышестоящим начальством. Например, 3 июля 1831 г. оно было выдано «донскому казаку Ивану Толчанинову в том, что при провозждении партии из военнопленных поляков один из них Кубим Пётр погребён в селении Кавказской области Средне Егорлыцком»². Это подтверждение подготовил для него священник Московского пехотного полка, который, видимо, занимался вопросами погребения.

Причина смерти не указывалась. Если бы имел место случай побега и насильственной смерти такого человека от рук конвойных, местные власти должны были сообщить подробности. Скорее всего, это могло быть связано с болезнью, а возможно, и с возрастом усопшего. В списках поляков, распределённых в различные части на Кавказе, можно было встретить лиц весьма преклонных лет, какими были, например, взятые в плен под городом Вильно Антон Бразовкин или захваченный под Варшавой Николай Набрешней, оба 68 лет от роду³. Естественно, что таким людям выдержать тяготы долгого перехода было непросто.

Но основной контингент военнопленных был много моложе, и случаи смерти или болезни были скорее исключением, чем серьёзной проблемой. Так, в списке нижних чинов линейного Кавказского № 3 батальона из числа пленных (всего 66 человек) поляков, зачисленных на службу, указывается следующий возраст: 18 лет / числится 1 человек; 19/3; 20/6; 21/2; 22/1; 23/9; 24/2; 26/7; 27/4; 29/1; 30/3; 31 / 2; 32/3; 33/1; 34/1; 35/5; 36/3; 37/3; 39/3; 40/3; 47/1; 50/1; 52/1⁴. Как

¹РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 23.

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462. Л. 3.

³РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 464. Л. 321 об., 385.

⁴Там же. Л. 285 – 290.

видно, больше половины оказавшихся на службе были молодыми мужчинами до 30 лет. Всего в этот батальон на начало 1832 г. было зачислено 102 человека¹. Другие команды шли на пополнение батальонов № 1, № 2, № 4, № 5, № 6².

Среди военнопленных власти старались находить людей, которые владели каким-либо ремеслом. Каждый командир батальона должен был опрашивать их и в случае выявления сообщать по команде³. Они сразу выделялись из числа сослуживцев и отправлялись в Грузию, где их использовали по специальности. Остальные этапиремые рекруты оставались в частях, расквартированных на Северном Кавказе. Например, так распорядились поступить с Яном Горусом (в другой ведомости Горубом), объявившим себя кузнецом, и Антонием Грушевским (Бручиевским), заявившим о том, что он слесарь. Их товарищи по партии были определены в линейный Кавказский № 4 батальон, а они отправились дальше на юг⁴. В другой партии для отправки в Грузию были выделены часовой мастер Геберат Фуза и столяр Ян Радецкий⁵.

Край испытывал огромную нужду в мастеровых, и отправлять таких людей под пули горцев считали нецелесообразным. Честно служившие поляки были на хорошем счету у начальства, и их былые «прегрешения» перед властью не становились препятствием в карьере. Особенно ценились, как уже показано выше, люди, обладавшие знаниями и умениями в какой-либо сфере деятельности. Их всегда выделяли из числа прочих выходцев из Царства Польского, для привлечения к работе по специальности.

¹Там же. Л. 372 – 378 об.

²Там же. Л. 294 – 295, 297 – 297 об., 300 – 300 об., 303 – 304 об., 306 – 307 об., 310 – 311, 314 – 318, 319 – 321 об., 323 – 324 об., 326 – 327, 330 – 331 об., 333 – 333 об., 335 – 335 об., 337 – 340 об., 343 – 350 об, 352 – 352 об., 354 – 354 об., 356 – 357, 360 – 361 об., 385 – 388 об. и др.

³ Там же. Л.215.

⁴ Там же. Л.229-229 об.

⁵ Там же. Л.171.

Так, из краткой пояснительной записки о поляках, служивших в отдельном Кавказском корпусе (ОКК), стало известно о неких Владиславе Витковском (Апшеронский полк), который «держал экзамен на инженера путей сообщения в Царстве Польском и был известен начальству глубокими своими познаниями в математике», Юлиане Сужицком (Самурский полк), который «занимался работами как инженер путей сообщения, имел свой участок и считался отлично способным по инженерной части», Казимире Лапчинском (Дагестанский полк), который «держал тоже экзамен на инженера путей сообщения в Царстве Польском»¹.

В случае невозможности продолжать службу, поляки, дослужившиеся до офицерского звания, как и другие офицеры императорской армии, могли рассчитывать на отставку, или, при желании, получить место по гражданскому ведомству. Такое продолжение карьеры, видимо, предполагалось для отставного поручика Сатров-Заблоцкого. Сообщалось, что он «с отличными способностями и непоколебимой честности, хороший писатель на польском языке, но владеет хорошо и русским языком. Здоровье его весьма расстроено. Годный брат его служит в сапёрах и находится уже другой год при генерале Бюрно»². Сам бывший поручик ожидал решения по своему делу в Тифлисе.

Служивший в Кабардинском полку прапорщик Заленский, «из очень древней фамилии», оказался на Кавказе в результате контактов с одним из польских революционеров. Первоначально, будучи в нижних чинах, он был «произведён за отличие в офицеры, но лета его и здоровье не позволяют продолжать военной службы. Подавал в отставку, но уже год как не получает никакого ответа на свои прошения. Честность его и знание законов были так известны, что он обыкновенно бывал медиатором в важных спорах и тяжбах между помещиками. Находится в Пятигорском госпитале»³.

¹РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

²Там же. Л. 5.

³Там же. Л. 5 об.

Его сослуживец, прапорщик Геневиц, «бывший австрийский подданный из Галиции, ныне совершенный сирота. Принял присягу на подданство. Известный честностью, с очень хорошими способностями и очень сведующий по бумагам. Здоровье не позволяет продолжать военной службы, и просит штатского места. Находится в Пятигорске»¹.

По соседству, в станице Ессентукской, ждал своей участи Черноморского линейного батальона младший прапорщик Корстковский, для которого «скромное покойное место отвечало бы самым лучшим образом его честности и слабому здоровью»².

Болезнь глаз заставила подать в отставку артиллерии прапорщика Струхницкого, определённого на излечение в Тифлис. Это был «помещик Подольской губернии с порядочным состоянием. Поступил на службу из Киевского университета рядовым за прикосновение только к некоторым лицам, принадлежащим к тайному обществу. Отличных способностей, хорошо образованный и известный писатель на польском языке, но мастерски владеет русским языком». Он, по словам характеризующего его лица, был человеком «строжайших правил и пользующийся весьма справедливо общим уважением»³ (все эти сведения относятся к августу 1846 г.).

Переводились поляки служить на Кавказ и из других регионов империи. К сожалению, обстоятельства такого перехода в документах не обозначены, а потому мы не можем говорить о добровольности или принуждению к этому шагу. Южный фронт открывал неплохие карьерные перспективы, и не исключается вполне осознанное стремление попасть туда для продолжения службы. Ко всему прочему был шанс за военные заслуги получить отставку и уехать домой⁴.

¹Там же.

²Там же. Л. 6.

³Там же. Л. 6 – 6 об.

⁴Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Поляки в Кавказской войне: PRO-ETCONTRA // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Парабеллум, 2009. С. 150.

В 1838 г. сообщалось об отбытии на Кавказ служившего в Прибалтике унтер-офицера Станислава Улятовского, который ранее находился в Рижском внутреннем гарнизонном батальоне, а теперь должен был прибыть в Ставрополь для дальнейшего распределения в одну из частей Отдельного Кавказского корпуса. Решено было отправить его в Тенгинский пехотный полк, где уже несли службу его земляки. Этот полк «считался самым исправным из кавказских полков», и даже легендарный А.П. Ермолов, «разгневавшись на одного из своих сыновей, ...просил определить» того служить «рядовым в Тенгинский пехотный»¹.

По пути к новому месту службы Улятовский заболел и был отправлен «для излечения в Ахтырскую градскую больницу»². По излечению он благополучно прибыл в часть. В переписке по этому вопросу обращает на себя внимание ошибка в написании имени этого унтер-офицера. В ряде документов он проходит как Франц, что не соответствовало действительности, т.к. это было его отчество. Такого рода ошибки в официальной переписке не редкость. Непривычно звучащие имена и фамилии поляков зачастую искажались писарями, что доставляет дополнительные трудности в изучении биографий этих людей.

Если мотивы перевода Улятовского так и остались не раскрытыми, то причина появления на Кавказе рекрута Яна Дзыбеля пояснялась в приказе, где говорилось, что он был таким образом наказан «за укрывательство». Этот выходец из Краковской губернии явно был на плохом счету у начальства, а потому «сентябрь 12 дня 1837 года отправлен с Варшавского сборного пункта как неблагонадежный и склонный к побегу под строжайшим караулом»³. Решено было распределить его в один из Черноморских линейных батальонов. Видимо, переходы давались не просто, т.к. и этот рекрут «по при-

¹Марченко А.М. С подорожной по казённой надобности. М.: Книга, 1984. С. 293 – 294.

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 454. Л. 8.

³РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 489. Л. 3 об.

ключившейся ему болезни опухолью ноги оставлен в Ахтырской градской больнице (Харьковской губернии), а по выздоровлении имеет быть оправлен по принадлежности»¹. Из сохранившейся переписки не ясно, добрался ли этот поляк до Черноморского побережья, т.к. в заключительном документе говорилось о его отъезде из Ставрополя в Тифлис. Возможно, он обладал каким-то полезным ремесленным навыком, а потому его решили отправить в Грузию.

Целая эпопея развернулась вокруг служивших в ОКК поляков, которые хотели подтвердить свою принадлежность к дворянскому сословию. Власти требовали документального обоснования таких притязаний, и это привело к появлению многочисленных запросов в герольдию Царства Польского. Так, своё дворянство сумел подтвердить Томаш Красуский. Сообщение об этом поступило из Инспекторского департамента Военного министерства, на имя командующего войсками на Кавказской линии Владимира Осиповича Гурко. Полученное генералом 17 августа 1843 г. предписание гласило: «Основываясь на заключении Герольдии Царства Польского, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, приказать: находящегося на службе в Кавказском Линейном батальоне № 1-го из числа польских рекрут, набора 1834 года, Томаша (Фому) Красускаго, признанного в дворянском достоинстве, существовавшим в Варшаве Комитетом, – показывать по спискам из дворян Царства Польского, доказавших происхождение свое в Западной Галиции»².

Аналогичное распоряжение было сделано и в отношении «находящегося на службе в Тенгинском пехотном полку, из числа рекрут Царства Польского набора 1834 года Войцеха Фомина сына Черноцаго»³.

Но столь благоприятный для просителей исход случался далеко не всегда. Любопытные перипетии произошли вокруг дела о подтверждении дворянства «рядового Кавказ-

¹Там же. Л. 9.

²РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 514. Л. 1 – 1 об.

³РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 513. Л. 1.

ского Линеиного № 4-го батальона Титуса Станиславова Ольшевскаго»¹, который поступил на службу как мещанин и теперь оспаривал это². Для удовлетворения его просьбы был сделан запрос в Виленское дворянское собрание, чтобы подтвердить наличие «документов о дворянском происхождении рода», но таковых у них не оказалось.

Тогда обратились к «уездному Предводителю дворянства о истребовании оных», предполагая, что тот сумеет получить их от родственника рядового, некоего лекаря Бранислава Ольшевскаго³. Однако тот «не только не показал, где находятся дворянские рода его документы или от кого, таковые следовало бы вытребовать, но вопреки требованию сего собрания отозвался: что оные документы хранятся в сем собрании, тогда как собрание об отыскивании оных производит переписку...»⁴.

В итоге было принято решение, «что по не отысканию документов, на коих основано определение 1817 октября 12 о роде Ольшевских состоявшееся и по непредставлении таковых в Герольдию требуемой надписи на копии определения сделать не может – и что как предназначенный указом 31 августа 1838 года к представлению дворянам доказательств срок кончится в наступающем 1841 году, то по истечении онаго, дворяне, не представившие доказательства дворянского своего происхождения, по силе того же указа, должны записаться в звание однодворцев»⁵.

Сходная ситуация была пережита унтер-офицером Викентием Мневским: ему также понадобилось подтверждение его дворянского происхождения для того, чтобы иметь право на получение офицерского чина в российской армии. Достаточно большое количество офицеров польского происхождения, служивших в фортах Черноморской береговой линии,

¹РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 99. Л. 1.

²Там же. Л. 9 об.

³Там же. Л. 6.

⁴Там же. Л. 21 – 21 об.

⁵Там же. Л. 21 об. – 22.

не участвовали в польском восстании 1830-1831 гг. и поступили на русскую службу добровольно. Участие в боевых действиях давало шанс делать карьеру, улучшать своё материальное положение и одновременно не изменять давним шляхетским традициям военного поприща¹.

Викентий Мневский проходил службу на Черноморской береговой линии в батальоне № 4, располагавшегося в укреплении Новороссийском. Командир батальона майор Ф.С. Левашов направил в июне 1855 г. рапорт начальнику 1-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майору А.О. Дебу, который сопровождался документами от предводителя дворянства Люблинской губернии и метрическим свидетельством о рождении и крещении Викентия Мневского, заверенного в консистории Люблинской епархии, для подтверждения его дворянского происхождения. Майор Ф.С. Левашов просил своего начальника ходатайствовать об утверждении Викентия Мневского в дворянском происхождении².

В сентябре 1855 г. из штаба командира 1-го отделения Черноморской береговой линии был получен ответ, за подписью дежурного штаб-офицера майора Фриша, котором указывалось, что присланные из Люблинской губернии документы требуется перевести с польского языка на русский. Кроме того, все представленные документы – перевод и подлинники – представить на гербовой бумаге, прибавив к ним формулярный список о службе названного унтер-офицера, и обратиться с новым ходатайством.

После повторного рапорта от майора Ф.С. Левашова к генерал-майору А.О. Дебу тот, в свою очередь, вышел с ходатайством к замещавшему корпусного командира князю генерал-лейтенанту В.О. Бебутову и просил его утвердить унтер-офицера Викентия Мневского в дворянском достоинстве. В ходатайстве сообщалось, что унтер-офицер из дворян Викентий Мневский, находящийся на службе с 1848 г., своим

¹ Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии ... С. 22 – 31.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2144. Л. 1 – 2.

усердием и примерным поведением заслуживает производства в офицеры, но так как его права на дворянство не утверждены до указанного времени в Департаменте Герольдии, он остается в нижнем чине более 8-ми лет, тогда как его сверстники и даже те, кто начал службу позже его, давно произведены в офицеры.

В октябре 1856 г. из корпусного Штаба пришел ответ, в котором сообщалось, что Инспекторский департамент Военного министерства объявил причины, по которым права на дворянство унтер-офицера Викентия Мневского остаются неразрешенными¹, но само существо причин в рапорте дежурного штаб-офицера названо не было. Викентию Мневскому оставалось только ждать разрешения его проблемы в столичных инстанциях, но то, что о его благонамеренной службе стало известно корпусному начальнику, внушало надежду на положительный исход его дела, поскольку мнение корпусного командира не только не могло не быть принятым во внимание, но прямо предписывалось существовавшим законодательством.

Тяготы службы на Кавказе в равной степени ложились на плечи всех солдат и офицеров российской армии, независимо от их этнического происхождения. В поле зрения исследователей попала бытовая повседневность польских военно-служащих, оказавшихся в гарнизонах укреплений Черноморской береговой линии и сполна испытавших неблагоприятную климатическую ситуацию и трудности войны с горцами. При всех сложностях военных реалий для многих находившихся здесь офицеров это был неплохой шанс сделать успешную карьеру, тем более что власти, судя по формулярным спискам, не скупилась на награды и поощрения. Учитывая, что большинство таких лиц были «дворянами без имения», им было куда стремиться².

Сказывались профессиональная щепетильность и верность данной присяге. Даже вчерашние противники, после

¹Там же. Л. 11 об.

²Марченко А.М. Указ. соч. С. 203.

того как обещали честно сражаться в рядах императорской армии, выполняли такую клятву, чем удостоились немалого уважения со стороны своих русских сослуживцев. Вот, что писал по их поводу генерал Г.И. Филипсон: «Вообще между поляками было много отличных офицеров и солдат, столько же, как и между другими национальностями; но они были заметнее других, потому что их положение придавало им особенную оригинальность»¹.

В своих воспоминаниях он уделял им немало внимания, отмечая, как порой нелегко приходилось этим людям сохранять свою этническую самобытность и при этом не конфликтовать с окружающими. Не без симпатии, но с лёгкой иронией, он, в частности поведал, о командире Кабардинского полка полковнике В.М. Козловском, который «был храбр, хладнокровен, но не отличался ни умом, ни образованием, и любил покутить. О нём было бесчисленное множество анекдотов, офицеры его любили; а у солдат сложилась легенда о том, что он знает заговор от пули и холодного оружия. Он был поляк (Могилевской губернии) и католик, но старался это скрывать. Он мне рассказывал, что, бывши полковым командиром, ходил всегда по праздникам в православную церковь и крестился по-нашему, т.е. с правого плеча на левое; но вслед затем, под шинелью, он делал католический крест, т.е. слева направо»².

Другой поляк, полковник Ранжевский Иосиф (Юзеф) Антонович, командир батальона №2 Кабардинского егерского полка, был также известен в Кавказском корпусе как дельный офицер, строгий, но справедливый. Он всегда проявлял сочувствие к нуждам офицеров и солдат. Его любили и уважали за храбрость. Офицеры, особенно ротные командиры в его батальоне, обращались к солдатам всегда по фамилии, что свидетельствовало о хорошем их знании всех подчиненных им нижних чинов. Поэтому, по свидетельству В.А. Геймана, выработались отношения солдат к офицерам не на основании па-

¹Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 161.

²Там же. С. 169

лочной логики, а из постоянного общения и полного уважения. Простая речь полковника Ранжевского, обращенная к солдатам перед началом похода в горы, понималась каждым. Они взаимно уважали и любили друг друга. Отсюда вытекала та нравственная связь, одушевлявшая войска на подвиги и самопожертвования¹.

10 июля 1845 г. во время Даргинского похода, участвуя в так называемой «Сухарной экспедиции» под командой генерала Клюки-фон-Клугенау, полковник Ранжевский возглавлял арьергард отряда. Командование арьергардом всегда было сопряжено с большой ответственностью и опасностями. Горцы (чеченцы) беспрестанно атаковали арьергард русских, обстреливали из-за деревьев и кустов, бросались в шашки. Многие погибли. Полковник Ранжевский получил два ранения, но продолжал руководить своим подразделением, находясь на носилках. Солдаты пытались спасти своего командира и вынести его из-под обстрела. 11 июля 1845 г. полковник Ранжевский И.А. был убит горской пулей. Большинство убитых оставались в лесу или на завалах, но тело Ранжевского солдаты вынесли в безопасное место и 13 июля 1845 г. предали земле у аула Дарго. Свидетели этого события отмечали естественную грусть во 2-м егерском батальоне из-за потери любимого командира. Когда его тело опустили в могилу, многие солдаты не могли скрыть слез. Впоследствии он был воспет солдатскими стихами².

Далеко не все офицеры польского происхождения разделяли идеалы своих соотечественников-революционеров. Среди них были и те, кто принимал участие в подавлении антиправительственных выступлений и даже имел за это награды. Кроме того, в одних рядах со вчерашними «мятежниками» и охранителями оказывались люди, совершившие уголовное преступление, в частности, обвиняемые в краже. Для них всех служба была шансом изменить свою жизнь, за-

¹ Гейман В.А. 1845 год. Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 336.

² Гейман В.А. Указ. соч. С. 377 – 378.

служить прощение, повысить свой социальный статус и улучшить материальное благосостояние¹. В свою очередь кавказское командование готово было предоставить таким людям возможность отличиться. Из них формировались отряды добровольцев, которые выполняли самые трудные и опасные задания, но при этом дававшие шанс на награду². Отсюда и многочисленные записи «за отличие против горцев» в формулярных списках, где отмечались награды и служебный рост таких рядовых и офицеров³. Кавказская повседневность оказалась суровой, но эффективной школой для людей, заставляла многих переосмыслить былые мировоззренческие приоритеты.

Далеко не однозначно складывались отношения между отправленными на Кавказ бывшими участниками польских восстаний и горцами, сражавшимися против России. Вопреки представлениям об их союзе на основе принципа «враг моего врага – мой друг», ничего подобного в реалиях противостояния в крае не наблюдалось. При наличии перебежчиков в стан неприятеля, среди которых встречаются и выходцы из Польши, это явление не определяло доминировавших в среде кавказских военнослужащих настроений. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что поляки не составляют большинства среди таких дезертиров. Неслучайно попытки различных иностранных эмиссаров сформировать из них отряды для борьбы с русскими оканчивались неудачей⁴.

Не все беглецы в горы горели желанием продолжать участвовать в военных действиях. Стремясь освободиться от тягот службы, они рассчитывали заняться мирным трудом, но реалии оказывались далеко не столь радужными, как им представлялось. Отсюда и случаи повторных побегов, но теперь уже в обратном направлении, под защиту русских укреплений.

¹Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. С. 205 – 206.

²Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 161.

³Боголюбов А.А. Судьбы поляков на Северном Кавказе в XIX веке // Поляки в России: вехи истории. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. С. 209 – 211.

⁴Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. С. 48.

Для тех, кто не запятнал себя кровью соотечественников, был шанс на амнистию и возможность службой искупить вину¹.

Представляется справедливым вывод о том, что поляки в большинстве случаев предпочитали отстаивать свою самобытность, не обращая оружие против своих русских сослуживцев на Кавказе. Жизнь брала своё. Создавались семьи, рождались дети, которые наряду со своими отцами переносили все тяготы службы в пограничье. Конфликты, отсутствие досуга, пороки, присущие мужскому коллективу, вынужденному находиться на ограниченном пространстве и испытывавшему постоянный стресс, связанный с риском для жизни... Но даже в таких условиях родители старались давать детям образование, и государство в этом вопросе шло им навстречу, оплачивая обучение за казённый кошт².

Пока не отгремели сражения с «немирными» горцами, польские солдаты и офицеры не были редкостью на Кавказе. В дальнейшем их число постепенно сокращалось, т.к. край перестал быть местом ссылки для исправления лиц, обвиняемых в связях с «возмутительными сообществами», и становился обычным мирным регионом, в котором находилось место для всех подданных империи, в том числе польского происхождения.

¹Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. С. 217 – 218.

²Там же. С. 225 – 237.

«ОДНУ ПОЛОВИНУ БЕДОЛАГ ПРОДАЛИ, А ДРУГУЮ ЗАКОВАЛИ В ЦЕПИ»: ПОЛЯКИ В ПЛЕНУ У ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Все те военно-политические коллизии, которыми оказалась богата европейская история первой половины XIX в., причудливо преломились в судьбах некоторых выходцев из Польши, оказавшихся вдали от своей Родины и испытывавших горечь и унижение плена. Скупые сведения об их злоключениях содержатся в личных воспоминаниях, в официальных документах, сохранившихся в фондах архивов.

После присоединения Грузии одной из первоочередных задач для России стало установления контроля над Северным Кавказом. Стремление получить прочные южные рубежи в условиях достаточно неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры толкало империю на жёсткие шаги по обузданию «буйной вольности» местных народов¹. Те, в свою очередь, были не прочь привычными способами поправить своё благосостояние, устраивая нападения на русские поселения и продолжая периодически вторгаться в Закавказье. Сложилась причудливая ситуация «мира-войны», которая была характерна для фронта как территории неопределённости². С каждым годом конфронтация усиливалась, и на возросшую эффективность обороны русского приграничья горцы Северо-Восточного Кавказа ответили созданием достаточно успешного мобилизационного инструмента – имамата. На Северо-Западном Кавказе, где преодолеть привычную племенную разобщённость оказалось сложнее, местные общества активно использовали поддержку Турции, с которой имели давние связи, не прервавшиеся даже после формального присоединения этих земель к России. Когда в этот и без того непростой «геополитический котёл» стали вмешиваться и европейские

¹ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 10 – 37.

² Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163 – 194.

державы, прежде всего, Великобритания, ситуация ещё больше осложнилась¹. Потребовались десятилетия упорной борьбы, прежде чем удалось преодолеть этот многофакторный кризис. В него, нередко против своей воли, оказывались втянутыми и некоторые поляки.

Впрочем, далеко не все они появлялись здесь с «клеймом неблагонадёжного». Большинство служивших на Кавказе выходцев из Польши, как и другие подданные империи, были призваны в кавказские войска в качестве рекрутов, что никак нельзя приписать исключительно «карательной политике царизма». Для многих польских шляхтичей служба в Отдельном Кавказском корпусе была весьма желанной, т.к. позволяла поправить материальное положение и сделать достойную карьеру². Но переменчивое воинское счастье нередко заставляло этих людей познать всю горечь и трудности плена.

Попав в руки горцев, они проводили долгие годы в неволе, и далеко не всем из них удалось вернуться к родному очагу. Из сохранившихся архивных дел мы можем узнать о судьбе только тех, кому посчастливилось бежать или быть выменным из плена. Но сколько на самом деле таких пленников навсегда сгнуло на чужбине, видимо, узнать уже не удастся. В качестве иллюстрации обратимся к описанию злоключений лишь некоторых из этих людей, судьбы которых не похожи и одновременно напоминают друг друга.

Испытание двойным пленом выпало на долю тех поляков, которые оказались на Кавказе в результате участия во вторжении армии «двунадесяти языков» на территорию России в 1812 г. Относительно «повезло» некоему Овцентию Зимбровскому (в других документах он назван Вицентием Жембровским). В 1813 г. он был отправлен на Кавказскую линию, и уже на следующий год его выкрали местные «хищники» (так в официальных документах называли горцев, совершающих грабежи в пограничье). Но уже в 1816 г. он сумел совершить побег и выбрался к казачьему посту недалеко

¹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829 – 1864 гг. С. 20.

² Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. С. 202 – 203.

от станицы Прохладной. Обстоятельства пленения были характерны для боевой кавказской повседневности. Вместе с другими 12 польскими военнопленными он был отправлен «в Константиновский редут для копания там канавы». Он вышел со своим товарищем из укрепления в ночное время и оказался схвачен четырьмя подкараулившими их «набежчиками»¹. В дальнейшем поляков разлучили. Неизвестно, что стало со вторым невольником, а сам Вицентий, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, сумел обрести свободу².

Гораздо дольше пробыл в неволе другой его земляк, «Андрей Матаушов сын Лосюк», переданный в феврале 1822 г. «мирным» чеченцем российской администрации. Сам он был варшавянином и являлся дворовым человеком помещика Петра Петровича Чапского. Когда тот собирал «из своих крестьян и разного рода людей в помощь французского войска тысяч до сорока», среди них оказался и Андрей, которому на тот момент было всего 12 лет. Под Смоленском отряд, в котором служил подросток, был разбит, и А. Ласюк оказался в плену³. В 1813 г. его с прочими поляками отправили в Георгиевск, а оттуда в Кизляр. Следует отметить, что власти внимательно отслеживали перемещение таких партий и, помимо военного конвоя, назначали «для препровождения означенных поляк» благонадёжных чиновников из местных дворян⁴. Делалось это в том числе и для того, чтобы решать возникающие в пути различные непредвиденные проблемы, которые,

¹Практика привлечения военнопленных из числа поляков к фортификационным работам была достаточно распространённой. Это подтверждают и воспоминания современников, в частности, некоего «старика Коновалова», который, будучи двенадцатилетним мальчиком, возил дёрн для укрепления вала крепости Кавказской и видел, что на местной гауптвахте, «кроме арестантов, были и поляки “воевавшие за французов”» (Ламонов А.Д. Указ. соч. С. 470).

²ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595. Л. 4 – 4 об.

³ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 3.

⁴ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 52.

видимо, случались достаточно часто. Оказавшись в непривычном климате, Андрей заболел и целый месяц находился в лазарете. За это время, по его словам, он «остался от отправленных в своё Отечество моих товарищей» и вместе с другими десятью пленными поляками был отпущен к местному армянину, купцу Качкасову, «для выработки себе денег». Кизлярские промышленники охотно нанимали рабочих для ухода за виноградными садами, с этой целью даже выкупая пленников, которые потом отработывали потраченную на них сумму своим трудом.

Но с А. Ласюком случилось совсем другая история. В течение недели он работал на Качкасова, «а в седьмую ночь тайно от товарищей моих приказчиком того армянина Качкасова из татар по имени Али, по прозванию мне неизвестному, продан я за 50 руб. серебром черкесену, коим и увезён за реку Терек в аул Казанище. где прожил пять лет»¹. Неоднократные попытки бежать оказались неудачными. Его перепродавали от одного хозяина к другому и перевозили в разные селения. В конечном итоге он был доставлен очередным владельцем в крепость Неотступный Стан и отдан командиру 43-го Егерского полка подполковнику Терентию Варламовичу Сорочану. Чтобы подтвердить свою личность, он вспомнил, что среди его земляков были «были поляки по прозванию Вишневецкий, Иосип Леонтовский», которые, видимо, могли поручиться, что Андрей Ласюк говорил правду². Что касается тех приказчиков, которые продали юного поляка в горы, то их обнаружить так и не удалось³. Старый купец Качкасов умер, а его наследник ничего не знал об этом происшествии. Сам же

¹ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об.

²Там же. Л. 5.

³При схожих обстоятельствах оказался в плену и Карол Калиновский. «Мирные» горцы, увидев, что он покидает крепость и в одиночестве гуляет в окрестностях укрепления, дали знать об этом своим «немирным» соплеменникам и те похитили беспечного поляка (Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila, od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. S. 34).

потерпевший от их коварства Андрей ничего о них рассказать не смог.

В июле 1816 г. в районе станицы Калиновской к русским вышло сразу трое беглецов – Лука (Лукаш) Соколовский, Афанасий Портницкий и Николай Янов. Первые двое оказались бывшими польскими военнопленными, в силу разных обстоятельств попавшими в руки «хищников». Лука Соколовский был человеком преклонного возраста и за свои 60 лет успел послужить и в армии Костюшки, и в рядах войск князя Понятовского. Во время вторжения французских войск на территорию России он был ранен в сражении под Можайском и оказался в руках русских. После излечения его отправили в Грузию, но по дороге он бежал к лезгинам и стал их рабом. По признанию самого Л. Соколовского «во время его там нахождения 8 лет был продаваем с рук на руки»¹. Вместе со своим земляком Афанасием Портницким ему удалось бежать из неволи, после чего они пожелали остаться жить в Кизляре, приписавшись к мещанскому сословию. В отличие от Л. Соколовского, его товарищ по несчастью оказался в горах не по своей воле, а был похищен в 50 верстах от Тифлиса, когда двигался туда вместе с партией других военнопленных².

Лукаш Соколовский вскоре умер, а Портницкий продолжил жить в Кизляре, занимаясь там преимущественно рыбной ловлей. Примечательно, что будучи допрошен повторно, он несколько изменил сведения о своей биографии (в частности, указал новое место своего пленения русскими войсками), но у властей это подозрений не вызвало³. Возможно, имеющиеся разночтения списали на канцелярские погрешности.

В январе 1823 г. освобожденный из плена кабардинцев «показывающий себя пленным поляком Иван Станиславов сын Карбовский», бывший «уроженец Волынской губернии и уезда селения Железняки помещика Филипа Родоманскаго из крестьян». Он попал в плен в ходе сражения под Можайском и был отправлен в город Орёл, где была сформирована

¹ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 324. Л. 4 об.

²Там же. Л. 4 об – 5.

³Там же. Л. 29 – 30.

партия, следующая на Кавказ. Первым пунктом сбора стал город Георгиевск, откуда команду И. Карбовского переправили в Моздок. Отсюда они последовали в Тифлис, но добраться до него поляку было не суждено. Переправившись через Терек, он отстал от своих товарищей и был пленён горцами. Они отвезли его в Осетию, где, поменяв трёх владельцев и совершив неудачный побег, И. Карбовский всё же сумел вырваться на волю¹. После проведённого разбирательства, власти, снабдив необходимыми вещами и продовольствием, отправили Ивана Станислова сына Карбовского на родину². Но увидеть своих близких ему было не суждено. В пути от «долговременной грудной водяной болезни», которая, возможно, была связана с тяжёлыми условиями нахождения в неволе, он скончался³.

Его собратом по несчастью был «Ян Францов сын Качевич», который в 1825 г. сумел пробраться в русские пределы (возможно, был передан самими горцами, т.к. формулировка его пояснения допускает и такое толкование) и хотел отправиться дальше, в Польшу. Родился он в 1783 г. в Варшаве, был холост и в 1807 г. «поступил в польскую службу в 1-й пехотный полк, под командою шефа Бернадского состоявший»⁴. Во время сражения под Борисовым он был взят в плен и вместе с такими же польскими военными служащими был отправлен на Кавказскую линию. В 1814 г. на Минеральных Водах он вместе со своим товарищем Антоном Левичем оказался в руках у «людокрадов» и пробыл в горах 12 лет. Теперь он хотел «возвратиться в свою родину в город Варшаву, где имел отца варшавского мещанина Франциска Качевича и двух братьев»⁵.

Пока личность Яна Качевича устанавливалась властями, он находился в Усть-Лабинской крепости, где разместили и других вышедших из неволи людей. Примечательно, что среди них оказался ещё один поляк – Якуб Томажевский,

¹ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 58. Л. 2 – 3.

²Там же. Л. 9.

³Там же. Л. 14.

⁴ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 4.

⁵Там же. Л. 4 об.

которого даже перепутали с Я. Качевичем¹. После того, как личность варшавского мещанина была подтверждена, ему выдали проездной билет, но тут оказалось, что средств, чтобы покупать в дороге еду, у него нет. В своём обращении от 15 июля 1827 г. к Начальнику Кавказской области Георгию Арсеньевичу Емануелю он просил дать ему возможность заработать средства на пропитание, работая в Ставрополе сапожником, и временно разместить на постой у какого-нибудь жителя города. Но, видимо, проблема была быстро решена, т.к. уже 30 сентября «...Ставропольская градская полиция рапортом от 17 сентября сему правлению донесла, что означенной Качевич из города Ставрополя выбыл в свою родину»².

Примерно в это же время решалась судьба другого «дважды пленника». Это был «Ян Ильнов сын, по прозванию Погиднов, лет от роду ему 46-ть, веры римско-католической, на исповеди и причастии временно бывал. Родился он Львовской губернии Пшимиславского уезда селения Егорова, от отца австрийского подданного Ильи и матери Матрёны Погидновых»³. В 1812 г. он также был захвачен русскими войсками и отправлен служить в Грузию. По дороге он из-за болезни отстал от своей партии, а потом, «...время следования по-за Терекком, когда узнали препровождавшие его казаки, что черкесы разбивают партии, то они бросили его, сами бежали, а он набежавшими закубанскими хищниками взят в плен, где и находился двенадцать лет, и отголе поступил на обмен...»⁴. Ещё полтора года он пробыл в крепости Кавказской и затем стал просить командование отпустить его на родину. Вместе с ним в Польшу хотел вернуться и другой бывший военнопленный Михайло Бровский, но 10 февраля 1827 г. он «...от натуральной болезни помер»⁵. Яну Погиднову же выдали открытый лист, в котором предписывалось обеспечить

¹Там же. Л. 1 – 1 об.

²Там же. Л. 25.

³ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2.

⁴Там же. Л.2 – 2 об.

⁵Там же. Л. 1.

проезд «его не в роде арестанта, а единственно только для безопасности...»¹. Увы, 9 марта 1827 г. он скончался и так и не смог перед смертью повидать родные места².

Обращает на себя внимание тот факт, что многие из вышеупомянутых людей были выданы добровольно или обменяны у их владельцев. Такая практика прижилась на Кавказе и позволяла выручить немало невольников. Командование даже рекомендовало специально захватывать горцев, чтобы было из кого формировать «обменный фонд». Так, генерал Алексей Петрович Ермолов в своём приказе от 19 ноября 1820 г. войсковому атаману Черноморского казачьего войска, полковнику Григорию Кондратьевичу Матвееву отмечал, что черноморцам, которые страдали от набегов «людокрадов», необходимо взять на вооружение опыт их соседей, казаков-линейцев: «При сем приведу в пример Вашему Высокоблагородию, что на Кавказской линии точно тоже происходило пока казаки не обратились к строгой осторожности и чеченцы, пользуясь их слабостью, захватывали наших пленных получая за них после деньги, когда же выкуп запрещен, то казаки, захватывая чеченцев, выменивали за них своих пленных и теперь много уже содержится, так что и променивать не на кого. По поводу чего мне желательно бы было, чтобы и черноморцы обратились к тем же мерам и тогда казна избавлена бы была от излишних издержек, и закубанцы потеряли бы смелость и охоту к хищничествам»³. Этот генерал и раньше весьма жёстко обращался с работарговцами, требуя от непокорных обществ: «Пленные и беглые или мщенье ужасное!»⁴.

Чрезвычайные обстоятельства побуждали к чрезвычайным мерам. И современники, оценивая шаги генерала, отмечали: «Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, – ныне самих продавцов вешают»⁵. Возможно, что

¹Там же. Л. 4.

²Там же. Л. 8.

³ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 762. Л. 16 – 16 об.

⁴АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 499.

⁵Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 208.

в ряде случаев такая непреклонность российских властей и побуждала «хищников» избавляться от своих пленников, но полнотой пресечь этот «промысел» долгое время так и не удавалось.

Были среди поляков, оказавшихся на Кавказе, и люди, которые лишь выдавали себя за жертву горского насилия. Сохранились сведения о некоем Юзьке (Юзефе) Закревском, понять все перипетии судьбы которого не представляется возможным, т.к. сообщённые им о себе сведения оказывались неточными и лишь вызывали новые вопросы. Началось всё с того, что осенью 1825 г. казаками 2-го Астраханского полка он был доставлен в Георгиевск. Ю. Закревский рассказал, что является бывшим солдатом польской армии, который попал в плен после сражения под Слуцком. Отправленный на Кавказ, он бежал по дороге и добрался до Черномории, где стал наниматься на работу к местным жителям. Но, не имея документов, он вынужден был работать за самую малую плату и в конечном итоге решил уехать в Астрахань. Договорившись с торговцами на Линии чумаками, которые собирались отправиться в нужном ему направлении, он добрался с ними до города Георгиевска, но там заболел и не смог продолжить свой путь. Его попутчики поспешили избавиться от нежеланной обузы и оставили Ю. Закревского в степи. В течение трёх дней он оставался в одиночестве, а потом, собравшись с силами, принялся искать людей и вышел на казачий пост¹.

Данный сюжет, возможно, и не заслуживал внимания, если бы первоначально Ю. Закревский не назвал себя Иваном Силадчуком, «выходцем из горских народов»². Это, по всей видимости, должно было послужить смягчающим обстоятельством в глазах кавказской администрации и помочь беглецу легализоваться. Но, очевидно, рассказ не произвёл должного впечатления на власти и, поменяв показания, он и назвался именем Закревского, выходца из города Закрочима Варшавской губернии. Проводившее расследование Кавказское областное правление сделало запрос в Польшу и по истечении

¹ ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 79. Л. 5 – 6.

² Там же. Л. 37.

некоторого времени получило ответ, в котором сообщалось, что такового человека в указанном месте никогда не было. Не нашлось информации о нём и в формулярных списках армейских частей. В итоге власти приняли решение, поскольку Ю. Закревский «ясно изобличается бродягою», отправить его на поселение в Сибирь¹. Однако беглец не стал дожидаться такого исхода и после того, как «был отдан в июне месяце на поручительство губернскому секретарю Ивану Дробязгину, неизвестно куда от него бежал, уведя с собою лошадь его Дробязгина»². Как потом сложилась судьба этого лжегорского пленника, установить не удалось.

Весной 1851 г. из горского плена выбежал «солдат бывшего Тамбовского гарнизона Мартин Вожаховский», который пробыл в неволе около девяти лет³. Он был захвачен неприятелем на Темнолесских хуторах, когда следовал с отставным майором Александром Похоревым на Минеральные Воды. Известно, что сам Мартин Вожаховский прибыл на Кавказ из Варшавы и, возможно, служил денщиком у этого офицера. Пока шло следствие и власти разбирались с показаниями солдата, он находился под стражей в крепости Прочноокопской, куда его отправил начальник Урупской станции есаул Чугуевич, к которому первоначально и попал М. Вожаховский.

Видимо, горская неволя серьёзно подорвала здоровье и этого беглеца, и он заболел тифозной горячкой. Его отправили на излечение в Ставропольский военный госпиталь, но спасти несчастного так и не удалось. 4 марта 1851 г. Мартин Вожаховский скончался. Родственников после его смерти либо не искали, либо их у него не было. По крайней мере, те вещи, которые ранее принадлежали отставному солдату («простого чёрного сукна чекмень, простого серого сукна штаны, тёплая чесучевая шапка, чевяки»), были проданы за

¹Там же. Л. 37 об.

²Там же. Л. 29.

³ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 2.

10 копеек серебром, а вырученная сумма перешла в пользу ставропольских городских властей¹.

Не баловала судьба и Михайла Найдовского, который с детства испытал нужду и невзгоды, а затем оказался в руках «людокрадов» и долгие годы влачил рабское существование. Описывая свои злоключения, он поведал, что родился в городе Кракове, но когда мальчику исполнилось два года, его матери по имени Мария не стало. Сироту приютили нищие, вместе с которыми он, видимо, занимался попрошайничеством до шестнадцати лет.

В 1830 г. они отправились в Киев, чтобы поклониться находящимся здесь христианским святыням. Здесь Михайло познакомился с офицером, который служил на Кавказе и предложил юноше пойти к нему в услужение. Звали его Фёдор Васильевич, а фамилии этого человека беглец вспомнить не смог. Он убедил М. Найдовского в том, что «ты парень молодой и стыдно тебе ходить с нищими испрашивать милостыню, а иди лучше ко мне жить. Я тебе дам хорошее платье и буду тебя кормить и платить деньги за услуги твои, на что я согласился, бросил нищих и перешёл к нему на квартиру, где он на меня вытребовал паспорт»².

Казалось, что теперь у краковянина начнётся новая, достойная жизнь, но то, что ждало его впереди, было куда большим испытанием, даже по сравнению с прошлыми несчастьями. Добравшись до Владикавказа, он остановился со своим работодателем на квартире. Фёдор Васильевич отправился гулять по крепости, а Михайло остался дожидаться его с вещами. Вернувшийся в полночь офицер, внезапно решил «поучить» своего денщика и, обвинив, что тот вовремя не зажгёт ему свет, начал избивать Михайлу. Вырвавшись от своего истязателя, юноша на следующий день стал просить отдать ему паспорт и высказал желание вернуться «обратно в Россию». Но вместо этого подвергся новому избиению. Тогда, спасаясь от самодура, М. Найдовский решил самостоятельно добраться до своей малой родины и покинул Владикавказ.

¹ Там же. Л.8, 11-11 об.

² ГАСК. Ф.68. Оп.1. Д.2216. Л.15-15 об.

Но далеко уйти ему не удалось. На своём пути он встречал двух горцев, у которых попытался узнать дорогу, но вместо ответа они, «оборотясь ко мне, ничего не говоря, схватили меня, связали мне руки назад и посадили на лошадь и привезли меня в горы в аул Холонды, продали меня чеченцу Авдею...»¹. В течение 10 (по другим сведениям – 12) лет он выполнял разного рода хозяйственные работы у своего владельца, но потом один из беглых солдат, с которым он познакомился в неволе, уговорил его бежать от хозяина. Обращает на себя внимание тот факт, что М. Найдовский не раскрыл имени и фамилии своего помощника, сославшись на то, что они ему неизвестны. Вряд ли человек, который вывел его «из аула в Чечню», был для него инкогнито. Скорее всего, беглец не желал раскрывать их властям, т.к. знал, как сурово в России относятся к дезертирам.

Хотя поляк и продолжал жить среди горцев, но, видимо, теперь он обладал определённой свободой. По крайней мере, он мог переходить из одного селения в другое, хотя, возможно, это объяснялось сменой хозяев, которые передавали его из рук в руки. В равнинной Чечне Михайло пробыл 8 лет и здесь, в селении Овтуры (Автуры), познакомился с другим польским пленником Якубом (Яковом) Валькевичем. Вместе они решили бежать и в 1850 г. «на страстной недели Великого Поста отправились из Чечни и прибыли в укрепление Умахан-Юртовское, явились к тамошнему коменданту»².

Здесь горский пленник рассказал об обстоятельствах своего нахождения в неволе и среди прочего сообщил важную для русских властей информацию о тех настроениях, которые царили среди враждебных империи племён. В частности, он рассказал, что «слышал разговоры чеченцев между собою, когда начнётся строиться крепость русскими в ауле Шелех, то мы, несмотря на Шамиля, должны покориться русскому правительству»³.

¹Там же. Л. 16.

²Там же. Л. 8 об.

³Там же. Л. 16.

Судя по физическому состоянию М. Найдовского, жизнь среди горцев у него была трудной. Врач, проводивший его медицинское освидетельствование, констатировал, что «за коростами по всему телу, на крестце и на ногах и за переломом правой ноги» он «никуда не способен». В Польше его никто не ждал, на Кавказе он так же оказался никому не нужен. Решение властей было суровым: «Бродягу Михайло Найдовского сослать установленным порядком в Сибирь на поселение, о чём Тобольский приказ о ссылке с приведением статей уведомить...»¹. И таких людей с исковерканной судьбой, которые оказались не нужны прежней Родине и не смогли обрести пристанище на новом месте, было немало².

Еще одним обстоятельством, из-за которого поляки оказывались сосланными на Кавказ, было участие в антиправительственных выступлениях 1830 – 1831 гг. Так здесь оказался 53-летний «...служивший в польских войсках Казимир Станиславов Левандовский...». Этот шляхтич родился в Кракове в семье военного. О себе он сообщил, что «в 1831 г. во время польского мятежа вступил на службу в польские войска, а именно в Уланский №2 полк, которым командовал генерал Дембинский, и когда мятеж русскими войсками был уничтожен, мы русским правительством были назначены в военную службу на Кавказ и Грузию»³. В окрестностях Ставрополя их партия оказалась атакована «татарами», и Казимир Левандовский со своими товарищами оказался в плену. Произошло это, скорее всего, в 1836 г., т.к. указанный в документе 1863 г. явно не соответствовал канве описываемых событий.

Он восемь лет жил среди убыхов, а когда попытался сбежать в укрепление Туапсе, его поймали и продали абадзехам. Там он женился на местной женщине, у них родились четверо детей, и казалось, что шляхтич окончательно смирился со своей участью. Но осенью 1863 г. он узнал, что поблизости

¹Там же. Л. 21.

²Синицын В.О. Проблемы истории польской ссылки в России в XIX веке в исследованиях В. Сливовской // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 63.

³ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 6.

от их селения находится русский отряд, и решил вновь испытать своё счастье. Как сообщал К. Левандовский, «я убежал к своим и был препровождён в укрепление Хадыжых, а оттуда Воинским Начальником в Ставропольское полицейское управление для водворения в Ставрополе на место жительства»¹. Обращает на себя внимание то, что для него русские были своими, и он готов был рискнуть, чтобы пробраться к ним. Но недолго пришлось Казимиру пробывать на свободе. Уже 13 января 1864 г. он умер, находясь в Ставропольском военном госпитале, возможно, найдя в последние минуты утешение в том, что будет похоронен по римско-католическому обряду.

Случаи, когда горцы старались женить своих ясырей, были не единичны. Так, в ноябре 1842 г. выбежал в Геленджик поляк Францышек Кобылянский, вместе с которым была его жена-черкешенка и их дочь, после принятия крещения наречённые Мариєю и Анною². О себе он поведал, что родился «на австрийской границе», откуда в восьмилетнем возрасте был вывезен на Кавказ линейными казаками, которые несли там службу. До 1828 г. Ф. Кобылянский проживал в одной из станиц на Кубани, пока во время горского набега не оказался ранен и попал в плен. Сменив несколько хозяев, он был оженён одним из них, что не помешало мужчине, не потерявшему надежду обрести свободу, узнав о наличии поблизости русского укрепления, забрать свою суженую и устроить побег³.

Францышек выразил желание поселиться в станице Усть-Лабинской, мотивируя это тем, что там проживали ставшие близкими ему люди, «крёстный отец и мать жены его Марьи майор Лебединский и жена коменданта Усть-Лабинской крепости, а так же и восприемники дочери Анны фельдшер Посельский и жена фельдшера Баламбуева Прасковья Михайлова»⁴.

¹Там же. Л. 6 об.

²ГАСК. Ф. 63. Оп. 22. Д. 477. Л. 1.

³Там же. Л. 2 – 2 об., 10 – 10 об.

⁴ ГАСК. Ф.63. Оп.22. Д.477. Л. 13-13 об.

Однако общество станицы отказало ему в этой просьбе¹. К сожалению, узнать о причине такого решения схода не представляется возможным, как и не ясна дальнейшая судьба этой семьи. Материалы дела дошли до наших дней фрагментарно и не позволяют восстановить все перипетии судьбы Ф. Кобылянского.

Конечно, далеко не все поляки, оказавшиеся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, видели в Российской империи своё новое большое Отечество. Обида и неприязнь толкали некоторых из них к дезертирству. Только за август – октябрь 1834 г. из Тенгинского и Навагинского полков, славившихся своими боевыми традициями, бежало к «немирным» горцам 26 поляков². Справедливости ради отметим, что тогда же в донесении полковника Франца Карловича Клюки-фон-Клугенау, который действовал со своим отрядом в Аварии, были весьма лестные характеристики, данные польским военнослужащим, которые, по его словам, «...отличались особенно примерным усердием и в опаснейших случаях составляли большую часть охотников»³.

Как сложилась судьба этих беглецов, сохранили ли они свою свободу или пополнили ряды рабов, остаётся только догадываться. Возможно, они с оружием в руках стали сражаться против русских. О таких беглецах сообщал посол в Константинополе Аполлинарий Петрович Бутенёв, предупреждавший, что среди горцев «...скитаются несколько сот поляков, частью перебежавших из наших войск, частью проникших мало-помалу сквозь турецкие пределы»⁴.

Но уместно вспомнить и историю, которую отразил в своём дневнике француз на русской службе Поль Гибаль. Путешествуя в 1818 – 1820 гг. по Крыму и Кавказу и будучи в селении Соук-сон, он был приглашён на ужин женой владельца князя Абхазии Сафир-бея. Там он познакомился

¹ Там же. Л. 18 – 18 об.

² Очерки революционных связей народов России и Польши 1815 – 1917 ... С. 123.

³ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 594.

⁴ Там же. С. 895.

с поляком, уроженцем Лемберга, который ранее служил в австрийских войсках, а затем принял участие в войне Наполеона против России. Под Смоленском он попал в плен и был отправлен в Моздок, где, сговорившись со своими товарищами – выходцами из разных мест Польши, решил бежать к горцам¹. Они рассчитывали, что те, будучи враждебны русским, помогут им добраться до Константинополя. Около сотни дезертиров сумело добраться до Кабарды и «там они вскоре без опаски заявили, кто они такие, и кабардинцы сердечно их приняли, назвали своими братьями и спасителями-французами, пригласили на жительство в свои дома, устроив им ночлег, а на следующее утро эти же люди одну половину беболаг продали, а другую заковали в цепи»². И хотя, как отмечал П. Гибаль, горцы относились к своим рабам гуманно, «как к детям», вряд ли поляки были рады своему подневольному положению и, возможно, раскаялись в содеянном.

Да и «доброта» владельцев вызывает серьёзные сомнения. Это было скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии. Уместно вспомнить упоминавшегося ранее К. Калиновского, рассказавшего о судьбе раба, который также был доволен своим положением, пока не заболел. После этого «хозяин, не видя надежды исцелить своего раба, затащил его к ночи в соседний лес за ноги и бросил его в овраг, чтобы позволить ему умереть раньше»³.

По воспоминаниям русского разведчика Фёдора Фёдоровича Торнау, оказавшегося в плену у черкесов, он узнал

¹ Видимо, это был не единичный случай. О массовом побеге «из Горячих Вод 25 пленных поляков» упоминает Г.Н. Прозрителев, обнаруживший в Ставропольском архиве дело, посвящённое этому событию (Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 14).

² Петерс Т.П. Судьбы участников и пленных Отечественной войны 1812 года на страницах дневника путешествия в Крым и на Кавказ Поля Гибала в 1818 – 1820 гг. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813-1814 годов: Материалы международной научной конференции, 3 – 6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2015. С. 423.

³ Kalinowski К. Указ. соч. С. 122.

от убыхов, что на Черноморском побережье Кавказа «проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продают поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ»¹.

Ему вторит и британский агент Джон Лонгворт, примерно в это же время находившийся в крае. Он сетовал на то, что у черкесов в плену находится большое число поляков, из которых можно было бы собрать отряд и использовать его в войне против русских. Но горцы смотрели на них как на товар и не собирались бесплатно отпускать на волю. Англичанин оценивал выкуп одного польского невольника в 400 пиастров или в 4 фунта, но признавал, что даже если и удастся их освободить и вооружить, эти шаги «в данных обстоятельствах, скорее всего, привели бы их в столкновение с жителями дикой и гористой страны, столь существенно отличающимися от них»².

Горцы не делали разницы между поляками и русскими. Им было трудно отличить одного от другого, хотя многие невольники, «чтобы получить лучшее обращение, при сдаче в плен называют себя поляками». Но это, как правило, мало влияло на их судьбу, т.к. «последующее обращение, с каковым они встречаются, какие бы распоряжения на этот счёт ни были сделаны, зависят от их личного поведения и способностей и от настроения их господина. Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских, и один польский офицер, работавший в Ангоре, сказал мне, что он нашёл по меньшей мере 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке»³.

Сохранились сведения о некоем Степане Лебковиче, который, бежав из Нарвского драгунского полка, укрылся

¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С. 479.

² Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с английского В.М. Аталикова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. С. 291.

³ Там же. С. 172.

среди горцев, возможно, рассчитывая, что они увидят в нём своего боевого товарища. Но надежды на такой исход не оправдались. Польского беглеца в итоге выдали русским, обменяв на своего соплеменника¹. Судя по тому, что С. Лебкович выразил желание записаться в казаки, его симпатии к закубанцам явно поубавились². Но и у российского командования доверия к нему не было. Дезертира подозревали в желании совершить вторичный побег и предпочли отправить в Варшаву³.

Аналогичным образом поступили и с Иосифом Мушкаром, который совершил «побег в числе 13 человек ему подобных к закубанским народам, от коих выдан на вымен пленного азиатца»⁴. Учитывая, что он не являлся российским подданным и не давал воинской присяги, кавказская администрация, приобретя И. Мушкару необходимые в дороге вещи, отправила его по месту жительства⁵.

В итоге в Кавказское областное правление поступило уведомление, что «военнопленный Мушкар 5 февраля 1826 года отослан житомирскою графскою полициею к Радзивиловскому полицейскому чиновнику для передачи австрийскому правительству»⁶.

Обращают на себя внимание сведения, которые поведал читателям своих воспоминаний Карол Калиновский. Он оказался на Кавказе после обвинения в антиправительственной деятельности и в 1846 г. попал в плен к горцам, но сумел сбежать от них. К. Калиновский рассказал, как был организован «бизнес-проект» по торговле «живым товаром», в котором участвовали и дезертиры, скрывавшиеся в горах. Примечательно, что при наличии достаточно критического отражения российской действительности (жизнь в крепости после плена

¹ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 278. Л. 1 – 1 об.

²Там же. Л. 9.

³Там же. Л. 13 – 13 об., 16., 31 – 31 об.

⁴ГАСК. Ф. 63. Оп. 4. Д. 117. Л. 1.

⁵Там же. Л. 12.

⁶Там же. Л. 20.

показалась ему «мёртвой») и восторженных оценках некоторых сторон горской жизни («где все дышит свободно с жизнью природы»), этот автор всё же стремился вырваться к русским и помогал в освобождении таких же несчастных пленников, которые оказались в неволе¹.

Командование негативно относилось к полякам-дезертирам и даже выдвигало предложение казнить таких людей в назидание остальным. Впрочем, эта чрезвычайная мера была в Петербурге отвергнута как неуместная и политически вредная².

Из-за таких случаев определённые предубеждения против выходцев из Польши сохранялись и на бытовом уровне. Весьма наглядный пример из собственной жизни привёл служивший на Кавказе Михаил Фёдорович Фёдоров, которого приняли за беглого польского мятежника и в этой связи отнеслись к нему весьма настороженно. Целесообразно предоставить слово самому автору и привести обширную цитату из его мемуаров: «Но судьба ускорила мою поездку довольно курьезным случаем: этим казачьим полком командовал полковник Левашев, кавказский служака времен Алексея Петровича Ермолова, у которого он, по рассказам казаков, был на счету самых храбрых и распорядительных урядников, а в офицерских чинах состоял при графе Паскевиче и служил года три в Варшаве, где и научился довольно бойко говорить по-польски. В дороге на мне была надета венгерка из переделанного офицерского сюртука и офицерская шинель, на которой красный стоячий воротник заменен был бархатным отворотным; на груди серебряная медаль на георгиевской ленте за турецкую войну 1828 и 1829 годов. Когда мы подъехали к станичному правлению, станичный начальник, статный, красивой наружности урядник, с знаком отличия ордена Св. Георгия и турецкою медалью на груди, получив от меня открытое предписание, посмотрел на меня с особенным вниманием и

¹ Kalinowski K. Указ. соч. С. 119 – 125.

² Очерки революционных связей народов России и Польши 1815 – 1917 ... С. 123.

спросил: «Вы откуда пожаловали к нам на Кавказ» – Из Царства Польского. «А!.. понимаю», – повернулся и ушел. Прошло с полчаса времени. Мигрин, который часто выходил на улицу, наконец, вошел в комнату с видимым беспокойством. «К нам приставили часового, – сказал он, – и, конечно, все это по милости вашей: я говорил вам, что не надо выезжать в понедельник». (Он был мало развит, часто говорил вздор и беспрестанно улыбался). Я подошел к старикам, собравшимся в углу сеней, и спросил: нельзя ли, господа старики, где-нибудь что-либо нам перехватить? – Нельзя, ваше сиятельства, вас не велено выпускать; вот станичный воротится от командира, он скажет, что с вами делать. – Что за оказия! подумал я и воротился в комнату. Смотрю – Мигрин огорчен не на шутку; чуть-чуть не плачет; я едва мог его успокоить. Наконец входит урядник и, обращаясь ко мне, говорит: «вас, вместе с вашим товарищем, полковой командир просит к себе». Мы пошли. Едва я вошел в зал, полковник вышел из кабинета и, протягивая мне руку, говорит: «Як-се-маш, пане грабе!». – Вы ошибаетесь, полковник; позвольте... «За пущьно, пане грабе; проще зачекаць; зараз я напише, и пан повруциш до Ставрополя; а тым часем проще законсиць». С этим словом он отворил дверь в столовую, где действительно была приготовлена приличная закуска. Радужный прием и внимательное, хотя странное для меня, обращение полковника, после двух рюмок водки и стакана марсалы, развязали мой язык, и я бойко заговорил с ним по-польски. Это ещё более усилило его подозрение; но за кого он меня принимал, – я никак догадаться не мог. Между тем, никакие разуверения и доказательства о моей личности не заставили его снять с меня арест; мне удалось только уговорить его отправить меня в отряд, а не назад в Ставрополь. Наконец доложили ему, что тройка для нас готова, и наши вещи уложены. Полковник в присутствии нашем, вручая уряднику, назначенному нас сопровождать, конверт, приказал следовать день и ночь и прямо доставить нас в походное дежурство отряда с конвертом на имя начальника походного штаба.

Когда мы сели, нас окружил конвой в числе четырех казаков, а урядник, получивший конверт, уселся рядом с ямщиком лицом к нам. Мы неслись день и ночь; урядник при перемене лошадей не спускал с меня глаз ни на минуту; и, наконец, 27 числа вечером, часов в шесть, мы переправились через Кубань на пароме и въехали в ворота Ольгинского укрепления, с правой стороны которых находился флигель, где помещался воинский начальник. На маленькой галерее этого деревянного строения, за чайным столиком, сидели: походный начальник штаба полковник Марцелин Матвеевич Ольшевский и дежурный штаб-офицер подполковник Шаховской (Начальником штаба войск Кавказской линии и Черномории был генерал-майор Петров, а дежурным штаб-офицером полковник Лещенко; оба они оставались в Ставрополе. – Авт.); тут было человека три военных, но, как по принятой здесь форме, все были без эполет, имея вместо сабель и шпага на узеньком ремне, чрез правое плечо, черкесские сабли, называемые шашками, то, к какому роду войск они принадлежали, какие имели чины – определить было нельзя. Урядник быстро соскочил с повозки, а я вслед за ним. Едва урядник подал конверт начальнику штаба, тот, увидев меня входящего по маленькому крылечку на галерею, встал, подал мне руку и, не распечатывая ещё конверта, приветствовал словами: «Вот с каким парадом вы прикатили в отряд». Затем, распечатав конверт, рассмеялся и, передав бумагу князю Шаховскому, сказал уряднику: «кланяйся полковнику и благодари, – ответ он получит завтра, ты сам его отвезешь». Тут же вскоре выяснилась ошибка. После усмирения мятежа в Царстве Польском многие из военнопленных офицеров, «польских повстанцев», то есть не служивших в бывших польских войсках, а ставших в ряды вновь сформированных во время возмущения ратников, будучи отправлены на Кавказ, бежали с дороги. В числе их был некто граф Лядуховский – товарищ князя Сангушки, возвращенного из Сибири и служившего в то время в Тенгинском полку, о поимке которого сделано было секретное распоряжение. Левашев принял меня за пана Лядуховского по описанию его примет, к числу которых принадлежали также серебряные очки и венгерка. <...>

Адъютант штабс-капитан Корецкий принял меня весьма ласково, сам пошел со мною к штабс-капитану Никандру Ивановичу Есипову, командиру 11-й мушкетерской роты, в которую я уже был назначен. Тот принял меня также весьма внимательно и приказал вестовому указать мне палатку, предназначенную для разжалованных. Это была обыкновенная солдатская палатка, разбитая на левом фланге первого ряда солдатских палаток, величаемая дворянскою. Тут я нашел подпрапорщика из крымских армян, по фамилии Каркаш, и трех бывших студентов, не окончивших курс гимназий Царства Польского и попавших в плен, по служению в рядах повстанцев: Добского, Рандерата и Яворского»¹.

Упомянувшееся автором секретное предписание о поимке «злоумышленника» было не единичным случаем, а достаточно часто рассылаемой директивой. Беглецы из Царства Польского разыскивались на территории империи, и соответствующие приказы высылались всем губернаторам².

Конечно, оценивать всех польских военнослужащих исключительно как лиц, враждебно настроенных к России и русским, было бы неверно. Понимали это и высшие сановники империи, которые напоминали местному начальству, что оно обязано «...наблюдать вообще за порядком, тишиною и добрым согласием, и что оное вероятно в таком случае если бы кто либо из обывателей в самом деле оскорбительными словами возбудил жалобы военных чинов, служивших в бывшей Польской армии, не оставить строго взыскать с него за таковой неприличный поступок, и сделать прочим внушение, чтобы они всемерно старались избегать таковых оскорблений»³.

Здесь, очевидно, уместно привести мнение авторитетного польского специалиста Виктории Сливовской, которая, изучая судьбу ссыльнопоселенцев, оказавшихся в Сибири

¹ Фёдоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 3 – 5.

² ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 552; ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 553; ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5639 и др.

³ ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 27. Л. 2 об.

(ещё одном месте, куда отправляли выходцев из Польши) пришла к следующему выводу: «Целью всех видов ссылок от каторги до жительства не было истребление «неудобных» элементов населения, но их изоляция и, как сегодня модно говорить, ресоциализация; когда кончался назначенный срок (по амнистиям всегда сокращаемый) и власти приходили к выводу, что наказанного можно считать лояльным подданным, – он мог вернуться на родину. Следует добавить, что царские власти боролись с настоящими противниками, – мы можем считать наказания слишком строгими, но они применялись по существующим законам. За ложные доносы их авторы тоже шли на каторгу. Наказанные поляки – по уголовным и политическим делам – использовались для колонизации захваченных территорий...»¹. Подтверждение такому выводу мы находим и на северокавказском материале². Поляки, которые честно и добросовестно служили на новом месте проживания, пользовались всеми благами и привилегиями наравне с другими подданными российского престола и могли рассчитывать на досрочное возвращение на Родину³.

Плен и рабство были одной из обыденностей в северокавказской повседневности первой половины XIX в. Никто не мог быть уверен в том, что не станет жертвой набега и не окажется увлеченным в горы, чтобы пополнить ряды таких же страдальцев. И хотя российская власть предпринимала меры для пресечения такой практики, полностью избавиться от неё долгое время не удавалось. Размеры «пленопродавства» несколько сократились после того, как удалось уменьшить контрабандные связи между кавказскими племенами и Турцией, которая охотно скупала «живой товар». Но вплоть до завершения боевых действий в регионе случаи вывоза невольников

¹ Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1. // URL: <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYa-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (дата обращения 3.07.2018).

² Цифанова И.В. Миграция как инструмент государственной политики (на примере польских переселенцев на Северный Кавказ // Кант. 2014. № 1 (10). С. 88.

³ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 13 – 14.

в эту страну продолжались. Находил применение рабский труд и в самой горской среде, особенно если пленник обладал какими-то ценными профессиональными навыками. Его можно было содержать в заточении, в надежде получения выкупа или для обмена на собственных пленных, оказавшихся в руках российского командования¹.

У таких людей, как правило, оставался шанс обрести свободу. Многие зависело от физического состояния и морально-волевых качеств самого невольника. Они могли совершить побег или дожидаться помощи со стороны близких, готовых внести похитителям необходимую сумму выкупа. Сохранялось упование и на меры со стороны властей, старавшихся выручить этих несчастных. Если было кому хлопотать о судьбе человека, оказавшегося в руках «хищников», его шанс выйти из плена возрастал. Для поляков, многие из которых оказались на Кавказе в качестве пленных или ссыльных, надежды на благополучный исход были меньше. Они являлись чужаками, и рассчитывать на поддержку со стороны, как правило, не могли². Но и в такой ситуации находились люди, добивавшиеся желанной свободы и спустя годы вырывавшиеся из горского заточения.

В сложившихся условиях у поляков менялось восприятие «своего» и «чужого». До этого русские выступали для большинства из них в качестве противника, но в новой ситуации они меняли своё мировоззрение, понимая, что по своей культуре и менталитету те гораздо ближе к ним, нежели представители горского мира.

¹ Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей первого общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 172 – 200.

² Kalinowski K. Указ. соч. С. 39.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известия европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – 636 с.
2. Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. – 950 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1881. – Т. VIII. – 1009 с.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1884. – Т. IX. – 1013 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею – Тифлис, 1904. – Т. XII. – 1552 с.
6. Алиев К. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Краткий военно-исторический справочник. – Махачкала, 2010. – URL: <http://kumukia.ru/?id=683> (дата обращения 16.03.2021).
7. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 560 с.
8. Архив Раевских: Т. 1 – 5. Т. 3: Письма 1839 – 1841 гг. / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург: тип. М.А. Александрова, 1910. – 580 с.
9. Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 163 – 194.
10. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (Вторая половина XIX века – начало XX века). – М.: РепроЦентр М, 2005. – 240 с.
11. Беланже Ш. Путешествие в Восточную Индию в 1825 – 1829 годы // Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). – Орджоникидзе: Североосетинское кн. изд-во, 1967. – С. 210 – 217.
12. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802 – 1837 / Публикация М.В. Сидоровой и А.А. Литвина. Пер. с фр. О.В. Маринина. – М.: Российский фонд культуры, 2012. – 755 с.

13. Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812 – 1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. – М., 2006. – С. 289 – 305.
14. Бижев А.Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30 – 40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX века (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). – Майкоп, 1991. – С. 119 – 144.
15. Бларамберг И. Кавказская рукопись. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. – 240 с.
16. Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге 1749 – 1752: присоединение Осетии к России. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010. – 236 с.
17. Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. – Краснодар: КубГУ, 2008. – 260 с.
18. Боголюбов А.А. Судьбы поляков на Северном Кавказе в XIX веке // Поляки в России: вехи истории. – Краснодар: КубГУ, 2008. – С. 135 – 217.
19. Бокова В.М., Филатова Н.М. Польское восстание 1830 – 1831 гг.: взгляд с двух сторон // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 5 – 46.
20. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: Типография С. Селивановского, 1823. – Ч. 2. – 465 с.
21. Бычков В. Герой Кавказских войн, генерал-остряк Иедлинский. – URL: [https:// radiosputnik.ria.ru/20190729/1556883034.html](https://radiosputnik.ria.ru/20190729/1556883034.html) (дата обращения 16.03.2021).
22. Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. – С. 349 – 455.
23. Васюков С.И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. – 1905. – № 12. – С. 560 – 583.

24. Великая Н.Н. Об особенностях политического взаимодействия Российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. С. 22 – 30.
25. Вилар П. История Испании / Пер. с фр. И. Борисовой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 222 с.
26. Виноградов В.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. – 138 с.
27. Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Книга регионоведческих статей, очерков и зарисовок / Под ред. С.Л. Дударева. Москва – Армавир, 2006. – С. 4 – 12.
28. Виноградов В.Б. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. – Армавир, 2008. – С. 186 – 191.
29. Виноградов В.Б. Ещё раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде яском Деякове» (по поводу статей Е.Г. Пчелиной и В.А. Кучкина) // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир, 2008. – С. 132 – 137.
30. Виноградов В.Б. Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Современные аспекты российского кавказоведения (мозаика новейших публикаций). – Москва-Армавир, 2007. С. 6 – 10.
31. Виноградов В.Б., Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). – Армавир – Майкоп, 2003. – 154 с.
32. Воронцов С.А. Спецслужбы России. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 512 с.

33. Выскочков Л.В. Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 693 с.
34. Высочайшие приказы. По военному ведомству // Кавказ. – 1846. – 16 февраля. – № 7. – С. 25 – 26.
35. Высочайшие приказы. По военному ведомству // Кавказ. – 1846. – 26 января. – № 4. – С. 13 – 14.
36. Высочайшие указы // Кавказ. – 1846. – 12 января. – № 2. – С. 5.
37. Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Краснодар, 1988. – С. 84 – 100.
38. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дис... док. ист. наук. – Тбилиси, 1972. – 46 с.
39. Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735 – 1800 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2011. – 620 с.
40. Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860 – 1917. – М.: Новый хронограф, 2016. – 448 с.
41. Гейман В.А. 1845 год. Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – С. 324 – 408.
42. Герцен А. Былое и думы. Части 6 – 8. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. – 615 с.
43. Герцен А.И. Сочинения. В 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. А.И. Володин; ред.: А.И. Володин, З.В. Смирнова – М.: Мысль, 1986. – Т. 2. – 652 с.
44. Голицына Н.И. Воспоминания // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 51 – 166.
45. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 762.
46. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1400.
47. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2061.

48. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2485.
49. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2752.
50. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992.
51. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199.
52. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 297.
53. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 929.
54. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1411.
55. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2144.
56. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26.
57. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96.
58. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 2. Д. 58.
59. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 2. Д. 324.
60. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 4. Д. 79.
61. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 4. Д. 117.
62. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 4. Д. 278.
63. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595.
64. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65.
65. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71.
66. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 12. Д. 27.

67. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63.
Оп. 12. Д. 552.
68. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63.
Оп. 12. Д. 553.
69. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63.
Оп. 22. Д. 477.
70. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 534.
71. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 1103.
72. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 2216.
73. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 2399.
74. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 2654.
75. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 5336.
76. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 5639.
77. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 6140.
78. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 6542.
79. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 6544.
80. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 6960.
81. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68.
Оп. 1. Д. 7106.
82. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79.
Оп. 1. Д. 728.
83. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79.
Оп. 1. Д. 1058.
84. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79.
Оп. 1. Д. 1206.
85. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79.
Оп. 1. Д. 1531.

86. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 82. Оп. 24. Д. 473.
87. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1103.
88. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2899.
89. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6031.
90. Госцэў А.П., Швед В.В. Кронан. Летапiс горада на Нёмане (1116 – 1990 гг.). – Гродна: НВК «Пергамент», 1993. – 320 с.
91. Грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. – Баку: «Маариф», 1989. – 401 с.
92. Гунаропуло С.А. Встреча с абреками // Исторический вестник. 1902. Август. – С. 445 – 452.
93. Давыдов Д. Полное собрание стихотворений. / Редакция, вступительная статья и примечания Вл. Орлова. – Ленинград: Советский писатель, 1941. – 203 с.
94. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – М.: Рус. Яз., 1989 – 1991. Т. 4: Р-V. 1991. – 686 с.
95. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. Издание пятое с посмертными примечаниями, статьею К.Н. Бестужева-Рюмина, и указателями предметов и имён. – СПб., 1895. – 628 с.
96. Дебу И. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске. – СПб., 1829. – 463 с.
97. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2001. – 448 с.
98. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829 – 1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. – 560 с.
99. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30 – 60-х гг. XIX в. / Под редакцией Н.С. Киняпиной. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 312 с.
100. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макро-социологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 384 с.

101. Дзидзария Г.А. Труды. – Сухум: АбиГИ, 2015. – Т. II. – 704 с.
102. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в двух томах. Т. II. 1865 – 1876 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 588 с.
103. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. – М.: Изд-во НОРМА, 1998. – 672 с.
104. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845 – 1846 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. – С. 408 – 506.
105. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Тифлис, 1888. – Т. VI. – 756 с.
106. Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в. Дис... канд. ист. наук. – Армавир, 2016.
107. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. – 402 с.
108. Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. – Вып. 5. – 32 с.
109. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / Под ред. С.Н. Ктиторова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – 73 с.
110. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Известия Кавказского отдела ИРГО. 1909 – 1910. – Тифлис, 1910. – Т. 20. – Выпуск 2. – С. 149 – 210.

111. Дьячков-Тарасов А.Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточной войною – в 1853 году (Военно-исторический очерк) // Кубанский сборник. – 1904. – Т. 10. – С. 243 – 330.
112. Дэвис Н. Сердце Европы. М. – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2010. – 527 с.
113. Епифанцев А.А. «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». – М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2010. – 356 с.
114. Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме / Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 287 с.
115. Жуков К.А. Поляки в Османской империи и Россия (60 – 70-е гг. XIX в.) // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 6 (33). – С. 186 – 220.
116. Зайончковский А.М. Восточная война, 1853 – 1856. В 2 т. Т. II, в 2 ч. Ч. 2. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 716 с.
117. Заместитель председателя ОВЦС: «Русский мир — это цивилизационная общность, образованная общими ценностями и общим опытом общественного строительства». – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/26208.html> (дата обращения 16.03.2017).
118. Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. – М.: Наука – Вост. лит., 2019. – 190 с.
119. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) / Перевод В.В. Тимошук // Русская старина. – 1898. – Август. – С. 435 – 464.
120. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) / Перевод В.В. Тимошук // Русская старина. – 1898. – Октябрь. – С. 169 – 200.
121. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) / Перевод В.В. Тимошук // Русская старина. – 1900. – Июнь. – С. 685 – 696.

122. Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812 – 1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995 – 1996 гг.). – Бородино, 1997. – С. 190 – 197.
123. Император Николай I и Польша в 1830 г. (воспоминания подполковника Фаддея Вылежинского) // Исторический Вестник. – 1903. – № 6. – С. 645 – 676.
124. Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. – 298 с.
125. «Исповедь» В.И. Кельсиева / Подготовил к печати Е. Книгисепп. Вступительная статья и комментарии М. Клевенского // Литературное наследство. – М., 1941. – Кн. 41 – 42. – С. 253 – 470.
126. История XIX века / Под ред. профессоров Лависа и Рамбо. Пер. с фр. В 8 т. – М.: ОГИЗ, 1938. – Т. 3. – 632 с.
127. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. I. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 404 с.
128. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. – М.: Наука, 1991. – 520 с.
129. История Польши в трёх томах. Т. I. / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 584 с.
130. Кабардино-русские отношения в XVI – XVII вв. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – Т. I. – 479 с.
131. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.
132. Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. – 620 с.
133. Казем-Бек М.А. Мохаммед Амин // Русское слово. – СПб., 1860. – №. 6. – Отдел I. – С. 227 – 246.

134. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племён, населяющих северо-восточный берег Чёрного моря // Русский вестник. – М., 1860. – Т. 28. – С. 517 – 550.
135. Карнаухов Д.В. Средневековая Русь в историческом образовании Польши: истоки формирования стереотипов // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 60 – 65.
136. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб.: Наука, 1996. – 312 с.
137. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 200 с.
138. Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. – 1869. – Т. 81. – № 6. – С. 520 – 544.
139. Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. – 1869. – Т. 83. – № 9. – С. 290 – 302.
140. Керашев А.Т. Политическая деятельность князя Сефербея Заного в годы Кавказской войны // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы всесоюзной научно-практической конференции 24 – 26 октября 1990 г. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – С. 220 – 233.
141. Кер-Портер Р. Путешествия по Грузии, Персии, Армении и т.д. в 1817 – 1820 годы // Осетия глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). – Орджоникидзе: Северо-осетинское кн. изд-во, 1967. – С. 195 – 204.
142. Кицкая Н. Главы из «Воспоминаний» // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830 – 1831 годов / Сост., вступ. статья В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 167 – 286.
143. Клычников Ю.Ю. «Переписка о чеченце Маразбеке (Фёдоре Афанасьеве) и его подвигах»: эпизод из деятельности русских лазутчиков в годы «Кавказской войны» // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 4. – С. 74 – 78.
144. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. – 135 с.

145. Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI – XVIII веках / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2008. – 136 с.
146. Клычников Ю.Ю. Исследование А.А. Епифанцева и мышления о проблемах современной кавказоведческой историографии // Вопросы Южнороссийской истории. – Армавир, 2011. – Вып. 17. – С. 103 – 109.
147. Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 17. – Армавир, 2011. – С. 125 – 126.
148. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). исторические очерки. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с.
149. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.
150. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении. (Историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием С.Л. Дударева. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – 99 с.
151. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под редакцией В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 84 с.
152. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / Под редакцией В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 90 с.
153. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. – 211 с.
154. Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск: РИА КМВ, 2011. – 256 с.

155. Клычникова Н.Н., Клычников Ю.Ю. Исторические реалии событий, отражённых в поэме Д.Г. Гурамишвили «Бедствия Грузии» // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18 – 20 ноября 2011 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – С. 171 – 175.
156. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / Вступ. ст. А.А. Левандовского. – М.: «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. – 862 с.
157. Кошель П. Ссылка и каторга в России. URL: <https://his.1sept.ru/2003/02/3.htm> (дата обращения 16.03.2021).
158. Краткая история Польши. – М.: Наука, 1993. – 528 с.
159. Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Поляки в Кавказской войне: PROETCONTRA // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар: КубГУ; Парабеллум, 2009. – С. 149 – 154.
160. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 303 с.
161. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735). – М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. – 381 с.
162. Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. II (октябрь – декабрь 1812 г.) / Под ред. полковника Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство МО СССР, 1955. – 851 с.
163. Лавров Л.И. Убыхи: историко-этнографическая монография. – СПб.: Изд-во «Наука», 2009. – 236 с.
164. Лазарев М.П. Сборник документов. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1955. – Т. II. – 712 с.
165. Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845 – 1854 гг. / Под ред. Ю.Ю. Клычникова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 323 с.
166. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844 – 1854 гг.). – М.: Проспект, 2022. – 768 с.
167. Лазарян С.С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 247 с.

168. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1914 год. – Екатеринодар, 1914. – Т. XIX. – С. 445 – 622.
169. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2008. – 400 с.
170. Лапинский Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Перевод В.К. Гарданова. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. – 464 с.
171. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1872. – № 6. – Ч. I. – С. 1 – 62.
172. Липатов А.В. Шляхетская демократия эпохи Просвещения: национальная ментальность, культурно-государственная традиция и историческая необходимость // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 213 – 226.
173. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов / С английского перевёл В.М. Аталиков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 543 с.
174. Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722 – 1735). – Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. – 192 с.
175. Мальсагов А.У. Ингуши. Краткая история их участия в войнах России. – Пятигорск: «РИА-КМВ», 2005. – 342 с.
176. Мамсиров Х.Б. Феномен Кавказской туземной конной дивизии в российской армии в период Первой мировой войны // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18 – 19 сентября 2014 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 126 – 132.
177. Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. – 1911. – № 1. – С. 203 – 208.

178. Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. – 1911. – № 2. – С. 320.
179. Марков Вл. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский // Русская старина. – 1911. – № 3. – С. 588.
180. Маркова О.П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. – 1953. – № 42. – С. 202 – 237.
181. Маркс К. Кошут и Луи-Наполеон // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – С. 524 – 530.
182. Маркс К. Любопытная страничка истории // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 12. – С. 490 – 496.
183. Маркс К. Предатель в Черкесии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 12. – С. 171 – 172.
184. Марченко А.М. С подорожной по казённой надобности. – М.: Книга, 1984. – 335 с.
185. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. – Краснодар: Эдви, 2015. – 272 с.
186. Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии // Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство». Краснодар, 2007. № 4 (19). Октябрь – декабрь. С. 22 – 31.
187. Медвенский Н.И. Западный Кавказ в планах польской дипломатии. – URL: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708> (дата обращения 16.03.2020).
188. Менцель А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. – М.: «ИНДРИК», 2000. – С. 39 – 51.
189. Мерлио Э. Воспоминания французской пленницы Шамиля. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – 238 с.

190. Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики. / Под общей редакцией Бабич И.Л., Вирт Ю.В., Мартыновой М.Ю. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 315 с.
191. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. – С. 159 – 734.
192. Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Часть II. Карл Штюккер. Нравы и обычаи в Турции и Черкесии / Руков. научного проекта К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 170 с.
193. Наш край (Документы, материалы. 1777 – 1917 гг.). – Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. – 424 с.
194. Нечитайлов М.В. Отдельный Кавказский корпус (1817 – 1864 гг.). – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5441 (Дата обращения 16.04.2020).
195. Николай I: Муж. Отец. Император. / Сост. Н.И. Азарова. Комментар. Н.И. Азарова и Л.В. Гладкова. – М.: «Слово / Slovo», 2000. – 616 с.
196. О сословиях Гурии (из записок капитана Тржасковского) // Кавказ. – 1847. – № 40. – 4 октября. – С. 156 – 157.
197. Олейников Д.И. Бенкендорф. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 393 с.
198. Опрышко О.Л. Кабардинский конный полк в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18 – 19 сентября 2014 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 133 – 139.
199. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914 – 1917: Возвращение из забвения. ... Нальчик: Эльбрус, 1999. – 464 с.
200. Осетия в кавказской политике Российской империи: Сборник документов и материалов / Под ред. Хамицаевой А.А. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 334 с.
201. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815 – 1917. / Под ред. В.А. Дьякова, А.Я. Манусевича, И.С. Миллера, И.А. Хренова. М.: Наука, 1976. – 604 с.

202. П.С. Нахимов. Документы и материалы. Т. 1. – СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2003. – 432 с.
203. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2007. – 240 с.
204. Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829 – 1864 гг.). – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат “Адыгея”», 2006. – 128 с.
205. Пантелеев А.Н. Пленные 1812 г. в России и обращение с ними царского правительства // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2011. – Вып. 10 (102). – С. 249 – 253.
206. Петерс Т.П. Судьбы участников и пленных Отечественной войны 1812 года на страницах дневника путешествия в Крым и на Кавказ Поля Гибалы в 1818 – 1820 гг. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813 – 1814 годов: Материалы международной научной конференции, 3 – 6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. – Бородино, 2015. – С. 417 – 426.
207. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огарёву с биографическим введением и объяснительными примечаниями М.П. Драгоманова. – СПб., 1907. – 456 с.
208. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Литера, 1999. – 800 с.
209. Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. – М., 1864. – 452 с.
210. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. – Краснодар: Кн. изд-во, 1989. – 319 с.
211. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 511 с.
212. Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. – 384 с.
213. Полковой адъютант в 1711 – 1918 гг. – URL: <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#.Xs55pDAzaM8> (дата обращения 16.03.2021).

214. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815 – 1830. – М.: «Индрик», 2010. – 584 с.
215. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т. 2.: Ермоловское время. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 591 с.
216. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801 – 1917. – М.: Новое издательство, 2006. – 456 с.
217. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70-е годы XIX века): Сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.
218. Проект гр. А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. – СПб., 1900. – № 12. – С. 615 – 616.
219. Прозрителев Г.Н. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года. Надпись на скале близ сёл Ореховки и Высоцкого Ставропольской губернии // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества / Под ред. Н.И. Веселовского. – Петроград, 1914. – Т. III. – С. 11 – 14.
220. Прохоров М.Ф., Шубин Н.А. Современная отечественная историография о положении военнопленных французской армии в России в 1812 г. // Сервис в России и за рубежом. – 2012. – № 4 (31) – С.153 – 201.
221. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
222. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 4. Д. 429.
223. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395. Оп. 140. Д. 77.
224. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6323.
225. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6331.

226. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 6417.
227. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 99.
228. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 454.
229. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 462.
230. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 464.
231. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 489.
232. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 513.
233. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 514.
234. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1150.
235. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 19.
236. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14179. Оп. 2. Д. 910.
237. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 178.
238. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 217.
239. Российский государственный исторический архив. Ф. 932. Оп. 1. Д. 51.
240. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827 – 1869. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. – 706 с.
241. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточная литература РАН, 1997. – 415 с.
242. Сабадаш Н.П. Польская тема в русской литературе Николаевской эпохи (1826 – 1855 гг.): дисс. ...канд. филолог. наук: 10.01.01 / Сабадаш Надежда Петровна. – Москва, 2015. – 180 с.

243. Свешников В. Из письма о Сухуме // Кавказ. – 1853. – 23 декабря. – № 95. – С. 410 – 411.
244. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 318 с.
245. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 508 с.
246. Селезнев М.С. Руководство к познанию Кавказа в 1847 – 1850 гг. – М.: Тип. Морского Кадетского Корпуса, 1847. – Кн. II. – 196 с.
247. Семевский М.И. Александр Бестужев на Кавказе. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. – № 6. – Т. 87. – С. 485 – 524.
248. Синицын В.О. Проблемы истории польской ссылки в России в XIX веке в исследованиях В. Сливовской // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 58 – 64.
249. Скибицкая И.М. Польские авантюристы в Кавказской войне // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. / Под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2004. – С. 113 – 122.
250. Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. – 2010. – № 1. – URL: <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYa-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (дата обращения 3.07.2018).
251. Смит Ф. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов / Пер. с нем. гвардии штабс-капитана Квитницкого. – СПб.: Тип. В. Свиридова, 1863. – Т. 1. – 496 с.
252. Соколов (Костромской) П. По Чёрному морю и его побережью (Воспоминания о поездке в 1898 г.) // Русское судоходство. – 1904. – № 12. – С. 132 – 150.
253. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию / Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. – 153 с.
254. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М.: Международные отношения, 2002. – 696 с.

255. Страбон. География в 17 книгах / перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского, под общей редакцией С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
256. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 1005 с.
257. Тебу де Мариньи. Поездки в Черкесию / Перевод с французского К.А. Мальбахова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 208 с.
258. Тренин В.В. Полковник Лапинский и его мемуары // Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 41 – 42. – С. 539 – 571.
259. Труды Московского Отдела императорского русского военно-исторического общества. Т. II. Материалы по отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего Соединёнными Армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году / Под редакцией В.П. Никольского. С толкованиями и приложениями, составленными В.П. Никольским и Н.П. Поликарповым. – М., 1912. – 433 с.
260. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801-1855. – М.: ООО Издательство АСТ, 1996. – 248 с.
261. Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. – 1951. – № 1. – С. 100 – 107.
262. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.
263. Фёдоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. – Т. III. – С. 1 – 250.
264. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан политический деятель и поборник независимости черкесского народа. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – 296 с.
265. Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки её генезиса, значения, истории и современного состояния. – М., 1893. – 193 с.
266. Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837 – 1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: ООО «Издательство журнала “Звезда”», 2000. – С. 76 – 197.

267. Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863 – 1864 г. Из записок участника-иностранца. – Б.м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. – 42 с.
268. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму / Пер. В.М. Аталикова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – С. 84 – 263.
269. Хафизова М.Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – 160 с.
270. Ховен И.Р. фон дер. Моё знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в кавказских войсках в 1835 – 36 годах. (Рассказ очевидца) // Древняя и новая Россия. – 1877. – № 2. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Von_der_Hoven_I_R/text.htm (дата обращения 7.01.2019).
271. Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. / Сост. А.В. Липатов, И.Д. Шайтанов. – М.: «ИН-ДРИК», 2000. – С. 100 – 109.
272. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552 – 1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2000. – 512 с.
273. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 105. Оп. 1. Д. 44 а.
274. Цифанова И.В. Миграция как инструмент государственной политики (на примере польских переселенцев на Северный Кавказ // Кант. – 2014. – № 1 (10). – С. 87 – 90.
275. Цифанова И.В. Польские переселенцы в Кавказской войне XIX века. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (дата обращения 16.03.2022).
276. Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси: Заря Востока, 1958. – 578 с.
277. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) /

- Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Гос. издат. Груз. ССР. – 558 с.
278. Шильдер Н.К. Николай I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: Эксмо, 2010. – 432 с.
279. Широкоград А.Б. Польша. Непримириемое соседство. – М.: Вече, 2008. – 448 с.
280. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. – 1871. – № 11. – С. 117 – 164.
281. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. – Краснодар: Традиция, 2010. – 336 с.
282. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение, Екатеринодар, 1913.). – Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1992. – 880 с.
283. Экштут С.А. Тютчев: Тайный советник и камергер. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 263 с.
284. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1886. – Т. X. – С. 225 – 404.
285. Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila, od roku 1844 do 1854. – Warszawa, 1883. – 139 s.
286. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831 – 1864. – Warszawa, 2011. – 268 s.

SUMMARY

The expansion of the territories of the Russian state led to the emergence of new peoples in its complement, whose economic and socio-cultural appearance did not always fit into the existing principles and rules of the state's way of life. In this case, it was necessary to undertake costly efforts to reform such societies, changing, as far as possible, their archetype, and, in turn, experiencing the cultural impact of new compatriots.

Initially formed as a multi-ethnic space, Russia over its centuries-old history has accumulated considerable experience in reconciling even recent antagonists, who, due to the specifics of their lifestyle, are “immune” to external influences and hostilely perceive any attempts to influence their existing world order. The need to annex such problematic lands often had a forced character associated with the task of ensuring foreign policy security. Hence the perseverance, and sometimes uncompromisingness in the development of new possessions, the expediency in the possession of which was repeatedly called into question by both contemporaries and descendants.

In this regard, the Polish and Caucasian issues, which for a long time became centers of instability for the empire, are very remarkable, because. serve as a clear example of overcoming the initial rejection demonstrated by the parties of the intercultural dialogue.

At the dawn of the formation of their statehood, Russia and Poland found themselves in equal starting conditions. The challenges that they had to overcome did not give any of them significant advantages in development. But since the XVI century as a result of active foreign policy expansion, Poland, which significantly increased its potential thanks to the union with Lithuania, managed to subjugate the richest lands of Ukraine. It received an agrarian base, with the help of which it could contain a large layer of the military aristocracy, which occupied a very significant niche in Polish society. If in Russia the service nobility was estimated at three percent of the total population, then there were at least ten gentry. Confidently moving east, Poland gradually became the

breadbasket of Europe. The exploitation of Ukrainian and Belarusian serfs provided even small estates with significant export income, which made it possible to maintain the famous Polish cavalry, which deservedly enjoyed the glory of being the strongest on the continent. In such a situation, it was not necessary to expect the development of advanced industries. The necessary goods could always be purchased from those who bought their raw materials from the Poles. And it was possible to expand their own opportunities for their acquisition due to increased serf exploitation, when the peasants were transferred for a month. Behind the showcase of external well-being, the future systemic crisis of the Commonwealth was hidden.

The formed and entrenched archetype of the consciousness of the Polish elite did not allow it to consolidate even in circumstances that threatened to lose the sovereignty of their homeland. The subsequent three divisions of the country interrupted the independence of the state for more than a century. It is noteworthy that Russia did not hatch a plan to eliminate its statehood and was forced to take this step. Catherine II had completely different tasks, and the Polish direction was considered secondary, and Poland was not considered as an enemy. But the fear that she would become a trophy of "probable opponents" in the person of Prussia and Austria forced the Empress to take this step. The forced acquisition, which became the source of a protracted, now internal, confrontation for an indefinite period, put forward on the agenda the solution of the problem of turning the Polish freemen, who were not prone to constructiveness, into law-abiding subjects of the empire. In an effort to regain their former status, the Polish patriots were ready to sacrifice their lives, but were unable to unite. Social, confessional and ethnic contradictions continued to tear apart their society. Russophobia became an important element of a consolidating ideology, which made it possible to somewhat mitigate the existing differences. Relying on a foreign benefactor who was ready to return control over their own country to them made Poland a springboard for anti-Russian aggression, giving rise to a harsh response from St. Petersburg. Nevertheless, the Poles-insurgents were looking for the slightest opportunity to harm Russia, among other things, considering the mountaineers of the Caucasus as a force capable of

provoking unrest and ultimately ensuring the collapse of the hated rival state.

The significance of the Caucasus for the interests of the Russian Empire in the period under review needs to be explained, because, often the reduction of the whole problem to exclusively colonial-economic priorities does not stand up to scrutiny. It was precisely the economic development of the region that, upon closer examination, seemed to be an unproductive task due to the lack of information about the natural resources available here. Confirmed in the presence of minerals were difficult to develop, and most importantly, there were no developed transport communications that would allow them to be taken out of the region.

The hypothetical option associated with the construction of an appropriate industrial base here was impossible to implement. There were no forces and means in the treasury for this, and the government could not attract private capital, because, heightened military and political risks scared potential investors away from the Caucasus. The empire already had many attractive sources of financial investment that promised benefits without excessive risk of ruin.

In order to populate the new frontier, the authorities were forced to take very costly steps, providing the settlers with the necessary resources and providing all sorts of financial preferences. But even this did not save them from all sorts of hardships and high mortality, and the Caucasus acquired the dubious fame of "disastrous", even without taking into account the ongoing hostilities here. Socio-economic interests in the annexation of new territories in no way justified the costs and expenses that the empire incurred on its newly acquired frontier.

But when the question was about ensuring the security of the southern borders, such arguments faded into the background. The priority was military-political stability, which could be ensured only by firmly gaining a foothold in the Caucasus. At the same time, it was a springboard, relying on which Russia became an influential player in Asia, the importance of which was constantly growing.

Therefore, despite the fluctuations in the government's course, expressed in the annexation and abandonment of the Caucasian territories, the final result was predetermined by geopolitical alignments, which the empire could not ignore. Stopping foreign policy challenges, the Russian statehood began to arrange the annexed territories, once again in its long history forming an organic part of the great-power society from the peoples living here.

The logic of the development of Russian statehood led to the fact that the Polish and Caucasian centers of instability became interconnected, although at first glance they seemed to be the product of completely different circumstances. If for Great Britain or France their colonies represented, first of all, a material value, a source of income, then for Russia the motivation to retain the outlying territories was determined by much more significant categories. Being a hostage of geopolitical realities, it, in other circumstances, getting rid of the unbearable burden of overgrown possessions (an example of this is Alaska), here she was forced to use all available means to keep problematic frontiers.

By the time the Polish-North Caucasian frontier was swallowed up, the Russian government had no hope that a viable political entity would emerge in their place. Therefore, the choice was small: either they became part of their own imperial space, or retreated to someone else's. The hypothetical preservation of their independence did not guarantee a loyal or at least neutral neighborhood and only narrowed the possibility of influencing these centers of destabilization. It was necessary to destroy the aggressive free-men that had formed here and build a predictable model of socio-political relations within the already Russian statehood.

Подписано в печать 27.04.2023 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 15. Уч.-изд.л. 13,56. Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532 Пятигорск, пр. Калинина 9
Отпечатано в отделе ОПиИД УНР ФГБОУ ВО «ПГУ»

